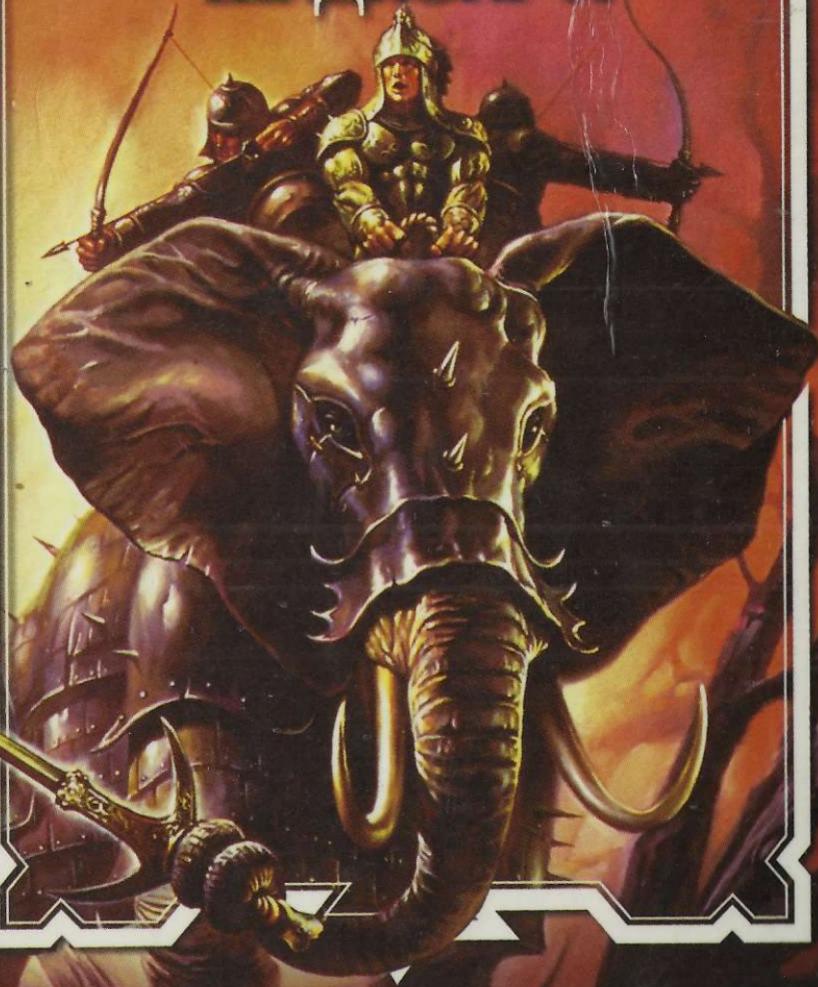

КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДИЗАРА

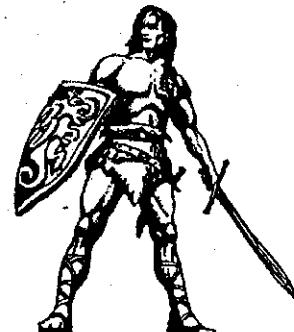
САГА О КОНАНЕ

КОНАН
И ЧЕТЫРЕ
СТИХИИ
1	КОНАН
И БОГИ
ТЬМЫ
2	КОНАН
И МЕЧ
КОЛДУНА
3	КОНАН
БРОСАЕТ
ВЫЗОВ
4	КОНАН
И ПОВЕЛИТЕЛЬ
ПЕЩЕР
5	КОНАН
И ПЕСНЯ
СНЕГОВ
6
КОНАН
И НЕВЕСНАЯ
СЕКИРА
7	КОНАН
НА ДОРОГЕ
КОРОЛЕЙ
8	КОНАН
ПРИНИМАЕТ
БОЙ
9	КОНАН
И КАРУСЕЛЬ
БОГОВ
10	КОНАН
И ДАР
МИТРЫ
11	КОНАН
И НОЧНЫЕ
КЛИНКИ
12
КОНАН
И ГРОТ
ДАЙОМЫ
13	КОНАН
И ЗЕРКАЛО
ГРЯДУЩЕГО
14	КОНАН
И ВРЕМЯ
ЖАЛАЩИХ
СТРЕЛ
15	КОНАН
И ПСЫ
ВОЙНЫ
(НЕ ИЗДАНО)
16	КОНАН
И ТАЛИСМАН
ЗА
(НЕ ИЗДАНО)
17	КОНАН
И БИЧ
НЕРГАЛА
18
КОНАН
И ГОРОД
ПЛЕНЕННЫХ
ДУШ
19	КОНАН
И ИСТОЧНИК
СУДЕЙ
20	КОНАН
И СЕРДЦЕ
АРИМАНА
21	КОНАН
И ВАТРОВОЕ
ОКО
22	КОНАН
И ПРИЗРАКИ
ПРОШЛОГО
23	
КОНАН
И ВОИНСТВО
МРАКА
24	КОНАН
ВАРВАР ИЗ
КИММЕРИИ
25	КОНАН
И РЫЖИЙ
ЯСТРЕБ
26	КОНАН
И ПЛЕNNИКИ
БЕЗДНЫ
27	КОНАН
И ЗАГОВОР
ТЕНЕЙ
28	

КОНАН
И
ЗВЕЗДЫ
ШЛДИЗЛРЛ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС"
2000

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 64

*Серия основана в 1993 году.
Серийное оформление Дмитрия Вяземского.*

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее
части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К 64 Конан и звезды Шадизара: Роман и рассказы.—
СПб., «Северо-Запад Пресс», 2000.— 416 с.

ISBN 5-93698-004-9

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-93698-004-9

© Ken Kelly, обложка, 1986
© Д. Вяземский, серийное
оформление, 1999
© С.Шикин, оборт, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2000

ТВАРЬ В АЛОЙ БАШНЕ

И

ушит Амбула медленно приходил в себя. Все его чувства притупились от вина, выпитого минувшей ночью. Он лежал и никак не мог понять, где находится. Лунное серебро, лившееся через зарешеченное оконце под самым потолком, освещало совершенно незнакомую комнату. Наконец он сообразил, что лежит в верхней камере тюремной башни, куда его заточила королева Тананда.

Амбула подозревал, что в вино было подмешано сонное зелье. Пока он беспомощно лежал пластиом и едва осознавал, что происходит вокруг, два чернокожих великаны из гвардии королевы схватили его и Аахмеса, двоюродного брата Тананды, и бросили в темницу. Последнее, что ему запомнилось — короткая и хлесткая, как удар бича, фраза повелительницы:

— Ну так что, негодяи, будете еще устраивать заговоры против законной королевы? Скоро вы узнаете, каков удел изменников в моей стране!

Стоило шевельнуться, как раздался звон металла, и огромный черный воин сразу понял, что его запястья и лодыжки — в оковах, а от оков тянутся цепи к толстым железным скобам, вмурованным в стену. Он напряг зрение, пытаясь что-нибудь разглядеть в зловонном мраке. «Что ж, подумал он, одно хорошо — я все еще жив. Даже Тананда не решилась сразу убить героя низших каст, командира Черных Копьеносцев».

Что озадачивало Амбулу больше всего, так это нелепое обвинение, будто бы он — соучастник в заговоре Аахмеса. Конечно, они с князем в дружеских отношениях: охотились вместе, выпивали и развлекались, и Аахмес по секрету жаловался Амбуле на королеву, чье сердце столь же коварно и жестоко, сколь привлекательно смуглое тело. Но до настоящего заговора никогда не доходило. Просто Аахмес не из тех, кто на это способен. Этот добродушный, общительный юноша не питал интереса к политике и власти. Должно быть, какой-то мерзавец, стремящийся достичь своих целей за счет ни в чем не повинных людей, оболгал его перед королевой.

Амбула осмотрел оковы. Силы он был недюжинной, но знал, что разорвать цепи ему не удастся. Вырвать скобы из стены? Не стоит и надеяться. Когда их вмуровывали, он сам присматривал за каменщиками.

Он знал, что теперь произойдет. Королева подвергнет его и Аахмеса пыткам, чтобы узнать

подробности заговора и имена сообщников. Сын полудикого народа, Амбула был храбр как лев, но все же такая перспектива его страшила.

А что, если обвинить в соучастии всю знать Куша? Всех аристократов Тананда наказать не сможет. А если все-таки попытается это сделать, мнимый заговор очень скоро станет настоящим.

И тут у Амбулы застыла в жилах кровь, по спине побежали полчища мурашек. В камере был кто-то еще. Кто-то живой, дышащий.

Он вздрогнул, с уст сорвался приглушенный возглас. Изо всех сил напрягая глаза, он всматривался в темноту, что объяла его подобно черным крыльям смерти. В слабых рассеянных лучах, падавших через оконце, военачальнику удалось разглядеть только наводящий ужас силуэт. Ледяная рука страха сдавила сердце Амбулы, которое не дрогнуло во множестве кровопролитных сражений.

Во мраке висел плотный серый туман. Его жгуты извивались, как змеи, собирались в клубок, и этот клубок постепенно приобретал контуры звероподобного существа.

Лицо Амбулы исказилось, глаза округлились; он корчился и бился, вотще пытаясь вырваться из оков.

Сначала он увидел в снопе тусклых лучей света кабанье рыло, покрытое жесткой щетиной. Потом в тенях вырисовалось туловище огромного уродливого зверя — оно стояло вертикально, и оттого выглядело еще ужаснее. Кроме кабаньей головы, Амбула теперь видел толстые волосатые

лапы, заканчивающиеся недоразвитыми кистями, как у бабуина.

С пронзительным воплем Амбула вскочил на ноги, и в этот момент тварь начала двигаться. Проворством она не уступала чудищам из кошмарных снов.

Чернокожий воин успел за один полный смертельного ужаса миг разглядеть чавкающие, капающие пеной челюсти, громадные острые клыки, крошечные свиные глазки, светящиеся злобой и жаждой крови. Потом могучие лапы вцепились в него мертвой хваткой, а клыки вонзились в его плоть...

И вот лунный свет упал на черное тело, распростертное на полу в широкой луже крови. А серое чудовище, которое секунду назад терзало несчастного воина, исчезло; растворилось без следа в неосозаемом тумане.

* * *

— Тутмес! — Голос был настойчив, как и кулак, что барабанил в тисовую дверь одного из самых честолюбивых вельмож королевства Куш.— Господин Тутмес! Впусти меня! Демон снова на свободе!

Дверь отворилась, на пороге стоял Тутмес — рослый, стройный, с узким лицом и смуглой кожей, типичными для его высокой касты. Он кутался в накидку из белого шелка, будто только что поднялся с постели, и держал в руке небольшую бронзовую лампу.

— Что случилось, Афари? — спросил он.

Пришедший, сверкая белками глаз, ворвался в комнату. Дышал он тяжело, как после долгого бега. Афари был сухопар и темнокож, одеждой ему служила белая джубба. Ростом он немного уступал Тутмесу, зато негроидные черты у него были выражены гораздо четче. Гость был очень взволнован, но все же не забыл затворить дверь, прежде чем ответил:

— Амбула! Он мертв! В Красной Башне!

— Что? — воскликнул Тутмес.— Тананда осмелилась казнить командира Черных Копейщиков?!

— Нет-нет! Конечно, она не способна на такую опрометчивость. Его не казнили, а убили. Кто-то проник в камеру — один Сет знает, как это удалось,— и вырвал Амбуле горло, переломал ребра, раздавил череп. Клянусь змеями на голове Деркэто, я видел много мертвцев, но ни к одному из них смерть не была так жестока, как к Амбуле. Тутмес, это работа демона, о котором поговаривает черный народ! Невидимый ужас снова на воле! — Афари сжал в кулаке амулет — крошечную глиняную фигурку божка, которая всегда висела на ремешке на его тощей шее.— Тварь перегрызла Амбуле горло, а следы зубов не похожи ни на львиные, ни на обезьяньи. Это следы острых как бритвы клыков!

— Когда это произошло?

— Где-то около полуночи. Стражники в нижней части башни наблюдали за лестницей, которая ведет к его камере. Никто посторонний не

поднимался по ней. Услышав крик Амбулы, они бегом поднялись по лестнице, ворвались в камеру и нашли его труп. Я спал на первом этаже башни, как ты и приказывал. Узнав, что произошло, я приказал страже держать язык за зубами и поспешил к тебе.

Губы Тутмеса тронула холодная, неприятная улыбка. Он пробормотал:

— Ты знаешь, какова Тананда в гневе. Сущая тигрица. Если она ни с того, ни с сего бросила в темницу Амбулу и своего двоюродного брата Аахмеса, она запросто могла приказать своим подручным, чтобы зарезали Амбулу и обезобразили труп,— пускай народ думает, что это работа легендарного чудовища здешних мест. Могла ведь?

В глазах министра мелькнула искорка понимания. Тутмес, взяв Афари за руку, продолжал:

— А теперь ступай и нанеси удар до того, как о смерти Амбулы доложат королеве. Сначала возьми отряд Черных Копейщиков и перебей стражников в Красной Башне под тем предлогом, что они уснули на посту. Позабочься о том, чтобы все узнали: это сделано по моему приказу. Чернокожие решат, что я отомстил за их любимца — я, а не Тананда. Уладь это дельце, пока о стражниках не позаботилась она. Потом осторожно расскажи о моих подозрениях другим вельможам. Если Тананда намерена обращаться со всей знатью королевства, как с Амбулой и Аахмесом, то нам всем следует быть начеку. Как только

управишься, ступай во Внешний Город и найди там старого Эджира, знахаря. Не говори ему напрямик, что в гибели Амбулы виновата Тананда, но намекни.

Афари вздрогнул.

— Да разве по силам обычному человеку обмануть этого демона? У него глаза, что раскаленные угли костра. Всякий раз, когда я их вижу, мне кажется, будто их взор проникает в глубины ада. Я видел, как он заставлял покойников вставать и идти, как голые черепа от его прикосновений клацали и скрежетали почерневшими зубами...

— Не надо его обманывать,— ответил Тутмес.— Просто скажи о наших подозрениях. В конце концов, даже если Амбулу прикончил какой-то демон ночи, этого демона вызвал человек. Что, если за всем этим действительно стоит Тананда? Ну, иди же скорее!

Когда Афари ушел, с тревогой обдумывая поручения своего визави, Тутмес еще мгновение постоял в гостиной, которой множество gobеленов и иных украшений придавало варварскую пышность. В углу над бронзовой чащебразной курильницей вился голубой дымок. Тутмес позвал:

— Муру!

Босые ступни зашаркали по мраморным плитам пола. Темно-красная гардина на одной из стен отодвинулась, из проема потайного хода в комнату шагнул невероятно тощий и высокий — на добрую голову выше Тутмеса — человек.

— Я здесь, хозяин,— сказал он.

Алая накидка свисала, как тога, с костлявого плеча. Кожа Муру была черна как деготь, но тонкие орлиные черты лица говорили о его родстве с представителями правящей касты Мероз.

Похожие на баранью шерсть кудри на узкой вытянутой голове были уложены в фантастическую конусовидную прическу.

— Тварь вернулась в свою клетку? — спросил Тутмес.

— Да, господин.

— Никто ничего не заметил?

— Нет, мой господин.

Тутмес нахмурился.

— Откуда у тебя уверенность, что она всегда будет тебе подчиняться? Выполнять твои задания, а потом возвращаться в клетку? Вдруг однажды ты ее выпустишь, а она прикончит тебя и сбежит в богомерзкое измерение, которое считает своим домом?

Муру развел руками.

— До сих пор она всегда подчинялась заклинаниям, которые я узнал от моего прежнего господина, стигийского колдуна, изгнанного из своей родной страны за пустяковую провинность.

Тутмес пронизывающе глянул на колдуна.

— Мне кажется, вы, волшебники, большую часть жизни проводите в изгнании. А что, если кто-нибудь из моих врагов подкупит тебя, и ты натравишь на меня своего монстра?

— О, хозяин, не надо так думать! Не будь тебя, куда бы я делся? Кушиты меня презирают, потому что я не их расы, а в Кордаву я не могу вернуться по известным тебе причинам.

— Хм. Ладно, как следует позаботиться о демоне, он нам еще понадобится, и скоро. Этот болтливый дурак Афари ничего так не любит, как выглядеть мудрым в глазах других. Скоро его рассказ о подлом убийстве Амбулы, сдобренный моими намеками на причастность королевы, услышат сотни чутких ушей. Брешь между Танандой и ее двором расширяется, а я пожну плоды.

Благодушно посмеиваясь (что с ним бывало крайне редко), Тутмес плеснул вина в две серебряные чаши и одну подал тощему колдуну, который принял ее с молчаливым поклоном. Тутмес продолжал:

— Конечно, он ни словом не обмолвился о том, что сам начал всю эту интригу с клеветы на Амбулу и Аахмеса. Сам, без моего принуждения! Эта марионетка даже не догадывается о том, что за ниточки дергает колдун Муру, а колдуну приказываю я! Афари притворяется, будто верен нашему делу, но тотчас продаст нас, если почует выгоду. Его конечная цель — править Кушем, то есть жениться на Тананде и стать консортом. Когда я завладею короной, мне понадобится более надежное орудие, чем Афари.

Потягивая вино, Тутмес размышлял: «Как только брат Тананды погиб в сражении со сти-

гийцами, она мертвой хваткой уцепилась за трон из слоновой кости. Эта прирожденная интриганка очень опасна, ей удалось рассорить придворных, и теперь она удачно наусыкивает одну группу на другую. Но ей не хватит силы воли, чтобы удержать власть в стране, где традиции не позволяют женщинам держать бразды. Она опрометчива, взбалмошна и своенравна, и не знает других способов сохранения власти, кроме расправы над теми, кого считает опасными в настоящий момент,— сколь бы ни были высокими их положение и престиж».

— Муру, не спускай глаз с Афари. И крепко держи в узде своего демона. Нам еще понадобятся услуги этого чудища.

Как только кордавец, согнувшись в три погибели, исчез за дверью потайного хода, Тутмес поднялся по лестнице из полированного дерева на залитую луной плоскую крышу дворца.

Склонясь над парапетом, он увидел внизу тихие улицы Внутреннего Города Мероэ, дворцы, сады и большую внутреннюю площадь, на которой в одно мгновенье могла собраться тысяча чернокожих всадников из прилегающих казарм. Далее виднелись большие медные ворота Внутреннего Города, а за ними — Внешний Город. Мероэ находился посреди чуть всхолмленной равнины, покрытой лугами и пашнями,— она простиралась до горизонта. На ней вилась узкая река, задевая окраину Внешнего Города.

Массивная стена, что окружала дворцы высшей касты, разделяла Внешний и Внутренний

Города. Правили Мероэ потомки стигийцев, которые сотни лет назад пришли с севера, чтобы покорить чернокожие народы и смешать свою гордую кровь с кровью новых подданных великой империи.

Внутренний Город был хорошо спланирован, его прямые улицы, широкие площади, высокие каменные особняки и пышные сады были приятны глазу.

Внешний Город, напротив, являл собой беспорядочную россыпь глиняных лачуг. Улицы нелепо петляли и в самых неподходящих местах кончались тупиками. Негры — коренные жители этой страны — ютились во Внешнем Городе. Во Внутреннем жила правящая каста. Чернокожему, чтобы поселиться там, необходимо было наняться в слуги или солдаты.

С презрением глядел Тутмес сверху на эти трущобы. На шумных площадях светились костры, мелькали факелы на разбегающихся улицах. Время от времени доносился обрывок песни или треньканье варварского музыкального инструмента — сколько первобытной злобы, кровожадности в этих звуках! Тутмес плотнее закутался в накидку, и все равно его пробрала дрожь.

Он двинулся назад, но остановился, заметив человека, спящего под пальмой в искусственном саду. Разбуженный прикосновением ноги Тутмеса, человек проснулся и вскочил.

— Не надо ничего говорить, Шубба,— предупредил Тутмес.— Дело сделано. Амбула мертв, и к

рассвету весь Мероэ узнает, что с ним расправилась Тананда.

— А... демон? — с дрожью в голосе прошептал Шубба.

— Снова заперт в своей клетке. А тебе пора идти. Найди в шемитском квартале подходящую белую женщину и побыстрее доставь ее сюда. Если успеешь вернуться до новой луны, получишь столько серебра, сколько она будет весить. Если нет — я украсчу твоей головой эту пальму.

Шубба простерся ниц и коснулся лбом пыльной крыши. Затем вскочил и припустил к лестнице. Тутмес снова глянул в сторону Внешнего Города. Ему показалось, что костры горят ярче, а в монотонном рокоте барабана появился зловещий ритм.

И вдруг яростные вопли заполнили все небо до самых звезд.

— Теперь они знают, что Амбула — покойник, — пробормотал Тутмес и опять содрогнулся всем телом.

* * *

Над Мероэ разливалось пламя зари. Потоки багрового света пронизывали утренний туман и отражались от меди куполов и шпилей Внутреннего Города. Улицы Мероэ вскоре заполнились людом. Во Внешнем Городе дородные черные домохозяйки шли на рыночную площадь с бутылками и корзинами на головах, а незамужние молодицы со смехом и сорочьим щебетом несли

ведра к колодцам. Голые детишки возились в пыли или гонялись друг за дружкой на узких улицах. Рослые, крепко сбитые мужчины что-то мастерили в крытых тростником хижинах или блаженствовали в тени деревьев.

На рыночной площади, под полосатыми навесами, торговцы расхваливали разложенный на подстилках товар: гончарные изделия, инструменты, овощи, фрукты и прочее. Чернокожие люди торговались или просто обсуждали достоинства бананов, бананового пива, орнаментов на ткани и чеканки по бронзе. Возле миниатюрных плавильных печей, наполненных древесным углем, кузнецы усердно ковали железные мотыги, ножи и наконечники копий.

И над всем этим потом, звоном, весельем, злостью, наготой, силой, убожеством и энергией черного народа Куша царило раскаленное солнце.

И вдруг в этом мире произошла перемена, какая-то новая нота вторглась в будничный мотив. С цокотом подков по булыжникам к большим воротам Внутреннего Города приближалась группа всадников. В кавалькаде было шестеро мужчин и одна женщина, она ехала впереди.

У нее была смуглая коричневая кожа, пышные черные волосы стянуты на затылке золотистой лентой. Кроме сандалий на ногах и инкрустированных драгоценными камнями золотых пластин, которые частично прикрывали ее полные груди, на ней была только короткая шелковая

юбка с кожаным поясом. У нее были правильные черты лица, глаза светились отвагой и решимостью.

Она легко и уверенно правила стройным кушитским конем при помощи украшенной драгоценностями уздечки и повода шириной в ладонь, из красной кожи с золотым тиснением. Ее обутые в сандалии ступни опирались на широкие серебряные стремена, а сзади через седло была переброшена убитая антилопа. Две поджарые охотничьи собаки бежали, чуть приотстав от коня.

Когда женщина подъехала ближе, работа и разговоры прекратились. Черные лица стали угрюмыми, мрачные взоры потупились. Темнокожие горожане перешептывались между собой, их голоса слились в еле слышный зловещий ропот.

Юноша, который ехал на полкорпуса позади женщины, встревожился. Он окинул взглядом извилистую улицу и, оценив расстояние до бронзовых ворот, которые еще не показались за хижинами, прошептал:

— Королева, народ стал опасен. Ты поступила опрометчиво, решив ехать через Внешний Город.

— Все черные собаки Куша не помешают мне охотиться! — ответила женщина. — Если кто-нибудь вздумает угрожать, растопчите лошадьми.

— Проще сказать, чем сделать, — пробормотал юноша, оглядывая молчащую толпу. — Они выхо-

дят из домов и заполняют улицы... Посмотри вон туда!

Они въехали на широкую, бурлящую черным людом площадь. Среди хижин вокруг нее бросалась в глаза самая высокая, из глины и пальмовых стволов, с черепами над дверью. Это был храм Джуллаха, правящая каста презрительно называла его домом демона. Черный народ поклонялся Джуллаху, а не Сету, змеебогу своих правителей и их стигийских предков.

Толпа на площади встретила кавалькаду угрюмыми взорами. Отовсюду веяло угрозой. Тананда, впервые ощутившая беспокойство, не заметила еще одного всадника, который приближался к площади по другой улице. В иное время этот всадник привлек бы внимание, потому что его кожа не была ни коричневой, ни черной. Это был белый мужчина могучего телосложения, в кольчуге и шлеме.

— Черные собаки замышляют бунт, — пробормотал юноша и наполовину обнажил саблю. Остальные гвардейцы — чернокожие, как и простой люд кругом, — сомкнулись вокруг королевы, но за оружие не взялись. Глухой ропот звучал все громче, но больше ничего угрожающего пока не происходило.

— Вперед! — приказала Тананда и дала коню шпоры. Толпа угрюмо расступалась перед ней.

И вдруг из дома демона вышел долговязый старый негр в одной лишь набедренной повязке. Это был колдун Эджир. Указав на Тананду, он крикнул:

— Вот едет та, чьи руки замараны кровью! Та, которая погубила Амбулу!

Его крик, точно искра, вызвал взрыв. Над толпой поднялся оглушительный рев. Люди двинулись вперед, выкрикивая: «Смерть Тананде!»

Через мгновение десятки черных рук стали хватать всадников за ноги. Юноша старался пра- вить конем так, чтобы быть между Танандой и толпой, но метко брошенный камень расколол ему череп.

Стражников, схватившихся за мечи, стащили с коней и затоптали насмерть. Только теперь королеву охватил страх, когда ее лошадь взвилась на дыбы, она закричала. К ней тянулось множество сильных черных рук, мужских и женских, иные были уже в крови.

Какой-то великан схватил ее за кожаный пояс и сдернул с седла, прямо на лес поджидающих рук. Юбка, сорванная с королевского тела, взмыла в воздух под оглушительный хохот толпы. Женщина плонула Тананде в лицо и сорвала нагрудные украшения, расцарапав ей грудь черными от грязи ногтями. С силой брошенный камень задел смуглой аристократке голову.

Тананда увидела другой камень, он был зажат в руке негра, который пытался протиснуться к ней, чтобы размозжить голову. Сверкали кинжалы. Только нерешительность удерживала толпу от немедленной расправы. Раздался голос: «В храм Джуллаха ее! На алтарь!»

Площадь ответила одобрительным ревом. Тананда почувствовала, как ее потащили, понесли сквозь бурлящую толпу. Негры хватали ее за волосы, руки и ноги, осипали градом ударов — к счастью, довольно слабых из-за тесноты.

И вдруг толпа дрогнула и раздалась, когда в нее на полном скаку влетел всадник. Негры вопили под копытами могучего коня. Тананда мельком увидела мужской силуэт, возвышающийся над толпой, загорелое, изборожденное шрамами лицо под стальным шлемом и громадный разящий меч, с которого срывались капли крови.

Из толпы вылетело копье, пронзило коню живот. Тот жалобно заржал и рухнул. Но всаднику удалось приземлиться на ноги, и он еще яростней заработал мечом. Бросаемые с неистовой силой копья отлетали от шлема и щита, который незнакомец держал на левой руке, а его широкий меч кромсал плоть и дробил кость, мозжил головы и разбрасывал внутренности по окровавленной мостовой.

Против такого натиска толпа устоять не могла. Расчистив вокруг себя изрядное пространство, незнакомец наклонился и подхватил перепуганную молодую женщину. Прикрывая ее щитом и безжалостно разя наседавших мятежников, он отступал, пока не уперся спиной в угол дома. Заслонив собой королеву, он снова и снова вынуждал пятиться кричащую от ярости толпу.

И тут раздался грохот копыт. На площадь ворвался отряд гвардейцев и погнал мятежников перед собой. Охваченные паникой кущиты с воплями и визгом хлынули в улицы, бросив на площади десятки мертвцев. Командир гвардейцев — огромный негр, щеголяющий красным шелком и позолоченной сбруей,— подъехал к королеве и спешился.

— Ты не торопился.— Тананда встала на ноги и снова приняла горделившую осанку.

Лицо командира приобрело пепельный оттенок. Прежде чем он успел шевельнуться, Тананда дала знак гвардейцам, что стояли за его спиной. Один из них, держа копье обеими руками, с такой силой ударил командира в спину, что наконечник вышел из груди. Смертельно раненный исполин упал на колени, и еще дюжина копий довела дело до конца.

Тананда встряхнула длинными спутавшимися локонами и повернулась. Ее нагое тело было покрыто множеством царапин, некоторые кровоточили, но она смотрела на незнакомца без смятения и неуверенности. Он ответил столь же прямым взглядом, не скрывая восхищения ее невозмутимостью, а также красотой зрелых и чувственных форм.

— Кто ты? — спросила она.

— Конан из Киммерии, — произнес он.

— Киммерия? — Тананда никогда не слышала об этой далекой северной стране. Она помрачнела. — Это в Стигии? Ты носишь стигийскую кольчугу и шлем.

Он отрицательно покачал головой, обнажив в улыбке белые зубы.

— Да, у меня оружие и доспехи стигийца, но чтобы завладеть ими, пришлось убить этого дурака.

— В таком случае, что ты делаешь в Мероэ?

— Я странник, — сказал он просто. — Кто найдет меня, за того и буду воевать. Я приехал сюда попытать счастья.

Конан решил, что не стоит рассказывать ей, как он пиратствовал у Черного Берега и был вождем одного из племен в южных джунглях.

Королева с уважением оглядела его богатырскую фигуру, оценила ширину плеч и груди.

— Я найду тебя, — сказала она наконец. — Ккова твоя цена?

— А какую цену предложишь ты? — ответил он вопросом на вопрос, печально взглянув на труп своего коня. — Я — нищий странник, а теперь еще и пеший.

Тананда отрицательно покачала головой.

— Клянусь Сетом, ты ошибаешься! Ты теперь не нищий странник, а командир королевской гвардии. За сто золотых в месяц можно рассчитывать на твою преданность?

Он взглянул краем глаза на распростертное тело прежнего командира, на испачканные кровью шелк и сталь. Это зрелище не удержало Конана от усмешки.

— Я думаю, да.

* * *

Дни уходили за днями, луна умерла и родилась вновь. Стихийный бунт низших каст был подавлен железной рукой Конана. Шубба, слуга Тутмеса, вернулся в Мероэ. В комнате, где на мраморном полу сплошным ковром лежали львиные шкуры, он сказал:

— Хозяин, я нашел женщину, которая тебе нужна. Это немедийская девушка, захваченная пиратами на аргосском купеческом судне. Я заплатил за нее шемитскому работоговцу много больших кусков золота.

— Дай мне взглянуть на нее,— приказал Тутмес.

Шубба вышел из комнаты и через секунду вернулся, держа за запястье девушку. Она была стройна, ее белая кожа разительно отличалась от привычных глазу Тутмеса коричневых и смуглых тел. Волосы кудрявым золотистым облаком лежали на белых плечах. Из одежды на ней осталась только изорванная сорочка. В следующее мгновение Шубба и сорочку снял, и девушка зябко и пугливо втянула голову в плечи.

Не глядя на Шуббу, Тутмес кивнул.

— Это хорошее приобретение. Не будь я так занят интригами, наверное, поддался бы соблазну оставить ее себе. Ты ее научил кушитскому языку, как я приказал?

— Да, я учил ее в городе стигийцев и все дни, пока мы шли с караваном. Учил по шемитской методе — с помощью башмака. Ее зовут Даана.

Тутмес уселся на кушетку и жестом велел девушке опуститься на пол у его ног. Она села, скрестив ноги.

— Я собираюсь подарить тебя королеве Куши,— сказал он.— Считаясь ее рабыней, ты на самом деле по-прежнему будешь принадлежать мне и регулярно выполнять мои приказы. Королева жестока и вспыльчива, поэтому старайся ей не досаждать. О том, что поддерживаешь связь со мной, ты не признаешься даже под пытками. Чтобы не возникло соблазна послушаться, когда меня не будет рядом, я сейчас тебя кое с кем познакомлю.

Он взял Даану за руку и повел по коридору, затем вниз по лестнице. Путь закончился в длинной, слабо освещенной комнате, разделенной на равные половины хрустальной стеной, прозрачной, как вода, несмотря на громадную толщину и прочность, способные остановить боевого слона. Тутмес повернул Даану лицом к этой стене и отступил назад. Внезапно свет померк.

Стоя в темноте, девушка дрожала от необъяснимого страха. И вдруг по ту сторону стены начал разгораться свет. Девушка увидела, как из пустоты появляется уродливая и жуткая голова, увидела хищное кабанье рыло, зубы как кинжалы и длинную щетину. Когда это страшилище двинулось в ее сторону, она вскрикнула и отвернулась, в ужасе позабыв, что от зверя ее отделяет хрустальная стена. Призрачный свет померк у нее перед глазами, она упала прямо

на руки Тутмеса и услышала его зловещий шепот:

— Ты была и будешь моей рабыней. Не подводи меня, иначе он найдет тебя где угодно. От него не спрячешься.

Эта угроза заставила Даану окончательно лишиться чувств.

Тутмес отнес ее наверх и отдал на попечение чернокожей служанки, велев привести в чувство, дать еды и вина, выкупать, причесать, надушить и нарядить для завтрашнего представления королеве.

* * *

На следующий день Шубба посадил немедийку Даану в колесницу Тутмеса и взялся за вожжи. Девушка за его спиной почти ничем не напоминала вчерашнюю Даану, она была чиста и надушена, умелые руки служанок придали ее лицу поистине божественную красоту. Ее щеки были столь тонки, что сквозь них виднелся каждый изгиб восхитительного тела. В золотых кудрях сверкала серебряная диадема.

Но из прелестных глаз все еще не исчез страх. Жизнь Дааны превратилась в кошмарный сон наяву с того момента, когда она попала к работогоровцам. Напрасно она пыталась утешить себя мыслями о том, что никто не вечен и когда худшее позади, тебя ожидает только хорошее. С каждым днем ей жилось все хуже.

И теперь она вот-вот достанется жестокой и капризной королеве. И если та не отвергнет подарок, Даана уподобится песчинке между двумя жерновами — адским страшилищем заговорщика Тутмеса и подозрительной и скорой на расправу Танандой. Если Даана откажется выполнять поручения Тутмеса, тот наусыкает на нее своего демона. Если не откажется, королева рано или поздно разоблачит ее и предаст не менее ужасной смерти.

Над головой висело стальное небо. На западе слой за слоем громоздились тучи — в Кусе близился конец сухого сезона.

Колесница въехала на площадь перед королевским дворцом. Под колесами то хрустел нанесенный ветром песок, то грохотом отзывались чистые буллыники. По пути встретилось лишь несколько горожан из высшей касты — в полуденную жару жители Внутреннего Города предпочитали дремать в своих домах. На улицах было немало чернокожих слуг, завида колесницу, они прятали блестящие от пота лица.

У дворца Шубба помог Даане сойти с колесницы и увлек за собой через бронзовые позолоченные ворота. Толстый дворецкий провел их по коридорам в просторный зал, обставленный с немыслимой роскошью (пожалуй, от такого убранства не отказалась бы стигийская принцесса). На кровати из черного дерева и слоновой кости, инкрустированной золотом и жемчугом, сидела Тананда в одной лишь юбочонке из красного шелка.

Глаза Тананды бесцеремонно изучили дрожащую златовласую рабыню. С виду — подарок, достойный королевы. Но погрязшее в интригах сердце было склонно во всем подозревать измену. Голос королевы зазвучал так внезапно, и было в нем столько неприкрытой угрозы, что Даана едва не упала в обморок.

— Говори, девка! Зачем Тутмес послал тебя во дворец?

— Я... Я не знаю... Где я? Кто вы? — тонким, как у плачущего ребенка, голосом проговорила Даана.

— Дура! Я королева Тананда! А теперь отвечаю на мой вопрос.

— Я не знаю ответа, моя госпожа. Я знаю только, что господин Тутмес послал меня в подарок...

— Ты лжешь! Тутмес снедает честолюбием. Он ненавидит меня, он бы не стал делать мне подарок без подлого умысла. Говори, что у него на уме! Признавайся, или хуже будет!

— Я... Я не знаю! Не знаю! — запричитала Даана, и слезы брызнули из ее глаз. До смерти напуганная демоном Муру, она бы не призналась, даже если бы захотела — язык отказывался подчиняться мозгу.

— Разденьте ее! — приказала Тананда.

С Дааны сорвали прозрачный шелк.

— Подвесьте! — Тананда указала вверх.

Даане связали запястья, веревку перебросили через потолочную балку и натянули так, что пятки девушки едва не оторвались от пола.

Тананда слезла с кровати, взяла кнут.

— Сейчас послушаем,— сказала она с жестокой усмешкой,— что ты знаешь о планах нашего дорогого друга Тутмеса. Еще раз спрашиваю: будешь говорить?

Даану душили рыдания, она смогла только отрицательно покачать головой. Кнут с оглушительным хлопком приложился к коже юной немедийки, оставив красный след по диагонали через спину. Раздался пронзительный вопль.

— Что все это значит? — прозвучал твердый мужской голос.

Конан, в колчуге поверх джуббы, с мечом на поясе, стоял в дверях. Пользуясь расположением Тананды, он привык входить в ее дворец без доклада. У Тананды и раньше были любовники (несчастный Амбула в том числе), но ни в чьих объятьях она не испытывала такого блаженства. Королева никак не могла насытиться северным великаном и с невиданным бесстыдством выставляла напоказ любовную связь с ним.

Сейчас, однако, ей было не до любви.

— Всего лишь добиваюсь откровенности от северной сучки, которую Тутмес прислал мне якобы в подарок. Несомненно, ей поручено вонзить мне кинжал под ребра или подмешать яду в вино. Мне сейчас недосуг, Конан. Если хочешь поразвлечься со мной, приходи позже.

— Это не единственная причина, по которой я пришел,— возразил он, хищно улыбаясь.— Есть еще маленькое государственное дельце. Кто при-

думал такую глупость — пустить черных во Внутренний Город, чтобы смотрели на казнь Аахмеса?

— Почему же это глупость, а, Конан? Черные собаки своими глазами увидят, что со мной шутки плохи. Смертные муки негодяя Аахмеса чернь будет помнить много лет. Пусть она знает, как подыхают враги нашей божественной династии! Ты что-то имеешь против? Выскажись, дозволяю.

— Только одно. Если ты пустишь во Внутренний Город тысячи кущитов и они озвереют при виде пыток и крови, то не миновать нового бунта. Твоя божественная династия не больно-то старалась снискать любовь народа.

— Я не боюсь черных мерзавцев!

— Похоже на то. Но я дважды спасал от них твою прелестную шейку, а на третий раз удача может мне изменить. То же самое я сейчас втолковывал твоему министру Афари, а в ответ услышал, что воля королевы священна и он обязан повиноваться. Думаю, тебе бы не мешало прислушаться к моему доброму совету. Хотя бы потому, что ни от кого другого ты его не дождешься. Твои люди слишком запуганы, они не смеют даже рта раскрыть.

— Мне не нужны ничьи советы. А теперь убирайся отсюда, если только не хочешь сам поработать кнутом.

Конан подошел к Даане.

— У Тутмеса неплохой вкус, — сказал он. — Страх затмил девчонке мозги. Сейчас она в чем

угодно признается, но я бы на твоем месте не стал верить ее откровениям. Дай ее мне, и я покажу, чего можно добиться с помощью доброты.

— Тебе, милый? Ха! Занимайся своими делами, а я буду заниматься своими. Или забыл, что скоро казнь, а стражники еще не расставлены по постам? — Тананда резко повернулась к Даане: — А ну, говори, шлюха! Клянусь Сетом, ты у меня во всем признаешься!

Кнут свистнул, когда она замахнулась для нового удара.

Метнувшись вперед с непринужденной грацией и стремительностью льва, Конан схватил Тананду за запястье и вырвал кнут.

— Отпусти меня! — закричала она. — Как ты смеешь?! Да я тебя... Я... Я...

— Ты меня что? — спокойно поинтересовался Конан. Он бросил кнут в угол, достал кинжал и перерезал веревку на руках Дааны. Слуги Тананды обменялись испуганными взглядами.

— Королева, подумай о своем достоинстве, — усмехнулся Конан, беря Даану на руки. — Не забывай: пока я стою во главе твоей гвардии, у тебя есть по крайней мере один шанс спастись. А без меня? Ладно, ты сама знаешь ответ. Увидимся во время казни.

Он понес немедийскую девушку к двери. Вскрикнув от ярости, Тананда подобрала кнут и бросила вслед Конану. Кнутовище ударилось о его широкую спину.

— Я знаю, почему ты предпочитаешь ее мне! — прокричала Тананда. — Все только потому,

что у нее такая же кожа, как у тебя! Похожая на рыбье брюхо! Ты еще пожалеешь о своей дерзости!

Конан с хохотом вышел из зала. Опустившись на пол, Тананда била кулаками по мраморным плитам и рыдала от бессильной злости.

Некоторое время спустя Шубба, возвращаясь к дому своего хозяина, проезжал мимо жилища Конана. Он был удивлен, увидев, как Конан с обнаженной девушкой на руках входит в переднюю дверь. Шубба хлестнул коней вожжами и поспешил своей дорогой.

* * *

Когда с наступлением сумерек на улицах зажглись первые фонари, Тутмес позвал в гостиную Шуббу и Муру, долговязого кордавского колдуна. Шубба, беспокойно поглядывая на хозяина, закончил свой рассказ.

— Вижу, я недооценил подозрительность Тананды,— сказал Тутмес.— Жалко терять такое многообещающее орудие, как эта юная немедийка, но не все стрелы попадают в цель. Вопрос, однако, вот в чем: что нам делать дальше? Кто-нибудь видел Эджира?

— Нет, мой господин,— сказал Шубба.— Он исчез сразу после неудачного бунта против Тананды. По-моему, он поступил довольно благоразумно. Ходит слух, будто он покинул Мероэ, а некоторые говорят, что он скрывается в храме Джуллаха, занимаясь колдовством день и ночь.

— Если бы наша божественная королева обладала хотя бы мудростью червя,— усмехнулся Тутмес,— она бы послала несколько крепких гвардейцев, чтобы захватили дом демона и повесили жрецов на стропилах.— Эти слова заставили двух его собеседников содрогнуться и потупиться.— Знаю, вы все запуганы негритянским колдовством. Ладно, давайте подумаем. Девушка для нас теперь бесполезна. Если Тананда не удалось вытянуть из нее секрет, то это сделает Конан более мягкими методами, а если и не сделает, в его доме она не узнает ничего из того, что нас интересует. Она должна немедленно умереть. Муру, ты можешь послать своего демона в дом Конана, пока он не вернется из казарм?

— Могу, хозяин,— ответил кордавец.— Не стоит ли приказать демону, чтобы дождался возвращения Конана и прикончил его заодно с девкой? Ты ни за что не станешь королем, пока он жив. К обязанностям командира Черных Копейщиков он относится серьезно и будет сражаться как демон, защищая свою владычицу и любовницу. Они часто ссорятся, но Конан — раб своего слова.

— Даже если мы избавимся от Тананды,— поддержал разговор Шубба,— Конан все равно будет стоять у нас на пути. Он и сам вполне способен занять трон. Да он, по сути, и так уже некоронованный король Куша — наперсник и любовник королевы. Гвардейцы уважают его и клянутся, что он только с виду белый, а в душе такой же черный, как они.

— Хорошо,— уступил Тутмес.— Давайте отделяемся разом от обоих. Пока демон будет делать свое черное дело, я полюбуюсь на казнь Аахмеса на главной площади, и никто не посмеет сказать, что я приложил руку к убийству командира гвардии.

— Почему бы не послать демона и к Тананде? — спросил Шубба.

— Время еще не пришло. Сначала я должен заручиться поддержкой других аристократов, а эта задача не из простых. Кроме того, слишком многие из них метят на кушитский престол. Пока моя фракция не наберет силу, трон подо мной будет столь же непрочен, как сейчас под Танандой. Поэтому я предпочту дождаться, когда она сама себе выроет яму.

* * *

В центре главной площади Внутреннего Города в землю врыли столб, а к нему привязали принца Аахмеса — полного темнокожего молодого человека, чья абсолютная неискушенность в политике позволила министру Афари с помощью такого незамысловатого приема, как ложное обвинение, обречь его на сожжение заживо.

Сцену, на которой предстояло разыграться драме, освещали костры в углах площади и цепочки факелов. Между столбом и королевским дворцом стоял низкий помост, на нем сидела Тананда. Вокруг помоста в три ряда выстроились королевские гвардейцы. На длинные наконечники их копий, щиты из слоновьей кожи и

перья головных уборов падали алые отсветы костров.

Перед отрядом конногвардейцев с поднятыми вертикально копьями гарцевал их командир — северянин Конан. Вдали сквозь напластования туч пробивались молнии.

Многочисленная стража удерживала свободным участок площади вокруг принца Аахмеса и королевского палача, который разогревал на небольшой жаровне орудия пыток. Остальное пространство было заполнено жителями Мероз, сбившимися в огромную черную толпу. В свете факелов поблескивали белки глаз и зубы на фоне темной кожи. Тутмес и его сторонники образовали плотную группу в первом ряду.

Полный мрачных предчувствий, Конан разглядывал толпу. Пока все шло без осложнений, но кто знает, что может случиться, когда всколыхнутся дикарские страсти? Необъяснимая тревога сидела занозой в глубине его мозга. Время шло, и тревога крепла. Не так судьба своюенравной королевы беспокоила Конана, как участь немедийской девушки, которую он оставил у себя в доме. За ней сейчас присматривает одна-единственная служанка, потому что все гвардейцы понадобились ему на этой площади.

За то недолгое время, что Конан провел с Дааной, она ему очень понравилась. Милая, нежная (возможно, даже девственница), она различительно отличалась от вспыльчивой, жестокой и похотливой Тананды. Заниматься с Танандой лю-

бовью было, конечно, приятно, но Конан предпочел бы для разнообразия не столь темпераментную наложницу. Вдруг Тананда решит подослать к Даане убийцу, пока Конан занят на площади? Зная крутой нрав королевы, он этого не исключал.

Возле столба палач раздувал угли в жаровне. Когда он двинулся к обреченному, в его руках светилась красным пыточная снасть. В гуле толпы Конан не слышал, что говорит палач Аахмесу, но догадаться было несложно — королева желала знать о подробностях заговора. Пленник отрицательно качал головой.

И тут словно голос прозвучал в голове Конана, требуя немедленно вернуться домой. В хайборийских краях Конан слышал рассказы жрецов и философов. Они спорили о существовании духов-хранителей и о возможности прямого общения одного разума с другим. Будучи убежден, что все эти люди — безумцы, он не уделил тогда их словам особого внимания. Но теперь, однако, подумал, что знает, о чем они говорили. Он пытался отделаться от назойливого чувства тревоги, но оно возвращалось и было сильнее, чем прежде.

Наконец Конан сказал своему помощнику:

- Монго, командуй до моего возвращения.
- Куда ты, Конан? — спросил чернокожий воин.
- Проедусь по улицам, погляжу, не собралась ли где-нибудь под покровом темноты шайка разбойников. Будь бдителен. Я скоро вернусь.

Конан повернул коня и двинулся к одной из улиц. Толпа расступилась, пропуская его. Чувство тревоги окрепло. Он пустил коня легким галопом и вскоре натянул поводья у входа в свое жилище. В небесах глухо раскатился гром.

В доме было темно, лишь в одном из окон светился огонек. Конан спешился, привязал коня и вошел в дом, держа ладонь на рукояти меча. В то же мгновение он услышал испуганный крик и узнал голос Дааны.

Исторгая ужасные проклятия, Конан ринулся в дом, на ходу выдергивая меч из ножен. Крик доносился из спальни, в которой было темно, если не считать проникавших туда лучей одиночной свечи, что горела на кухне.

В дверях спальни Конан замер — открывшаяся сцена потрясла его до глубины души. Даана съежилась на низкой кушетке, устланной шкурами леопардов; шелка на ней были скомканы, открывая нежную кожу белых ног. Голубые глаза округлились от ужаса.

Витавший в центре комнаты серыми жгутами туман сгущался и обретал форму. Эта страшная дымка уже отчасти превратилась в громадного монстра с покатыми волосатыми плечами и толстыми звериными конечностями. Конан увидел уродливую голову, разглядев морду, похожую на кабанье рыло, с жесткой щетиной и клыкастой слюнявой пастью.

Призрак уплотнялся, материализовался под воздействием какой-то демонической магии. В

памяти Конана мигом всплыли легенды его племени — истории об ужасных созданиях, которые подкрадывались к жертве в темноте и убивали с нечеловеческой жестокостью. Об этих чудовищах рассказывали только шепотом и с дрожью в голосе... Первобытный страх едва не заставил его обратиться в бегство. Но уже через удар сердца Конан заревел от ярости, кинулся вперед с мечом наголо — и споткнулся о чернокожую служанку, которая в глубоком обмороке лежала под дверью. Конан упал, и меч вылетел из его руки.

А чудовище уже успело повернуться со сверхъестественной быстротой и бросилось к Конану огромными прыжками. Но как раз в это мгновение киммериец распластался на полу. Демон пронесся над ним и врезался в стену, отделявшую спальню от зала.

Через миг человек и адская тварь снова были на ногах. Когда чудовище опять прыгнуло на Конана, за окном полыхнула молния и осветила грозные, острые, как бритвы, клыки. Киммериец вонзил левый локоть под нижнюю челюсть твари и удерживал ее, пока правой рукой нащупывал кинжал.

Волосатые лапы обхватили Конана и сдавили с ужасающей силой; будь на его месте человек послабее, у него бы не выдержал позвоночник. Конан услышал, как затрещала его одежда под когтями демона, с жалобным звоном лопнули два-три кольца кольчуги. Хотя весом чудовище ненамного превосходило киммерийца, сила его

лап была невероятной. Конан напряг все мускулы, но чувствовал, что левое предплечье поддается. Все ближе, ближе к его лицу кабанье рыло...

В полумраке человек и демон метались по спальне, как партнеры в нелепом шутовском танце. Конан пытался нащупать свой кинжал, а демон — вонзить клыки ему в горло. Конан сообразил, что его пояс, должно быть, съехал — потому и не дотянулся до кинжала. Он чувствовал, что даже его титанические силы убывают, как вдруг правая рука наткнулась на что-то холодное. Это была рукоять меча, который подобрала и сунула ему Даана.

Конан отводил назад правую руку, пока не ощутил, что острие меча уперлось в бок его противника, а затем вонзил клинок. Кожа чудовища была сверхъестественно прочна, но могучего толчка киммерийского богатыря все же не выдержала. Демон взвыл по-звериному, заскрежетал зубами, но не ослабил хватки.

Человек колол снова и снова, но адская тварь, казалось, вовсе не замечала укусов стали. Напротив, демон еще сильнее напряг мышцы, и у Конана затрещали кости. Клыки-кинжалы неотвратимо приближались к его лицу. С музыкальным звоном, точно струны, лопались металлические кольца. Острые когти терзали джуббу и оставляли кровавые борозды на потной спине. Густая жидкость из ран чудовища, не похожая на обычную кровь, впитывалась в одежду Конана.

Наконец, подпрыгнув и изо всех сил удалив монстра в живот ногами, Конан вырвался и оказался на полу. Пошатываясь, он встал на ноги; с его одежды капала своя и чужая кровь.

Когда демон снова двинулся в его сторону, размахивая обезьяными лапами, Конан, держа меч обеими руками, размахнулся и нанес отчаянный удар. Клинок до середины разрубил шею демона. Такой удар мог бы обезглавить двух-трех человек, но кости и сухожилия этой твари были гораздо прочнее, чем у простых смертных.

Демон зашатался и опрокинулся навзничь. Конан стоял, тяжело дыша, бессильно опустив меч. Даана обвила руками его шею.

— Я так рада... я молилась, чтобы Иштар послала тебя...

— Ну, ну... — Конан неловко погладил девушку по голове и плечам. — Ничего, малютка. Я, может, и похож на мертвеца, но сил во мне еще немало...

Он осекся и широко раскрыл глаза. Мертвое чудовище поднялось, уродливая башка закачалась на разрубленной шее. Оно шаткой походкой направилось к двери, споткнулось о до сих пор не пришедшую в себя негритянку и побрело в ночь.

— Кром и Митра! — воскликнул Конан. Оттолкнув Даану в сторону, он проворчал: — Потом, потом! Ты славная девушка, но я должен проследить за тварью. Это тот самый демон ночи,

о котором ходят разговоры, и, клянусь Кромом, я узнаю, где он прячется!

Пошатываясь, он вышел из дома и обнаружил, что конь исчез. Обрывок повода на коновязи сказал о том, что скакун при виде чудища перепугался до смерти и ударился в бега.

Через некоторое время Конан снова очутился на площади. Когда пробивал себе путь сквозь ревущую от возбуждения толпу, он увидел, что чудовище зашаталось и упало перед высоким кордавским колдуном из свиты Тутмеса. В агонии страшная пасть раскрылась в последний раз, и на мостовую выпал густок крови.

В толпе раздались гневные крики — негры узнали в чудовище демона, который на протяжении многих лет наводил ужас на Мероз. Как ни пытались стражи удержать свободным пространство вокруг пыточного столба, толпа напирала, со всех сторон к Муру тянулись руки. В поднявшемся реве Конан услышал обрывки фраз: «Убейте его! Он хозяин демона! Убейте!»

Внезапно наступила тишина. Вперед выступил Эджир, его бритая голова была раскрашена под голый череп.

«Как он тут оказался? — недоумевал Конан. — Неужели перепрыгнул через толпу?»

— Какой смысл уничтожать орудие, а не человека, который держит его в руках? — прокричал он, показывая на Тутмеса. — Вот кому служил кордавец! По его приказу демон убил Амбулу! Об

этом сказали мне духи в тишине храма Джуллаха! Убейте и его!

Когда десятки рук вцепились в вопящего Тутмеса и повергли его на мостовую, Эджир показал на помост, где сидела королева.

— Перебейте всех господ! Сбросьте оковы! Будьте снова свободными людьми, а не рабами! Смерть хозяевам! Смерть! Смерть!

Конан едва устоял на ногах, когда толпа забурлила, крича: «Смерть! Смерть! Смерть!» То в одном, то в другом месте молящего о пощаде аристократа валили на землю и разрывали на куски.

Конан пробивался к своим Черным Копейщикам, надеясь с их помощью очистить площадь. Но вдруг поверх голов он увидел то, что изменило его планы. Один из пеших гвардейцев, что стояли спиной к помосту, повернулся и метнул копье прямо в королеву, которую он должен был защищать. Копье прошло сквозь ее нежное тело, как сквозь масло. В следующее мгновение обмякшая на троне Тананда превратилась в мишень еще для доброго десятка копий.

Увидев, что королева мертва, конные воины присоединились к своим соплеменникам, и вскоре их оружие обагрилось кровью правящей касты.

Через некоторое время Конан, избитый и усталый, но снова верхом, остановился у дверей своего дома. Привязав коня, он вбежал в дом и достал из тайника мешок с золотом.

— Пошли! — рявкнул он Даане.— Захвати хлеба! Разрази меня Кром, куда подевался щит? А, вот он!

— Ты разве не хочешь забрать все эти прелестные вещи...

— Нет времени — с коричневыми покончено. Поедешь, сидя у меня за спиной, будешь держаться за мой пояс. Ну, залезай же!

Шатаясь под тяжестью двух седоков, конь проскакал по Внутреннему Городу сквозь толпу грабителей и мятежников, преследователей и преследуемых. Негр, попытавшийся схватить его за повод, был сбит с ног и растоптан копытами. Другие горожане шарахались в стороны, освобождая дорогу.

Беглецы выехали за большие бронзовые ворота. Позади особняки аристократов превращались в желтые огненные пирамиды. Над головой блеснула молния, загрохотал гром и водопадом хлынул дождь.

Через час ливень перешел в морося. Конан с Дааной ехали шагом, конь сам находил дорогу в темноте.

— Мы все еще на стигийской дороге,— проворчал Конан, вглядываясь во мглу.— Когда дождь уймется, сделаем привал, чтобы просохнуть и немного поспать.

— Куда мы едем? — сказала Даана высоким нежным голосом.

— Не знаю. Но я устал от черных стран. С неграми невозможно сладить, они такие же тупые и упрямые, как жители моей северной стра-

ны — киммерийские варвары. Я хочу еще раз попытать счастья в цивилизованных краях.

— А что будет со мной?

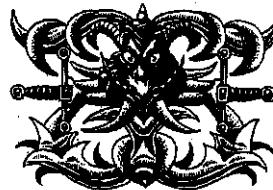
— А чего ты желаешь? Могу отправить тебя домой, а хочешь, со мной оставайся. Что тебе больше нравится.

— Кажется,— сказала она тихо,— мне нравится то, что есть. Вот только эта сырость...

Конан молча усмехнулся в темноте и пустил скакуна рысью.

ОСТРОВ ЗАБЫТЫХ БОГОВ

раган родился в стылых фьордах Асгарда и медленно начал свой путь на юг, еще не зная, что он — ураган. По дороге он презрительно ссыпал на изнеженных южан мелким дождиком и потешался, сбивая людей с ног порывами холодного ветра. И только вырвавшись на простор Великого Западного океана, ураган осознал свою силу — дикую, необузданную — и ударили с лихим свистом в спокойно дышащую синезеленую грудь моря. И море откликнулось на дерзкий вызов.

Поверхность океана встала на дыбы. Огромные водяные валы яростно рванулись в небо. Ветер безумно хохотал и гнал волны, как пастух стадо, в неведомую даль, за потемневший горизонт.

Природа в исступлении рвала себя в клочья. Даже равнодушное ко всему земному солнце не решалось выглянуть из-за низких, иссиня-черных туч: в полдень было почти так же темно, как и

в полночь. Мрак отступал только при вспышках молний, чтобы тут же снова сгуститься и рассмеяться громовым раскатом.

И какое дело ветру и взбеленившемуся морю до жалкой щепки, затерявшейся в этой стихии? Еще три дня назад это был трехмачтовый корабль-красавец, со стремительными и смелыми обводами корпуса, высокой кормой и лучшей в мире командой на борту.

Сейчас судно беспомощно металось на обезумевших волнах, то высоко взлетая на гигантских гребнях, срываясь с них и зависая между небом и морем, то проваливаясь в кажущуюся бездонной пропасть, исчезая под черной водой.

Капитаном корабля был Конан из Киммерии. Жителям западной Стигии, Аргоса и Зингары он был известен как Амра — Лев — дерзкий, удачливый и беспощадный пират. Стоя на мостице у штурвала, крепко привязанный веревкой к обломку бизань-мачты, Конан отплевывался от постоянно попадавшей в глотку воды и орал. Вообще-то он пел, и рев капитана порой перекрывал неистовый рев бури. Конан не сошел с ума, как кое-кто из его товарищей. Он пел мрачную и дикую песню, которую поют киммерийцы, идущие на смерть.

Варвар прощался с жизнью и готовился к встрече с суровым Кромом — богом всех киммерийцев. Судно, лишенное мачт, с поврежденным рулем и течью в трюме было обречено. Оставалось только гадать о том, когда корабль пойдет ко дну — через час или два, если боги продлят

его агонию. Помощник капитана даже бился об заклад, что их изувеченная посудина продержится на плаву до утра. Пари принять не успели — помощника смыло за борт.

Конан вел небольшую флотилию из пяти боевых кораблей к побережью Шема, когда на них обрушился штурм. Бешеный ветер шутя разметал суда, предоставив каждому из них самому выбираться из круговорота.

Три дня «Вестрела» — так назывался корабль Конана — трепал ураган. Три дня он несся кудато на запад, где не было и не могло быть никакой земли. Если что-то и утешало, так это то, что они погибнут в местах, где до них не бывал никто из людей.

И все-таки... Все-таки надежда, слабый призрак надежды еще теплился в сердцах измученных моряков. С каким-то остервенением люди боролись со стихией, делая обычную в таких случаях — но казавшуюся сейчас бессмысленной — работу, откачивая воду из давшего течь трюма. Каждый спрашивал себя: «Зачем?» — и усмехался, не находя ответа. Но, возможно, какой-нибудь остров, маленький клочок земли... Пусть даже это будет голая скала!

Надежда не оправдалась. Стихия, будто возмущенная тем, что искалеченное судно все еще живет, взревела с удесятеренной яростью. Корабль развернуло бортом к волне, и огромная масса воды обрушилась на «Вестрел».

Дубовые доски разлетелись в щепки. Море хлынуло внутрь корабля, и отчаянный крик,

вырвавшийся из полусотни надорванных глоток, на мгновение пронзил мрачную и суровую симфонию бури.

Веревка лопнула, словно гнилая нить,— рырок едва не сломал Конану позвоночник. Волна подхватила Конана, и море равнодушно приняло капитана в свои объятия. Киммериец вынырнул на поверхность, глотая воздух широко раскрытым ртом, но лишь для того, чтобы увидеть накатывающуюся на него черную водяную гору, которая через миг поглотила его.

* * *

Ахайну разбудил бойкий перестук топоров. Проснувшись, девушка некоторое время еще не жилась под легким покрывалом, потом проворно соскользнула с низкой лежанки на плотно утрамбованный земляной пол хижины.

Потянувшись всем своим тонким и гибким телом, Ахайна, как была, обнаженной, вошла в общую комнату.

Ее отец Тепаначель — вождь племени и глава рода холков — уже сидел, скрестив ноги, на тростниковой циновке перед глиняной миской свареной рыбой.

— Долго спишь, дочка,— укоризненно произнес он, с напускной суровостью взглянув на девушку.

Но укоризна звучала только в голосе: взгляд отца был полон нежности. С тех пор как умерла его жена, отец всю любовь отдавал дочери. Ахайна, как это было в обычай холков, опустилась

перед отцом на колени и коснулась лбом его руки. Совершив положенный ритуал, она со счастливым смехом обвила руками шею старого вождя.

— Утренний свет, отец!

— Утренний свет, Ахайна! — Улыбнувшись, Тепаначель погладил ее по длинным шелковистым волосам и легонько отстранил от себя любимую.— Постиши, а то все сам съем, тебе не останется.

Ахайна выскочила во двор и на миг застыла, ослепленная солнцем.

— Утренний свет, Ахайна! — приветствовала ее суетящаяся у глиняной печи толстуха Тона, бездетная вдова, живущая в доме Тепаначеля с незапамятных для Ахайны времен.— Сегодня ночью опять земля дрожала.

— Я крепко спала, Тона, и ничего не слышала,— улыбнулась Ахайна.— Да и не такая это причина, чтобы вскакивать посреди ночи.

Землетрясения на острове Рада-Рами были явлением обычным. К ним привыкли — как к морю, реке, джунглям, покрывающим почти весь остров, как к столбу дыма над священной горой Кантомари.

— Ах, что-то неймется в последнее время подземным духам,— покачала головой Тона.— Не было бы худа! Помню, когда я еще волосы не закалывала, так тряхнуло, что все дома в деревне развалились...

Ахайна не слушала Тону. Наскоро умывшись в ручье, который протекал за домом, она побежала к Отцу Предков.

Идти было недалеко. Дом вождя стоял почти в самом центре поселка, а Отец Предков — огромная, высеченная из красного камня голова — на площади, напротив дома Тепаначеля.

Войдя под сень семи пальм, окружавших каменное изваяние, Ахайна опустилась на колени и привычно, не задумываясь, скороговоркой выпалила утреннюю молитву.

Только после этого она вернулась в дом и оделась. Короткая юбка из тонкого холста, тростниковые сандалии, бусы из ракушек и браслеты из тусклого желтого металла. Все? Ах, еще заколка из панциря черепахи — Ахайна никак не могла к ней привыкнуть, но обычай требовал, чтобы девушка, перешагнувшая рубеж семнадцатилетия, закалывала волосы в знак готовности стать невестой.

Но Ахайна об этом не думала. На нее заглядывались многие парни — конечно, все как на подбор лучшие охотники и рыбаки: рохлям нечего и мечтать жениться на дочери вождя. Ахайна это знала, но в своем простодушии всех поклонников воспринимала лишь как друзей. И никого — как будущего мужа.

Старый Тепаначель не торопил дочь с выбором. Успеется, пусть порезвится еще.

Ахайна ела точно птичка — проглотила кусочек рыбы, запила соком гуавы — уже и сыта.

— Куда собралась, дочка? — спросил Тепаначель, видя, что Ахайна собирается уходить.

— Пойду взгляну, кто меня разбудил, — смеясь, ответила она. — С утра так стучали...

— Я распорядился укрепить частокол вокруг поселка, — объяснил отец. — Уже несколько раз наши охотники видели поблизости Красных.

— Неужели ты думаешь?..

— Нет. У нас договор, освященный взаимными клятвами. Никто не может напасть первым, не вызвав при этом гнева богов. Но осторожность не помешает. Красные не раз нарушили свое слово в прошлом, и мы не должны им доверять.

Ахайна шла по деревне, отвечая на приветствия селян. Подойдя к высокой — в три человеческих роста — двойной ограде из цельных пальмовых стволов, она остановилась, наблюдая за работой мужчин. Впрочем, их дело близилось к концу. Уже были отложены в сторону обсидиановые топоры и деревянные молоты; сейчас мужчины укладывали камни и песок между двумя рядами частокола. Работа шла споро: оставалось засыпать только одно место — как раз возле ворот.

Внимание Ахайны привлек великан, легко, будто перышко, поднявший огромный валун и, казалось, без видимого усилия перебросивший его через ограду. Впрочем, силач, похоже, перестарался. Сидевшие наверху частокола мужчины разразились громким смехом. Как выяснилось, вместо того, чтобы упасть в щель между рядами бревен, камень перелетел частокол и приземлился чуть ли не на голову проходившего мимо человека.

— Непомнящий! — закричала Ахайна.

Великан, смущенно почесывая в затылке, обернулся. Увидев девушку, он широко заулыбался и направился к ней.

— Утренний свет, Ахайна! — Он говорил низким голосом, смешино коверкая слова.

— Утренний свет и тебе! — улыбнулась девушка, пока гигант склонялся, чтобы прикоснуться лбом к ее руке.— Как тебе спалось? Тона мне сказала, что сегодня ночью сильно дрожала земля.

Непомнящий слушал ее, напряженно наморщив лоб, стараясь не упустить ни звука — он еще плохо владел языком холков.

— Я... спал хорошо,— медленно подбирая слова, ответил он.— Земля дрожала... да. Я перестал спать.

— Проснулся,— поправила Ахайна.

— Проснулся, да,— кивнул Непомнящий.— А ты... проснулась?

— Нет. Я спала очень крепко.

Непомнящий не знал, что еще сказать, только вновь широко улыбнулся и развел руками. Он не был холком, не был он и Красным: Непомнящий вообще не был жителем Рада-Рами. Несколько недель назад море выбросило на песчаный берег недалеко от поселка нагого человека огромного роста, черноволосого, с белой кожей и голубыми, будто небо, глазами... Впрочем, цвет глаз выяснился не сразу, а только через несколько дней — когда они открылись. Эти дни человек провел в беспамятстве. Он метался в горячке, с его губ срывались слова на непонятном языке. Наконец он успокоился и крепко заснул.

Островитяне, глядя на чужака, только диву давались. Могучее тело, перевитое канатами ог-

ромных мускулов, само по себе вызвать восхищение женщин и почтительное уважение мужчин, к тому же у него росли волосы на лице и на груди. Ничего подобного холки раньше не видели и даже не слышали о таком чуде.

Вождь Тепаначель только покачал головой, взглянув на незнакомца.

— Откуда принесло тебя Великое море? — прошептал он про себя.— Если там, откуда ты родом, все такие...— Тепаначель задумался, вновь покачав головой.

Очнувшись, незнакомец открыл глаза — и как раз в тот момент, когда в хижину, где поместили больного, забежала Ахайна — узнать о его здоровье. Девушка встретилась взглядом с беспомощно лежавшим великанином — и обмерла, будто увидела в светло-синих глазах нечто такое, чему не было названия на языке холков.

Гигант быстро поправлялся. Коренья и травы, отваром которых поила больного Тейра-целильница, помогли могучему организму победить смерть. Великан ел за троих и поглощал неимоверное количество браги. Ахайна пыталась поговорить с ним, сначала прибегнув к старому, как мир, способу — жестам. Очень скоро она стала учить неизвестного языку холков. И тут выяснилось еще одно — гигант ничегошеньки не помнил из своей прошлой жизни, даже имени, не говоря уж о тех местах, откуда он приплыл.

Девушка была страшно разочарована, да и остальные жители поселка тоже. Жизнь на Рада-Рами была тихой и размеренной, и появление

удивительного гиганта не давало поселянам покоя. А теперь вот не сбылась ее мечта послушать разные истории.

Очень скоро Непомнящий — так прозвали чужеземца — стал говорить простые фразы на языке холков. Он быстро учился — не только говорить, но и ходить. Огромный сильный мужчина поначалу был беспомощнее ребенка. При ходьбе его шатало, ноги заплетались. Он хотел идти вправо — его вело влево, он садился мимо лежанки и часто, протягивая руку к миске с едой, промахивался. И тогда он ругался — непонятно, но страшно. Ахайна, слыша резкие фразы, невольно ежилась, хотя совершенно не понимала, о чем идет речь. Но постепенно Непомнящий преодолел свой недуг. Походка его стала твердой, хотя до сих пор оставалась чуть медлительной, и предметы он брал уверенно, по крайней мере брагу мимо рта не проносил. Случались, конечно, и досадные промахи — как вот сейчас с камнем. Но Тейра уверяла, что все это скоро пройдет без следа.

Вскоре Непомнящий стал принимать участие в повседневных работах. Началось все с того, что четверо охотников, поймав на побережье гигантскую морскую черепаху, положили ее на два копья и, надрываясь, потащили в поселок. Ценная добыча! Черепаха была не меньше трех локтей в ширину, а в длину почти в рост взрослого человека. Непомнящий, гуляя по берегу, увидел измученных, но гордых охотников, понаблюдал за их усилиями, затем подошел и знаками пока-

зал, что хочет помочь. Охотники с радостью согласились. Они опустили свою ношу на песок, а когда распрямились, чтобы перевести дух, Непомнящий решительно отстранил их и присел возле черепахи.

Гигант развел руки и, ухватившись за края панциря — кстати сказать, очень скользкого, — рывком поднял огромную тушу над головой. Встал и пошел.

Так они и появились в поселке: впереди — Непомнящий со слабо шевелящейся черепахой на воздетых к небу руках, а за ним — четверка растерянных охотников, право же не самых слабых в племени.

С тех пор он не сидел сложа руки. Непомнящий оказался очень деятельным и неуемным человеком. Кипучая натура не позволяла ему долго находиться в бездействии. Вскапывать поле, чинить дом или, как сегодня, частокол, долбить лодку — ему было все равно. Но Ахайне почему-то казалось, что Непомнящий занимается всем этим лишь потому, что не может занять себя чем-то другим — тем, что он делал до своего появления на Рада-Рами. Часто она видела выражение мрачной неудовлетворенности на его лице. Иногда он застывал на месте, с отрешенным видом смотря то прямо перед собой, то на свои руки, сгибая и разгиная пальцы. Он как будто пытался что-то вспомнить — и не мог.

Ахайну Непомнящий всегда встречал с восторгом, а языку учился с какой-то необъяснимой жадностью. Порой Ахайне казалось, что в устрем-

ленных на нее голубых глазах было не только аружеское расположение, а что-то еще, откровенно говоря, пугающее, заставляющее отводить взгляд. И в то же время это «что-то» завораживало. Обычно она чувствовала себя как бы его старшей сестрой, да и он часто вел себя как большой ребенок.

Но иногда ребенок исчезал, и тогда перед Ахайной стоял могучий и гордый мужчина с неукротимым огнем в глазах. Было в нем что-то звериное — не от вепря или ягуара, самых опасных животных на острове, а от неведомых зверей, живущих, должно быть, на далекой родине Непомнящего — огромных, сильных и страшных хищников. Но Ахайна гнала от себя эти мысли.

— Пойдем учиться? Работа почти закончена.

— Нет,— с сожалением покачал головой Непомнящий.— Я идти на охоту.

— На охоту?

— Да,— кивнул он.— Мы идти охотиться на оленей. Талакель, Хапитап и я.

Девушка разочарованно вздохнула. Почему-то ее глубоко уязвили слова Непомнящего. Променять ее на... Она тут же упрекнула себя — все правильно. Мужчина, если он не калека и не глубокий старик, должен быть охотником.

— Удачи тебе.— Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла какой-то печальной.— Тогда до завтра.

— Да. До завтра,— кивнул Непомнящий.— Я принесу тебе печень оленя.

Он улыбнулся и пошел прочь — большой, добродушный человек, которому предстояло научиться убивать. Пока еще только зверей.

* * *

Шло время. Непомнящий и думать забыл о своем недуге: теперь он двигался легко и свободно, а на охоте — настолько стремительно и с такой ловкостью, что изумлялись даже опытнейшие охотники. Охоту он полюбил страстно, и копье его не знало промаха. Обычно он охотился вместе с двумя-тремя товарищами, но в последнее время все чаще уходил в джунгли один, иногда пропадая в лесу и горах по несколько дней.

Несмотря на это, Ахайна виделась с Непомнящим, пожалуй, даже чаще, чем раньше, вернее, дольше. Каждая их встреча теперь растягивалась чуть ли не на целый день. Были забыты обычные игры со сверстниками, и старая Тона недовольно ворчала, в одиночку выполняя всю домашнюю работу. Тепаначель хмурился, но пока молчал. А что он мог сказать? Холки давно перестали считать Непомнящего чужаком. Он с легкостью изъяснялся на их языке, правда с довольно сильным акцентом. Им восхищались как лучшим охотником в поселке. Он построил себе хижину на окраине селения, но вовсе не чурался компаний и мог выпить больше, чем все его товарищи, вместе взятые. Только борода да телосложение выдавали в нем чужеземца.

Но однажды он заслужил всеобщее уважение. Вместе с группой мужчин и женщин Непомня-

щий отправился в лес расчищать поле под новые огороды. Мужчины валили деревья, корчевали пни, а женщины, многие были с детьми, собирали камни и жгли костры. Работа была в разгаре, когда из леса неожиданно выскочил огромный ягуар. Опрокидывая растерявшихся людей, пятнистое чудовище гигантскими прыжками устремилось к стайке оставленных без присмотра ребятишек. Непомнящий первым пришел в себя. Он бросился к зверю и схватил ягуара за заднюю лапу. Свирепая кошка и вывернуться не успела, чтоб полоснуть его когтями, как полетела обратно в джунгли, ударила о пальму, упала и больше не двигалась. В тот день в поселке устроили праздник, было выпито море браги, и под конец лишь Непомнящий твердо стоял на ногах.

Как-то под вечер Ахайна нашла Непомнящего сидящим возле Отца Предков, к которому она пришла испросить благословения на ночь. Вид знакомой фигуры рядом с гигантской каменной головой озадачил девушку.

Никогда раньше Непомнящий подолгу не застуживался возле идола. Он вообще был равнодушен к вере островитян, и холки признавали за ним это право.

Вокруг никого не было. В поселке ложились спать рано, и большинство жителей уже посетили Отца Предков и разошлись по своим домам.

Нагая, как в свой первый день рождения, девушка почему-то замедлила шаг. Босые ноги ступали совершенно бесшумно, но стоящий спи-

ной белокожий гигант резко обернулся, когда Ахайна не дошла до него добрый десяток шагов.

— Свет звезд, Ахайна!

— Свет звезд, Непомнящий,— в некотором замешательстве откликнулась девушка, вдруг заметив, что ее друг в набедренной повязке, за которую заткнут обсидиановый нож. Ахайна указала на нее пальцем: — О, Непомнящий, прости, наверное, ты не знал, я тебе не рассказывала, но к Отцу Предков нужно приходить обнаженным. Это грех — прятать свое тело перед взором того, кто видит душу человека.

— Я не думаю, что клочок ткани помешает ему рассмотреть, что у меня в душе! — рассмеялась Непомнящий, но, увидев, как нахмурилась девушка, успокаивающе поднял руку.

— Не сердись, Ахайна! — В мгновение ока он скинул свою одежду.— Я вовсе не хотел обидеть Отца Предков! Ты ведь действительно ничего не рассказывала мне о нем.

Успокоившись, девушка приблизилась к Непомнящему. Тот глядел на нее сверкающими глазами. О, эти глаза!..

— А кто твой Отец Предков? — преодолевая непонятное ей самой смущение, спросила она.

Девушка, как и все островитяне, была привычна к виду наготы. Однако, скользнув взглядом по телу Непомнящего, она поспешила остановить свой взор на чем-нибудь другом: на каменном лице Отца Предков или на узких пальмовых листьях, едва видимых в темноте.

Гигант в ответ на ее вопрос покачал головой. Лицо его исказилось будто в муке.

— Не помню,— глухо сказал он.— Ничего не помню.. Порой мне кажется, что я умер и заново родился — здесь, на этом острове... Что кто-то — уж не Отец ли Предков? — специально густил мрак беспамятства над моей прошлой жизнью, которая была, наверное, не слишком праведной.— Он потрогал шрамы на своем лице.— Это милость — ведь трудно начинать новую жизнь, если грехи прежней тяжким грузом лежат на душе. А так... так меня не гнетет.

— Ничего?

— Ничего,— подтвердил Непомнящий.— Кроме желания вспомнить.

— Но зачем? — рассмеялась Ахайна.— Ты ведь называешь потерю памяти милостью. Зачем же пытаться вспомнить прежние грехи? Да и были ли они?

— Иногда меня посещают видения, обычно во сне,— тихо проговорил Непомнящий.— В последнее время все чаще. Они смутные, отрывочные... То я вижу себя в горах — нет, не в горах острова, а где-то очень далеко, где скалы покрыты снегом...

— Чем?

— Я не знаю, как объяснить... Это как белый песок, он холодный и, когда греет солнце, тает, превращаясь в воду. Но в моем сне он таял не от тепла, а от горячей крови. Алые пятна на белом снегу... Вокруг меня лежат тела, а я, воздев свой меч к небу, кричу в диком упоении.

— Какой меч? — пробормотала девушка, невольно отодвигаясь.

— Или я вижу себя в горячих песках, скачущим на огромном черном олене, но без рогов,— не слушая ее, продолжал Непомнящий, он будто грезил наяву.— Со мной — большой отряд таких же наездников... А навстречу нам скачут другие люди... Мы сшибаемся... сражаемся — и снова кровь! На песке, на моих руках, на моем лице! А еще я вижу себя в море, плывущим на большой-большой лодке...

Он резко замолчал и с силой провел рукой по лицу.

— Здесь, в поселке,— продолжил Непомнящий, помолчав,— жизнь легка и спокойна. Я должен быть доволен. И я доволен! Но почему мне хочется порой отбросить копье и схватиться с кабаном голыми руками? Почему мной иногда овладевает безумное желание выйти на лодке в море, когда ревет буря?!

— Ты говоришь странные вещи,— немного испуганная, девушка робко коснулась рукой колена гиганта.

— И все-таки я счастлив,— тихо сказал он.— Я хочу жить и умереть здесь, на Рада-Рами... Жить и умереть рядом с тобой, Ахайна.

Сердце Ахайны замерло, а потом вдруг заколотилось с безумной силой. Словно задохнувшись, девушка стояла, не в силах вымолвить ни слова. Огромные руки, способные запросто переломить хребет дикому кабану, нежно обняли ее хрупкое тело.

— Посмотри мне в глаза, Ахайна.
Не в силах сопротивляться этому голосу, она подняла взгляд. Гигант улыбался.

— Стань моей женой, Ахайна! Ты — дочь важная, я — чужеземец, но разве я не стал холком? Я хороший охотник, хороший рыбак, я умею работать! Ты не будешь знать нужды. И я люблю тебя! Что еще нужно? Только твое согласие. Любишь ли ты меня, Ахайна?

Казалось, весь мир замер в ожидании ответа.

— Люблю!

И мир засмеялся счастливым, громоподобным смехом огромного чужеземца, роднее которого сейчас не было для Ахайны никого в целом свете.

— А твой отец...

— Он не откажет. У холков принято, чтобы девушка сама выбирала свою судьбу.

Время летело незаметно для них, упоенных своим счастьем.

— Но ты должен пройти обряд Приобщения к нашим предкам...

— Согласен. Только расскажи мне о них. В своих странствиях по острову я часто встречал каменные изваяния: и в непролазных чащах, и в мрачных ущельях, и на берегу океана. Все они тоже изображение Отца?

— Нет, любимый. Это и есть наши предки. А Отец — он один, перед тобой.

— Кто же и когда их поставил?

— Глупый! Их не ставили. Они были живыми — очень, очень давно.

— Расскажи мне.

— Много-много веков назад народ холков жил далеко отсюда, в стороне восходящего солнца, на большом-большом острове. Но в один несчастливый год земля наша раскололась и была затоплена морем. Спаслись немногие.. Они сумели на лодках преодолеть океан и приплыть к берегам этого острова, который называли Рада-Рами — земля Новой Родины. Здесь было вдоволь рыбы и зверя.

На острове жили люди-гиганты. Сначала холки испугались, решив, что хозяева благословенной земли враждебно их встретят, ведь моих со-племенников было так мало... Но великаны были дружелюбны и очень мудры. Они могли и умели многое: управлять погодой, повелевать духами, могли летать. Они заботились о холках, как будто те были малыми детьми, а потом... потом они превратились в камень.

Брови Непомнящего медленно поползли вверх.

— Как это? Почему?

— Я не знаю... Старики говорят, что в тот год, когда наши предки обратились в камень — ты понимаешь теперь, что наше родство не по крови, оно духовное,— на остров с заката приплыли Красные.

— Я слышал о них.

— Это злые и жестокие люди. Они живут на другом конце острова в большом поселке... Так вот, Красные поклоняются Каменному Богу Гараде и приносят человеческие жертвы. Говорят, но это только догадки, что наши предки сразились с

этим злым богом и были побеждены. Они бежали, рассеявшись по всему острову, но Каменный Бог их преследовал, настигал и превращал в камни.

— Сказка,— тихо, чтобы не слышала Ахайна, пробормотал Непомнящий.

Холки к тому времени уже рассеялись по всему острову. Красные нападали на наши деревни, жгли их, а пленных приносили в жертву своему ненасытному божеству. Мы вели с ними долгую войну... Она то затихала, то вспыхивала вновь.

Наконец мы заключили с Красными договор, по которому разделили остров. Люди из разных племен под страхом смерти не могут заходить на чужую территорию.

Воцарился мир, но Красные уже не раз нарушали его. Мы, холки, народ мирный, и нам трудно сражаться с врагом. Обычно мы уходим в леса и устраиваем засады на преследователей, но иногда нападение происходит слишком неожиданно, и тогда...

Девушка замолчала, о чем-то задумавшись. Вокруг царила солнная тишина, только издалека доносился рокот прибоя да тягуче крикнула где-то ночная птица.

Непомнящий привлек Ахайну к себе.

— Смотри, какой красивый камень я нашел в горах,— шепнул он. На его ладони лежал прозрачный голубой камень размером с ноготь большого пальца и с едва приметным отверстием под тонкую нить.— Тебе нравится?

— Очень!

— Возьми, это мой подарок.
Ахайна с благодарностью ската руку гиганта.

— Его цвет такой же, как цвет твоих глаз...
Непомнящий вдруг резко отстранился и вскинул голову.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила Ахайна.

— Не знаю,— не сразу ответил гигант. Он продолжал вглядываться в сумрак, скрывающий кроны пальм.— Мне что-то послышалось...

Дрожь пробежала по телу девушки. Неожиданно ею овладело предчувствие беды, необъяснимое, но настолько сильное, что она чуть не закричала — не от испуга, а скорее от обиды. А ведь все было так хорошо! Почему, зачем?! Это несправедливо!

Почувствовав ее напряжение, Непомнящий с ободряющей улыбкой повернулся к любимой.

— Не бойся...

Черная тень упала сверху. Гигант рванулся, срывая с плеч мерзкую тварь, скалящую мелкие острые зубы. Красные глаза чудовища горели ненавистью. Хлопанье кожистых крыльев, пронзительный крик и хруст костей, ломающихся в могучих руках. Тварь бесформенной грудой упала на землю.

— Что это, во имя Крома! — взревел великан.— Что... это? — В горячке он не почувствовал укола и только теперь заметил кровь, струящуюся по плечу.

— Тарги! — закричала Ахайна.— Крылатые псы Красных!

— Красные? — Язык вдруг с трудом стал шевелиться во рту, наполнившемся тягучей слюной, голова закружилась, и, взмахнув руками, гигант рухнул прямо на убитого им тарга. Сознание меркло. Непомнящий уже не слышал ни дикого, торжествующего воя врагов, ни отчаянных криков застигнутых врасплох холков, не видел, как одна за другой вспыхивали тростниковые хижины поселка.

«Во имя Крома... Кром! Кром! Я вспомню тебя...»

* * *

Кто мог — сражался, кто мог — бежал. До последних Красным не было дела. Пусть бегут: добычи и так хватит. Без труда подавив сопротивление холков и рассеяв врагов по лесу, они занялись отловом скрывающихся в поселке людей. И почти без потерь захватили более полутора сотен пленных.

Отряд Красных был небольшим. Не на войну шли — на простой набег. Каменное божество проголодалось и требовало свежей крови. Много крови — так сказали жрецы.

Предводитель отряда был доволен. Они накормят бога. Легко раненных и обездвиженных ядом таргов пленников быстро и умело связывали: руки за спину, общую веревку на шею, по шесть человек в связке. Остальных Красные добили.

На рассвете враги покинули разоренный поселок. Их ждала долгая дорога через джунгли.

Нужно поспешить, чтобы успеть к Великому празднику. Подгоняя пленных уколами копий, они погнали добычу в лес.

Действие яда прошло не до конца — многие холки шатались как пьяные. Ничего, скоро придут в себя.

Стало припекать солнце, разгоняя туман. Неприметная, запущенная дорога сперва змеилась по краю вулканического плато, поросшего жесткой остролистой травой в человеческий рост. Зеленая равнина, покрытая буйной тропической растительностью, напоминала изумрудный океанский простор в часы мертвого штиля, среди которого одиноко высился островки манговых деревьев.

К полудню ровное плато постепенно превратилось в изрезанное глубокими лощинами холмистое предгорье. Густые заросли травы все чаще уступали место лесистым холмам, которые вскоре перешли в отроги горного хребта, разделившего остров на две половины. Вдали, у кромки горизонта, в кругу вершин пониже высилась гора Кантомари, словно величественный и гордый король в окружении преданной свиты. Горы резко выделялись на фоне раскаленного неба, будто плавники гигантских рыб над поверхностью океана.

Караван с пленниками неожиданно повернулся к востоку и вскоре вступил в широкую, с крутыми склонами долину, где стеной стоял девственный лес. Солнечный свет в избытке проникал под полог леса, пробиваясь между стволами и

мясистыми листьями эвкалиптов. Над болотистой поверхностью земли неподвижно висел горячий, влажный воздух.

Колонна замедлила шаг, с усилием продвигаясь сквозь духоту джунглей. Деревья громоздились в несколько ярусов друг над другом, поражая взгляд разнообразием оттенков зеленого, голубого и желтого, экзотической формой крон и пестротой красок порхающих меж ветвей птиц.

Корни исполинских эвкалиптов гигантскими змеями стелились по земле, затрудняя движение. Бамбуковые палки надсмотрщиков без устали поднимались и опускались на голые плечи и спины несчастных пленников, выбивающихся из сил. Лианы обвивали стволы и ветви, словно рукостворные подвесные мосты, соединяя деревья друг с другом на головокружительной высоте. Поверхность земли устилали папоротники и мхи, ярко окрашенные крупные цветки орхидей наполняли воздух дурманящим ароматом.

Чем дальше в джунгли углублялся отряд, тем гуще и плотнее становилась стена подлеска из древовидных папоротников, зарослей бамбука и колючего кустарника. Проводники Красных строго держались тропы, иначе им бы пришлось прорубаться через дикое буйство джунглей.

Несколько часов ходьбы по зарослям сильно измучили пленников и их безжалостных конвоиров. Люди все чаще спотыкались о корни и камни, с трудом переползая через поваленные бурями, полусгнившие стволы исполинских деревьев. Громкие крики невидимых птиц казались

им издевательским смехом над тщедушностью людей перед лицом дикой мощи безбрежного тропического леса.

И тут, к облегчению связанных пленников, среди которых было немало детей и женщин, джунгли внезапно расступились у узкого прохода в ущелье, полого спускающегося к океану. По горловине расщелины, весело звеня на перекатах, бежал игривый ручеек. Идти по каменному дну ущелья стало намного легче, и Красные, не задержавшись ни на минуту, чтобы дать напиться измученным, потянувшимся к воде холкам, криками, копьями и палками заставили пленников ускорить шаг.

Перед закатом караван вышел к северной оконечности прекрасной и тихой голубой лагуны и остановился на ночь под сенью кокосовых пальм на границе золотого песчаного берега. Вымотавшиеся за день невольники, не дожидаясь приказа, повалились на горячий песок. Несколько воинов остались присматривать за группой обессиленных, покрытых кровоточащими царапинами от острых колючек пленников. Остальные Красные разводили костры и разбрелись по берегу в поисках плавника.

Матери безуспешно пытались успокоить уставших и голодных детей, мужчины угрюмо молчали, потупив взоры. Молчал и Непомнящий. Он не знал, куда и зачем их ведут, да и не слишком задавался этим вопросом, совсем не беспокоясь за себя. В душе его клокотала дикая ненависть, связанные руки в ярости сжимались в кулаки. А

сердце переполняла тревога за Ахайну. Он знал, что девушка тоже попала в плен, видел мельком ее еще утром. А потом их разлучили — женщины с женщинами, мужчины с мужчинами. Больше он не видел любимой и очень тревожился за нее. Красные безжалостно избавлялись от слабых, и группа пленников за время похода уменьшилась на несколько человек.

Красные приготовили на огне пищу для себя, не спеша перекусили, бросая обедки таргам, и только после этого дали пленникам воды и одну корзину фруктов на всех. Все-таки жертвы должны быть похожи на людей, а не на полуживые скелеты — иначе грозный бог Гавата разгневается и будет снова трясти землю.

Непомнящий съел апельсин и сделал несколько глотков воды. Мысли и чувства мешались и путались. Тот безымянный, который жил в глубине сознания, повергал его в трепетный ужас своей необузданной яростью и кровожадными намерениями. Гнев, бушевавший в груди, пугал Непомнящего, он изо всех сил старался подавить его в себе. Убить оленя на охоте, сразиться с хищным ягуаром — пожалуйста, это совсем другое, но отнимать жизнь у людей!.. Только думая об Ахайне, он сумел победить это жуткое нечто, что неохотно ему подчинилось и затихло на время.

На берег лагуны быстро спустилась ночь, будто кто-то очень большой сунул солнце в мешок, и остров сразу погрузился в душный сумрак тропической ночи. На небо высыпали кажущиеся здесь такими близкими звезды, показалась луна

из-за туч, и океан радостно приветствовал восход ночного светила тихим шелестом прилива. Воины Красных и пленники укладывались спать.

Утром их подняли чуть свет и погнали на север, придерживаясь тонкой прибрежной полоски, заливаемой ленивыми волнами, где мокрый песок был плотен и удобен для ходьбы. Душа Непомнящего ликовала, он видел Ахайну — хвала Предкам, она жива и невредима, хотя и выглядела, как надломленная ветка инжира. Он молил небеса об одном только ее взгляде, но девушка не поднимала глаз и была равнодушна ко всему окружающему. А потом он снова потерял ее на долгое время, показавшееся ему целой вечностью.

Они шли весь день, невзирая на усталость и жарко палящее солнце, оставляя за собой бездыханные тела товарищей. С отстающими конвоиры не церемонились, сбивали с ног и закалывали длинными бронзовыми копьями. Останавливались всего один раз, чтобы дать измощенным холкам немного воды и возможность освежить распаленные солнцем тела в пенной, с песком и тиной прибойной полосе.

Во второй половине дня, обогнув северную оконечность острова, караван с невольниками вышел к большому каньону. Горы здесь выселись, упираясь вершинами в облака, и вплотную подступали к берегу. Исполинский массив Кантомари заслонил собой весь горизонт и окутал полнеба черными клубами дыма, длинными живыми языками стекающего по склонам горы.

Каньон, широкий у берега, сужался, врезаясь в подножие величественной горы.

У моря стояли строения из камня и дерева, а не из бамбука и тростника, как в поселке. Два естественных волнореза — застывших лавовых потока — уходили далеко в океан, приспособленные под причалы для небольших рыбакских суденышек. Зеленые склоны долины были превращены в поля и огороды, ниже которых раскинулись ухоженные и опрятные фруктовые сады, где работали холки-рабы. Наезженная грунтовая дорога вела от моря в глубь каньона и исчезала за невысокой глинобитной стеной.

Пленников погнали по дороге к распахнутым городским воротам, охранявшимся десятком стражников. Сам город лепился к скалистым стенам каньона. На плоских крышах нижних домов, словно зеленые ярусы джунглей, громоздились хижины, воздвигнутые друг на друге. На верхних этажах жилища становились все крохотнее и издали напоминали птичьи гнезда. Вместо окон, дверей и дымоходов в стенах и плоских крышах были пробиты небольшие отверстия. С террасы на террасу вели приставные лестницы, которые в случае нападения на город легко было поднять наверх.

Через ворота, украшенные барельефами чудовищ ужасающего вида, караван вступил на узкие, кривые улочки. Город жил своей жизнью: развились дети, беззаботно гоняясь по улицам друг за другом, тихо поскрипывали каменные круги гончаров в квартале горшечников, тянуло дымом из плавильен и литейных цехов, отвратительный за-

пах распространялся по городу из сушилен кожевенных мастерских, женщины готовили пищу в полукруглых глинобитных печах, вынесенных во дворы, тут же вручную толкли зерно в ступках.

Но вся эта городская суэта была подчинена какому-то единому порыву, единой непонятной для пленных холков цели, сплотившей тысячи тысяч людей. Город готовился к великому празднику с массовым жертвоприношением, грандиозным пиршеством и гуляниями, в конце которого каждый горожанин ожидал чуда. Лица людей, отмеченные печатью чего-то ужасного, недавно пережитого, светились радостью и потаенной надеждой. Появление колонны невольников на городских улицах приветствовалось ликующими криками и громким рукоплесканием.

Их вели к центру города. Глиняные хижины окраин сменились крепкими каменными особняками с чистыми двориками, небольшими пирамидальными храмами и длинными строениями складов. Улицы стали чище, куры и свиньи уже не расхаживали по ним.

В центре столицы Красных находилась широкая площадь, на которой одиноко возвышался главный храм, посвященный каменному богу Гараде, в виде гигантской ступенчатой пирамиды с плоской площадкой на самой вершине. Только черная громада Кантомари затмевала его своей высотой. Широкие циклопические лестницы спускались от верхней площадки до подножия пирамиды со сторонами в основании не менее трехсот шагов. Какие-то люди в черных мешко-

ватых одеяниях непрерывной вереницей взбирались на открытую всем ветрам площадку храма, сгинаясь под тяжестью вязанок хвороста и дров. Пленные холки, забыв о своем горестном положении, с любопытством озирались вокруг, пораженные всем этим великолепием. Им, родившимся в тростниковых хижинах и никогда не видевшим каменных стен, невозможно было даже представить существование столь грандиозных сооружений. Город нависал над ними и безжалостно подавлял их воображение, но в то же время приводил в восхищение и трепет.

Непомнящий, хмурясь, смотрел на громаду пирамиды.

«Стигия», — пробормотал он про себя. Слово всплыло из глубин памяти — бессмысленное, ничего не значащее, но гигант вдруг ощутил, что мрак беспамятства на какой-то миг пронзила молния узнавания.

Караван не дошел до площади, а остановился у неприметного желтого здания, напрочь лишенного окон. Командир Красных направился к дверям. На пороге его встретили люди в черном, по-видимому жрецы, и воин упал на колени прямо в пыль, коснувшись лбом земли у их ног. Один из жрецов начал быстро задавать вопросы. Командир отвечал, оставаясь в этой униженной позе. Жрец, удовлетворившись ответами воина, отпустил его небрежным взмахом руки и трижды громко хлопнул в ладони.

Из глубины здания послышался торопливый топот босых ног, и из дверей посыпались служи-

тели в черном, вооруженные широкими бронзовыми кинжалами и длинными, острыми бамбуковыми кольями.

Со знанием дела они без суеты разделили пленных — отдельно мужчины, женщины, дети — и загнали их внутрь дома.

Так Непомнящий оказался в огромной тюрьме за деревянной решеткой, среди таких же, как он, обреченных. Заключенных в камере было так много, что люди лежали вповалку друг на друге, задыхаясь от смрада давно немытых тел и собственных нечистот. Жирные крысы безбоязненно с деловым видом сновали по камере, чувствуя себя хозяевами.

К обеду следующего дня, по крайней мере так считал Непомнящий, старик холк под наблюдением двух жрецов прикатил в их темницу тележку с бадьей вонючего жидкого рыбного супа и бочкой воды. Старик скользкой кокосового ореха наливал в глиняные миски холодный суп и через бамбуковые прутья решетки передавал их в трясущиеся руки заключенных.

— Подходите, дети мои, подходите, — приговаривал он. — И благодарите за милость Отца Предков. Завтра ваши страдания кончатся.

Непомнящий взял миску и сел прямо на грязный пол у решетки.

— О чём это ты говоришь, отец? — спросил он.

Старик вздрогнул от неожиданности, беспокойно огляделся по сторонам и уставился на него бесцветными подслеповатыми глазами.

— А? Кто ты? Ты не холк... — прошамкал он беззубым ртом.

— Я не знаю, кто я. Но я жил среди холков и полюбил этот народ. Мое имя Непомнящий.

— Странное имя, да... Но раз ты здесь, вместе с холками, то тоже разделишь их судьбу. Завтра священный праздник магулов — день благодарения великого Огненного бога Гарады. Вас всех и многих других принесут в жертву кровожадному божеству. Так решил верховный жрец Зарастеп.

— Магулы — так зовут себя Красные? — спросил Непомнящий из праздного любопытства. Слова старика не произвели на него никакого впечатления.

— Да. Так они себя называют. А город этот — Кафардахат — главный город магулов. Есть и другие, но они не больше наших поселков, да их всего-то три или четыре. Магулов вообще гораздо меньше, чем нас, холков. Здесь одних рабов столько же, сколько их. А сколько нас еще на Рада-Рами?! Но холки живут в деревушках, разделенных джунглями и горами... Магулы хитры: они делают вид, что признают за нами право на половину острова, заключают договоры, даже торгуют, а сами смеются над нами! Если им нужны рабы или если богу Гараде угодны жертвы — они берут их. Молись, сынок, чтобы смерть твоя была легкой. И да пребудет с тобой благословение Отца Предков. Я тоже за вас помолюсь.

— Я не боюсь смерти. Но все равно, спасибо тебе, отец. Чье имя мне назвать с благодарностью, представ перед ликами Предков в небесном

чертоге? — вежливо спросил он, возвращая старику опустевшую миску.

Старец отчего-то невесело захихикал:

— Мы с тобой в чем-то похожи, сынок. У меня тоже нет настоящего имени. Когда я стал рабом при храме, еще в правление старого жреца Тватакунэ, я был несмышленым ребенком и забыл свое имя. Но, повзрослев, сам себе его придумал. Ты первый, кому я его назову. — Старик наклонился к самому его уху и доверительно запептал: — Амальштеп. Тебе нравится?

— Красиво. — Непомнящий кивнул. — Спасибо тебе, отец.

— Тебе спасибо, сынок. В твоей душе и правда скрыта какая-то сила. Прощай...

Тут надзиратели заметили их разговор и с кулаками набросились на старика. Он подхватил свою тележку и торопливо засеменил к выходу.

Непомнящий злобно поглядел вслед удалявшимся жрецам, и бамбуковая решетка жалобно застонала в могучих руках.

Время для узников остановилось.

Утром их разбудили барабанная дробь и вой бамбуковых свирелей. Захлопали двери, зазвенели ключи, и помещение тюрьмы наполнилось черными жрецами. Они открыли камеры и стали силой, не скупясь на побои, вытаскивать оттуда сопротивляющихся, будто очнувшихся от спячки людей.

Когда Непомнящий оказался на улице, шуряясь от нестерпимо палящего солнца, там собра-

лась толпа из полусотни холков в окружении жрецов и хорошо вооруженных воинов, у которых появились и короткие тугие луки. Музыка разносилась с площадки главного храма Гарады по всему городу. Старший среди жрецов отдал короткий приказ, и пленников, точно скот, погнали по улице, украшенной в честь торжества пальмовыми листьями.

Вся площадь перед храмом, утопающим в солнечном свете, была до отказа забита магулами в пестрых праздничных нарядах — сплошное море человеческих голов. В толпе оставались два прохода, вдоль которых цепью стояли воины с копьями и щитами. Храмовые лестницы от подножия до верхней площадки были усыпаны лепестками цветов. Через каждые несколько ступеней стояли либо жрецы в черном, либо сверкающие медными доспехами солдаты в шлемах с пышными плюмажами и тяжелыми бронзовыми топорами на плечах.

На верхней площадке пирамиды горело четыре огромных костра, а в самом центре ее высилось грубо вытесанное из камня обезьяноподобное существо с короткими кривыми ножками и огромным брюхом, свисающим до колен. Кровожадная ухмылка кривила жабью пасть чудовища в жутком оскале саблевидных клыков. В маленьких детских ручках зверь держал крохотные фигурки двух людей с искаженными от ужаса лицами. Вокруг идола сутились жрецы, занятые какими-то приготовлениями, там же находился и невидимый снизу оркестр.

Несчастных невольников вытолкали в проходы и под нарастающий рев толпы и громкую дробь барабанов повели к храму. Их скорбный путь усыпали цветами. К ним протягивали руки мужчины и женщины, хотели потрогать, нашептывая какие-то слова, свято веря, что их послания и просьбы скоро достигнут каменного идола вместе с душами его жертв.

Всю Кантомари окутывала плотная дымовая завеса, в которой мелькали огненные всполохи, будто из недр горы по склонам расплзались красные ядовитые змеи.

Пленников выгнали на свободное пространство перед храмовой лестницей, оцепленное плотным строем Красных воинов. К ним присоединилась группа женщин, которых привели по второму проходу. Жрецы на площадке пирамиды расступились, давая дорогу молодому мужчине с квадратным лицом и заносчивым жестоким взглядом, облаченному в белоснежные одеяния и золотую островерхую шапку. По толпе прокатился глухой шепоток: «Зарастеп! Зарастеп!»

Жители, все, как один, кроме стражей и мрачных жрецов, повалились на колени, истово колотя лбами о землю. Казалось, весь город собрался на площади, запрудив все прилежащие улицы, кроме центральной, по которой гнали бесконечную вереницу плененных и рабов. Но сейчас все, невзирая на звания и сословия, валялись в пыли, не смев оторвать от земли глаз.

Верховный жрец с минуту наслаждался покорностью толпы, затем величественно возвел руки

к небу и торжественно заговорил с народом. Голос его гремел, точно гром, слова железным дождем падали с высоты пирамиды на непокрытые головы охваченных религиозным экстазом магулов. Потом он повернулся к ним спиной, упал на колени и заговорил с безобразным каменным истуканом, моля и упрашивая его о чем-то. Говорил он долго. Слов Непомнящий не понимал и откровенно скучал, страдая под безжалостными лучами солнца.

Но вот Заастеп закончил свою речь и произнес положенные молитвы. Он поднялся на ноги, и по его сигналу пронзительно засвистели свирели, перекрывая радостные крики толпы. Жрецы подхватили мотив и затянули гимн. Воины выхватили из группы пленников мужчину и женщину и грубо толкнули их на храмовые ступени. Там их приняли жрецы и передали по цепочке выше. А в это время воины уже вели к лестнице следующую пару обреченных на смерть.

Так повторилось несколько раз. И тут Непомнящий увидел Ахайну. Сердце его наполнилось нежностью и теплотой, он рванулся к ней, но стражники преградили ему дорогу. Зато когда подошла его очередь, он не колебался ни секунды и уверенно выступил вперед.

Он шел, не сопротивляясь.

— Ахайна,— только и смог вымолвить он не послушным языком.

Девушка подняла на него безжизненные глаза, и в глубине их мелькнул огонек узнавания.

— Непомнящий... Любимый!

Она бросилась ему на шею на глазах ахнувшей толпы и растерявшихся жрецов. Те быстро пришли в себя и попытались их растащить. Непомнящий с такой силой оттолкнул самого ретивого, что тот отлетел на несколько шагов, сбивая с ног медных воинов. Взяв любимую за руку, гигант пошел вверх по ступеням храма под восторженный рев всего народа. Если люди готовы добровольно принести себя в жертву — это добрый знак. Они поднимались все выше и выше, не видя и не замечая ничего, кроме любящих глаз друг друга. На верхней площадке влюбленные остановились. Перед ними находился низкий залипший кровью алтарь и бездонный колодец рядом с ним. Верховный жрец Заастеп, словно высеченная из белого мрамора статуя, стоял у бронзового чана, наполовину заполненного еще трепещущими человеческими сердцами.

К ним бросилось сразу несколько черных жрецов. Один из них грубо схватил Ахайну, сорвал с нее остатки одежды, заметил голубой сапфир на груди девушки и сдернул его с шеи.

Внутри Непомнящего все заклокотало. Как он посмел прикоснуться своими грязными, запятнанными кровью руками к его возлюбленной и его подарку! Дикий зверь, притаившийся в его сердце, с ревом вырвался на свободу, и гигант стремительно шагнул к жрецу.

Никто и глазом моргнуть не успел, как вопящий жрец, ломая кости, сбивая с ног жрецов и воинов, покатился вниз по ступеням. Непомнящий с ужасом смотрел на свои руки.

«Неужели это я только что убил человека?! О, Великий Отец Предков, прости мне этот страшный грех!»

Резкая боль в плече вывела его из оцепенения. Мертвая тишина царила вокруг. Тысячи возмущенных магулов и восхищенных холков, затаив дыхание, смотрели на него снизу вверх. Он увидел искаженное злобой лицо жреца и занесенный для нового удара кинжал, ослепительно полыхнувший в лучах солнечного света. В следующий миг жрец, поскуливая, пополз в сторону, волоча по каменным плитам нелепо повисшую сломанную руку.

Голубые глаза великана вспыхнули мрачным холодным огнем, и заветное, грозное имя вырвалось из могучей груди.

— Кром! — заревел Непомнящий пришедшее из глубин памяти имя.

К нему тянулись кинжалы и копья, и он, презрев смерть, грудью пошел им навстречу, не замечая испуганного взгляда съежившейся у его ног Ахайны и страха в глазах нападавших.

Он двигался с нечеловеческой быстротой. Поднырнув под нацеленные на него копья, Непомнящий схватил закованного в медь воина и резко опустил спиной на свое колено. Послышалась хруст позвоночника. Он отбросил безжизненное тело, словно это был мешок с песком, и один встал против наседающей стаи черных жрецов, поигрывая бронзовым топором. Длинное топорище удобно лежало в руках, тяжесть оружия вселяла уверенность в собственных силах, напом-

нив ему о чем-то давно позабытом, яростно рвущемся из тьмы забвения.

— Во имя Крома! — закричал он, и от этого крика толпа на площади невольно попятилась.— Сражайтесь, холки! Умрем, как мужчины!

Он ринулся в гущу врагов, слыша за спиной нарастающий шум и истошные крики на площади: Топор в его руках запел губительную песнь, полилась кровь и полетели головы. Жрецы отступали, но гигант наседал на них, круша своим грозным оружием черепа врагов.

Опьяненныйхваткой, он не сразу заметил, что рядом с ним бились двое холков, истекающих кровью от бесчисленных ран, но крепко сжимающих копья и полных отчаянной решимости. Все трое сражались храбро и остановились, только когда площадка опустела и не осталось ни одного живого врага.

Непомнящий подошел к краю лестницы. Белая фигурка Зарастепа торопливо прыгала со ступеньки на ступеньку. На площади, заваленной мертвыми телами, шла жестокая битва, где озверевшие холки накинулись на менее многочисленных, но лучше вооруженных магулов. Они рвались вперед, стремясь схватиться с врагом в рукопашную и не дать лучникам себя истребить.

Бывшие рабы готовы были рвать магулов руками и зубами, бросаясь на кинжалы и копья. Небо было черно от таргов, но бестолковые твари попадали под стрелы хозяев и без счета валялись на землю.

Но не вид страшной битвы, не разбегающаяся по улицам толпа мирных горожан приковала пылающий взор Непомнящего.

У причалов на море стояло два больших корабля, и еще один встал на рейде недалеко от берега. Такелаж их был порван, черные приспущеные паруса еще слабо трепетали на ветру, и корабли, словно черные лебеди на тихом пруду, величественно покачивались на лазурных морских волнах. От берега по дороге скорым шагом шли отряды в сверкающих доспехах.

Передовой отряд, сломив беспорядочное сопротивление привратной стражи, уже ворвался за крепостную стену.

И тут он вспомнил все, словно очнулся от долгого сна. Сердце его преисполнилось гордостью, и дух окреп, снова обретя мужество и отвагу воина. Он узнал корабли, узнал людей, плотным строем марширующих по улицам городка, гоня перед собой целую армию магульских солдат.

— Спасибо, Кром! — крикнул он, потрясая окровавленным топором и безудержно хохоча.— Я Конан! Киммериец!

Он подхватил на руки удивленную Ахайну и, смеясь, закружился с ней по жертвенной площадке. И удивление девушки сменилось улыбкой, а потом и она рассмеялась вместе с ним — звонко и счастливо.

— Ахайна! Я вспомнил! Я все вспомнил! Эти корабли с черными парусами — мои! Их у меня было пять — осталось три, но не беда — на них

достаточно крепких парней, чтоб разнести этот дрянной городишко.

— Они приплыли за тобой? — Ахайна, будто во сне, прижималась к широкой груди киммерийца, вздрогивая от пережитого ужаса.

— Не думаю! — рассмеялся Конан.— Они, наверно, считают меня погибшим, а сюда попали случайно. Увидели город и решили поживиться. Знаю я их, акульих детей!

У подножия пирамиды еще кипела яростная битва. Она звалà к себе киммерийца, как любящая мать заблудившееся в лесу дитя. И где-то там скрылся кровожадный Зарастеп.

— Вперед! — крикнул северянин холкам.— Очистим остров от краснокожих!

Конан бросился вниз, увлекая за собой Ахайну, перепрыгивая сразу через несколько ступеней. Он с ходу врубился во вражеский строй, работая топором, как заправский боссонский дровосек, и оставляя за спиной кровавую просеку. Некоторые холки узнали киммерийца и приветствовали его ликующими воинственными криками. Они набросились на врагов с яростью волчьей стаи и сломили их строй. Битва рассыпалась на отдельные стычки. А со стороны городских ворот нарастал многоголосый вопль отчаяния и шум схватки. К небу потянулись дымки пожаров.

Конан метался среди сражающихся, появляясь то там, то здесь, и всюду, где бы ни возникала его могучая фигура с не знающим пощады бронзовым топором, враги в панике бежали, бросая оружие.

Ахайна с трудом поспевала за киммерийцем. Конан остановился и осмотрел поле боя. Всюду холки держали верх и гнали по улицам Красных. Только у здания тюрьмы, отрезанная от дверей, отчаянно отбивалась горстка жрецов, среди которых мелькал белый балахон. Не раздумывая, киммериец устремился туда.

Заметив его, жрецы застонали от ужаса, но лишь плотнее сомкнули ряды, защищая своими телами вождя. Они бились с яростью диких псов и умирали один за другим с именем Огненного Бога на устах. И вдруг, перекрывая шум битвы, на всю улицу загремел срывающийся голос верховного жреца.

— Что... Что он говорит? — спросил Конан у побледневшей Ахайны.

Девушка торопливой скороговоркой перевела:

— О, Гарада Всемогущий! К тебе взываю я, великий! Яви свою милость детям твоим. Покрай их врагов!

Дальше шли слова, произнесенные нараспев, которых девушка не понимала. Черные жрецы шарахнулись в стороны, оставив на земле коленопреклоненного верховного жреца, простирающего руки к статуе бога на вершине храма.

— Остановись, Заастеп! Опомнись! Ты погубишь нас всех, вызвав Необоримого! Как ты мог! О, горе нам, горе! — заголосили они разом.

Один не выдержал и набросился на владыку с кинжалом, за ним кинулись остальные. Белые одеяния Заастепа мгновенно окрасились алой кровью.

Но предсмертный зов его был услышан. Громада Кантомари задрожала. По улицам города поползли трещины, дома и храм заходили ходуном. Вершина горы взорвалась, и обжигающая волна горячего воздуха обрушилась на проклятый богами Кафардахат, сметая на пути храмы, дома, сады, людей и таргов.

А вслед за этим на город посыпался пепел и огромные камни. Взрыв уничтожил полгоры, полыхающей столбом огня.

По склонам вулкана стремительно стекали огненные реки раскаленной лавы, грозя вот-вот затопить город. Рушились гигантские пирамиды жилых домов, гибли люди, в панике мечущиеся по улицам. Земля дрожала и уходила у них из-под ног. Чудом уцелевшие тарги обезумели, кидаясь на стены и кусая всех без разбора. Что-то огромное и ужасное заворочалось внутри горы, стремясь выбраться наружу. Вулканические обломки градом сыпались с неба. Всюду слышались стоны и плач.

Конан пришел в себя от потрясения, схватил за руку девушку и со всех ног побежал вниз по улице — к морю, к спасительным кораблям, подальше от этого злого места.

Улицы были завалены камнями и обломками домов, затрудняя движение. Но за городскими воротами киммериец нагнал своих моряков. Все смешалось в невообразимой панике. Люди в страхе бежали из города сплошным потоком: холки рядом с магулами, рабы рядом с хозяевами, вместе — недавние друзья и враги.

Корсары узнавали своего капитана и не могли поверить своим глазам. Но возгласы удивления тонули в страшном грохоте и вое обезумевшей толпы.

И в этот момент раздался еще один взрыв, намного мощнее первого, так что на ногах не устоял никто.

Но люди, подгоняемые слепым ужасом, вставали, кто мог подняться, и бежали дальше, не взирая на падающие с небес камни.

Падая, Конан выпустил руку Ахайны, его слегка задело волной. Голова раскальвалась от острой боли, перед глазами расплывались радужные круги. Он поднялся на ноги, еще плохо соображая, и сразу увидел ее. Девушка неподвижно лежала среди камней и мертвых тел. Конан опустился рядом с ней на колени. Вроде бы не ранена...

«Наверно, просто обморок», — обрадованно подумал он, поднял на руки невесомое тело девушки и на непослушных ногах пошел к берегу моря, чувствуя спиной горячее дыхание огненной лавы.

Конан не помнил, как вместе с десятками холков и Красных попал на корабль, как лихорадочно работали матросы, обрубая якорные канаты и спешно поднимая паруса. Один лишь раз он посмотрел на удаляющийся берег...

От цветущего Кафардахата не осталось следа, весь остров разваливался на глазах, а над остатками Кантомари ярилось и бушевало исполинское божество — точь-в-точь как изваяние на кры-

ше храма Огненного Бога. Люди на судне неистово молились, взывая о заступничестве к небесам, забыв обо всем на свете и бросив паруса на волю ветра.

Свирепое божество бросалось на берег, словно в погоне за ускользающей жертвой, но каждый раз неведомая сила отбрасывала его назад, будто кто-то в сто крат сильнее запер Гараду в невидимой клетке. Он бросал им вслед целые горы, но камни либо не долетали, либо падали в море далеко в стороне. Чудище топало ногами, и Рада-Рами медленно погружался в океан, увлекая с собой неистовое, злобное божество.

— Это Отец Предков, это он защитил нас, — услышал Конан благоговейный шепот суеверных холков рядом с собой и сразу вспомнил об Ахайне.

Девушка все еще была без сознания. Киммериец неумело попробовал привести ее в чувства, но тщетно.

— Лекаря! — исступленно закричал он. — Лекаря!..

На плечо ему легла чья-то тяжелая рука. Он раздраженно попытался ее отшвырнуть, но рука только крепче скжала его плечо. Конан резко вскочил, готовый в клочья разорвать наглеца, глаза киммерийца полыхали от гнева и ничего не видели перед собой.

— Конан! — услышал он знакомый голос, который доносился, будто издалека. — Ты понимаешь меня? Очнись, капитан!

Киммериец помотал головой, прогоняя с глаз пелену.

— Она мертва, Конан. Она была мертва уже тогда, когда ты принес ее на корабль. Смирись с этим,— терпеливо втолковывал ему рыжебородый ван.

— Сигурд?.. Что?! Что ты сказал?!

Конан проглотил подкативший к горлу комок и медленно повернулся к Ахайне. Долго-долго смотрел на ее милое лицо, даже после смерти казавшееся таким живым. Потом устало поднял глаза. И было в этих глазах что-то такое, отчего старый боевой товарищ киммерийца едва не попятился.

Корсары в исступлении вопили, потрясая оружием:

— Конан с нами! Конан! Амра! Конан!

Гигант тяжело, будто с трудом, вдохнул солнечный морской воздух.

— Я рад, что ты вернулся.— Сигурд вновь сжал плечо киммерийца, а потом, повинуясь порыву, распахнул медвежьи объятия.— Принимай команду, капитан!

Конан крепко обнял старого друга.

Над его головой шелестели черные паруса.

Глава первая

и шел, посвистывая, за одной из бесчисленных повозок, катившихся по белой пыльной дороге. Там, впереди, еще не было видно никакого жилья, но чувствовалось, что город уже совсем близко. «Шадизар, Шадизар, Шадизар!» — тревожно и радостно выстукивало сердце. Кажется, с того самого дня, как появился на свет, Гайяр знал, что ему суждено прийти сюда... Прийти, чтобы победить и отомстить... Три года назад, два года назад, год назад он порывался оставить дом, считая, что готов к испытанию, но каждый раз мудрая Рафала удерживала его, говоря: «Еще рано, мой мальчик, еще рано!» И вот ему исполнилось пятнадцать. Глядя — в который уже раз — вопрошающим взглядом в ее ласковые, улыбающиеся глаза, Гайяр понял наконец что его час наступил. Она отпускала его.

И теперь по бесконечно длинной дороге, его самой первой дороге, шел красивый мальчик с доверчивыми темно-янтарными глазами, откры-

той улыбкой и детской ямочкой на пухлой щеке, располагая к себе осторожных купцов и суровых погонщиков верблюдов. Он ехал то на одной повозке, то на другой, ел жирную похлебку и запивал ее кислым вином, не тратя при этом ни одной монеты из тех, что Рафала зашила ему в засаленный пояс. Да и кто бы мог подумать, что у него есть хоть один медяк! У такого-то оборванца! Но у парнишки было кое-что получше: веселые золотистые глаза, густая шапка черных кудрей и улыбка, от которой таяли сердца. И никто уже не обращал внимания на его драную шапочку, грязные холщовые штаны и растоптанные сандалии. Правда, убогость одежонки немножко скрашивала рубаха некрашеной верблюжьей шерсти с воротником когда-то яркой шелковой вышивки. Короче говоря, юный Гайяр, добираясь из Аренджуна в Шадизар, не испытывал тягот пути, обычно выпадающих на долю бедных оборванцев, которые, не найдя удачи в одном месте, ташатся в другое, надеясь, что хоть там-то она повернется к ним лицом.

— Эй, Гайяр, иди сюда, поешь с нами да заодно и расскажи что-нибудь! — позвал мальчика здоровенный детина, когда повозки одна за другой стали отъезжать в сторону от дороги. Здесь, около глубокого колодца с прозрачной холодной водой, от которой ломило зубы, под густыми кронами раскидистых деревьев, останавливались путники на последний привал. Конечно, самые нетерпеливые спешили вперед, стремясь с последними лучами солнца все-таки по-

пасть в Шадизар, ну а если не повезет, то, проклиная неудачу, ночевать под крепостными стенами, среди мусора и отбросов.

Опытные купцы предпочитали остановиться здесь, в приветливом местечке у знакомого колодца. Лошади и верблюды за ночь отдохнут, напьются чистой воды, а с первыми лучами солнца караван двинется в путь и вскоре уже будет у городских ворот — и никаких хлопот с постоянными дворами, можно сразу везти товар на базар перекупщикам или прямо в лавки.

Гайяр, сердце которого рвалось поскорее увидеть Шадизар, о котором столько раз говорили они с матерью, был не настолько глуп, чтобы не признать разумность действий своих попутчиков. Ослепительно улыбнувшись, он уселся на край повозки:

— С радостью, почтенный Амар!

Вскоре, как и вчера, и позавчера, и сто лет назад, вокруг колодца, который купцы называли Бахшор, что означает «последний», раскинулся целый лагерь. Тюки с дорогими товарами слуги перетащили поближе к центру, а пустые повозки образовали широкий круг, внутри которого расположились усталые лошади, невозмутимые верблюды и повеселевшие от вечерней прохлады люди. В обложенных закопченными камнями кострицах уже заплясали первые язычки пламени, робко облизывая короткие поленца и сухой верблюжий помет. Слуги суетливо пристраивали над огнем дорожные казаны, наполняли водой желоб для скота, доставали из меш-

ков и раскладывали на кошме перед важными купцами лепешки, вяленые фиги, соленый овчий сыр.

— Гайяр, куда ты пропал, постреленок, мы тебя ждем! — окликнул прильнувшего к черпаку мальчишку рослый погонщик. Вытерев рукавом мокрый подбородок, Гайяр положил черпак на выщербленный временем и солнцем каменный круг колодца и подошел к купцам.

— Присаживайся, дитя, сегодня ты наш гость! — сказал толстый купец с узкими смеющимися глазами и похлопал униженной драгоценными перстнями рукой по пестрому дорожному ковру.

— Благодарю, почтенный Расат, да не оставит тебя удача! — И, не дожидаясь повторного приглашения, мальчик уселся рядом.

— Вот смотрю я на тебя, Гайяр, и удивляюсь! — Купец протянул прислужнику кубок, и вино, булькая, полилось из дорожной кожаной фляги.— В который раз удивляюсь!

— Чему же ты удивляешься, о лучший из купцов? — приподняв брови, спросил мальчик и, не глядя через плечо, привычным жестом подставил слуге свой кубок.

— А вот этому самому и удивляюсь... Не первую ночь ты проводишь у моего костра, делишь с нами хлеб, рассказываешь смешные истории про шадизарских плутов... Сдается мне, что и сам ты препорядочный плут, сознайся, дитя? — И купец, улыбнувшись, залпом осушил кубок.

— Теперь уже я удивляюсь, добрейший Расат. С чего ты решил, что я плут? — И Гайяр, посмот-

рев на купца ясными, невинными глазами, тоже залпом осушил свой кубок.

Слуги, толпившиеся за их спинами, так и схватились за животы от смеха:

— Ох уж этот Гайяр! С ним не соскучишься! Ну, как есть плут, сын плута и внук плута!

— Эй, хватит топать ногами за моей спиной! От вашего хохота земля трясется, как под копытами табуна взбесившихся лошадей! Лучше присмотрите за мясом — я отсюда вижу, что пена уже заливает огонь! Бездельники, дармоеды! А ты, мой мальчик, самый настоящий плут, я это давно заметил! Хоть ты и носишь грязные лохмотья, но повадки у тебя, как у сына благородной семьи... Я же вижу, как ты держишь кубок, как режешь мясо, как отламываешь хлеб... Руки твои, хоть и грязные, с черными ногтями, не знали тяжелой работы — если их хорошенъко отмыть, будут нежными и розовыми, как у девушки... Ну что, разве не так?! — И он снова протянул слуге кубок.

Гайяр, не мешкая, сделал то же самое и, слегка поклонившись довольному купцу, восхищенно сказал:

— Что за ослепительный светильник разума сияет в твоей голове, о умнейший из купцов! Да, ты прав! Я родился в богатой семье, рос в достатке и неге... Но в этом мире ничто не вечно, все люди смертны, и вот я остался сиротой... А кто позаботится о несчастном? Ведь жадные родственники налетят стаей грифов и найдут тысячи способов завладеть наследством! Так и получилось, о почтенный Расат,— у меня не осталось ничего, кро-

ме рук, не знавших работы... Шадизар, моя родина, был жесток ко мне, и я решил навсегда его покинуть. Быть может, в Шадизаре судьба мне улыбнется: многие приходили туда без гроша, а вскорости становились несметно богаты. Это не сказки, добрейший Расат, как ты думаешь?

— Ха-ха-ха, мальчик, у тебя есть все, чтобы не пропасть в Шадизаре. Но, глядя на твою сияющую юность, не хотел бы я узнать, что ты связался с тамошними плутами, особенно с Шафрастом, Повелителем Хитрецов! Иначе, боюсь, ты лишишься своих нежных рук, а то и головы! Жаль, если такая красивая голова покатится по окровавленным доскам в День Суда!

— Ты сказал — Повелитель Хитрецов? О, расскажи мне о нем, почтеннейший. Не дай по неопытности попасться в его лапы! Я совсем не хочу потерять свою голову, да и руки мне еще пригодятся!

— Сейчас, сейчас... Хамсур, мясо, наверно, давно сварились, а ты стоишь тут, развесив уши... Дождешься, что я тебя прогоню! Вот поедим — и расскажу, не все тебе забавлять нас своей болтовней, послушай-ка теперь, что расскажет умный человек, кой-чего повидавший на своем веку... Да, так где же мясо?

Смешливый слуга поставил перед купцами глубокое блюдо с дымящимися кусками вареной баранины, обильно посыпанной резаным луком и пряной зеленью. В это время другой принес небольшие плошки с горячим, жирным бульоном, и путники принялись за еду. Расат ел неторопливо,

обмакивая белую лепешку в ароматную жидкость и аккуратно слизывая жир с толстых пальцев. Он видел, что юный Гайяр жаждет услышать об аренджунских хитрецах, и нарочно затягивал трапезу, дразня нетерпеливого мальчишку. Как ему нравился этот веселый и смешленый юнец! Как он был похож на него самого лет этак сорок назад! И как жаль, что боги не послали ему сына, а жены рожали одних дочерей!

А этот мальчишка с ясными глазами и быстрым умом сразу нашел дорогу к его душе... И вот сегодня, у самых ворот Шадизара, Расату пришло на ум, что встреча их была неслучайной, сами боги, кажется, услышали его молитвы. Сегодня он скажет ему... Допивая вино, купец представлял, как обрадует юного бродягу своими словами, как удивленно поднимутся его брови, как приоткроется насмешливый рот...

— Прости мою настойчивость, почтенный Расат, но ты обещал рассказать о Повелитеle Хитрецов, чтобы предостеречь от ошибок. Я неопытен в житейских делах, и твой совет для меня будет, как факел для идущего ночью!

Расат в последний раз улыбнулся своим мыслям и ласково посмотрел на Гайяра:

— Называй меня просто дядюшка Расат, мой мальчик. Ха-ха-ха, по твоему лицу я вижу, что ты ждешь не столько предостережения, сколько занятного рассказа! Да, ты прав, о плутах и обманщиках слушать всегда интересно, зато, когда попадешь к ним в лапы, тут будет уже не до смеха! Я расскажу совсем немного, об остальном догада-

ешься сам — хоть ты и молод, но умен и не так прост, как кажешься! Ну, так вот...

Слуги убрали пустые блюда, оставив лишь кубки. Костер потрескивал, выстреливая в черноту ночи мелкими колючими искрами. Мирно переступали лошади, трещали в ветвях цикады, тихо переговаривались погонщики, устраиваясь под повозками.

— Этот Шафраст, которого в Шадизаре прозвали Повелителем Хитрецов, пришел сюда так же, как и ты, налегке и без гроша в кармане. А было это... Да, точно, было это шестнадцать лет назад. Ты спросишь, почему я так хорошо помню? Потому, мой мальчик, что у меня тогда как раз родилась четвертая дочь, а всего у меня пять дочерей и ни одного сына... Ну, об этом потом, а сейчас — о Повелителе Хитрецов. Он, как появился в славном Шадизаре, сразу прибрал к рукам Пустыньку, место, где живут отпетые негодяи, воры да непотребные девки. Послушайся моего совета, никогда не ходи туда, ни днем, ни ночью, слышишь, дитя? Ну, так о чем я говорил? Ах, да. Повелитель Хитрецов! Конечно, Шафраст изрядный мошенник и плут, но разве смог бы он держать в страхе всех шадизарских сорвиголов, не будь у него этого перстня! Таких-то молодцов! Да любой из них может прихлопнуть его одним ударом — а трясутся, как псы перед львом! Тьфу!

— А что это за перстень, дядюшка Расат? Наверное, какой-нибудь талисман?

— Ну, что я говорил, ты умен, как тридцатилетний мужчина! Да, это не простой перстень, и

Шафраст не устает им похваляться. Ведь все равно никто не может его похитить — носящий кольцо под защитой бога воров и обманщиков. Когда-то сам Великий Бел подарил талисман своему любимцу, вору Закко из Шадизара... Ты ведь оттуда, значит, слышал про Закко. Признайся, слышал?

— Так это тот самый перстень?! Конечно, слышал! Слуги часто рассказывали сказки о проделках Хитреца Закко, о том, как он ублажил Бела, подарив ему прекрасную dochь колдуна Ильсара, похитив ее из Белой Башни... Но я думал, что все это выдумки и никакого перстня нет, а красавицу Закко выкрал для себя!

— Ха, для себя! Да к тому, у кого этот перстень на пальце, любая красавица сама из башни высокочит, только успей подхватить! Ха-ха-ха! Нет, Закко был не дурак, он знал, чего хочет, и он это получил! Могучий Бел остался доволен подарком и наградил его волшебным перстнем. Шафраст говорит, что он правнук Закко, но в Шадизаре рассказывают другое... А ты, мальчик, слышал что-нибудь о правнуке Закко?

— Нет, дядюшка Расат, ничего не слышал. О самом Закко рассказывают много историй, его проделки мало кому удавалось повторить, но о его правнуках я ничего не знаю. А правду говорят, будто этот перстень...

— Не торопи меня, дитя, ночь еще только-только началась, спешить нам некуда. Сиди себе и слушай. Рассказ должен течь, как спокойная река, а не прыгать по камням, подобно горному ручью... Да, этот перстень обладает такой силой,

что все мошенники Шадизара — от мелкого базарного воришки до грабителей, взламывающих по ночам хитроумные запоры,— служат Шафрасту, принося ему всю добычу. Город, как жирная муха, окутан паутиной их хитростей и плутовства, никто не может спать спокойно, не опасаясь за жизнь и имущество... Стражники подкуплены и ищут не там и не тех... О, где те добрые старые времена, когда судьи карали виновных, а воины охраняли покой горожан?!

— Ну, дядюшка Расат, насчет добрых старых времен ты хватил лишку — да простятся мне мои дерзкие слова! Я думаю, и праотцы наши не упомнят честных судей, а уж об этих мошенниках, что именуют себя городской стражей, но не хуже воров обирают торговцев, и говорить не приходится... И все же мне ясно одно: и так было несладко, а с Повелителем Хитрецов стало еще хуже. И все из-за перстня!

— Вот-вот, из-за него все наши беды! Ладно бы он просто приносил ворам удачу... В конце концов, и мы, честные торговцы, не гнушаемся пользоваться амулетами, заговоренными на успех в делах. Каждый имеет право на милость богов! Однако сокровище Шафраста — это скорее проклятие. Ибо сила его зловещая, точно клыки демона, и несет в себе смерть. Так говорят... Но довольно об этом! Негоже поминать на ночь глядя такие страсти, а то накличем беду! Не хотелось бы мне, чтобы грабители решились потревожить наш покой! Правда, здесь, у самого города, это случается редко, но все же не мешает

поостеречься. Так что давай-ка поговорим о другом. Вот что я давно намеревался сказать тебе...

— Насчет Повелителя Хитрецов?

— Тыфу, дался же тебе этот негодяй! Забудь о нем! Пусть боги будут милостивы к тебе, о славный юноша, и пути ваши никогда не пересекутся. Поверь, так будет лучше для всех! Но я хотел повести речь совсем о другом. Надеюсь, это придется тебе по вкусу... Так вот. У меня есть пять дочерей, пять прекрасных цветов, возросших в саду моего сердца для улады жизни старика. Но я всегда мечтал о сыне, таком же вот смышеном и веселом, как ты. И слушай, мальчик, что я надумал... — Купец склонился к самому уху Гайяра и что-то горячо зашептал, для убедительности взмахивая пухлой рукой. Брови юноши удивленно приподнялись, он внимательно вслушивался в шепот Расата, помешивая палкой угли догорающего костра.

Рассветные облака, вестники восходящего солнца, застыли над холмами стайкой розовых птиц. Караван подходил к Шадизару. Серые стены большого города, словно выросшие из бурой потрескавшейся земли, высоко поднимались над головами путников. Сверху, из бойниц мощных башен, дорогу разглядывали скучающие стражники. Наконец ослепительным краем из-за холма показалось солнце, ворота медленно, со скрипом начали открываться. Стражники с трудом толкали тяжелые створки из плотно подогнанных дубовых брусьев, окованных железными полосами. Вперед выехал сборщик пошлины и стал собирать

плату, придирчиво расспрашивая купцов о ценности привезенного товара. Звякали монеты, падая в огромный кошель, и повозки въезжали в городские ворота. Ржали кони, кричали погонщики верблюдов, скрипели колеса — это Шадизар, ненасытный Шадизар, набивал свое бездонное брюхо.

Сидя рядом со старым купцом на высокой повозке, Гайяр с любопытством крутил головой. Да, Аренджун — это лишь тень Шадизара! С восхищением разглядывая могучие стены и задирая голову, чтобы получше рассмотреть башни, мальчик не сразу услышал настойчивый голос Расата:

— Так что же ты мне отвершишь, Гайяр? Неужели мои слова пролетели мимо твоих ушей, юноша? И эти закопченные стены интересуют тебя больше, чем сказанное мной? Поверь, любой в Шадизаре был бы счастлив услышать мое предложение! Но я выбрал тебя — сам не знаю почему. А ты, странное дитя, отвернулся и молчишь!

Гайяр отвел глаза от башни:

— О нет, почтеннейший Расат, я не пропустил ни слова! Поверь, я никак не ожидал встретить счастье, даже не закончив своего пути! Но позволь мне повременить с ответом несколько дней. Я не все тебе сказал — у меня в Шадизаре есть важное дело. Небольшое, совсем небольшое! И как только справлюсь — сразу к тебе. Ты мне рассказал, где твоя лавка, где твой дом, так что я легко тебя отыщу. Мое сердце говорит: «Да», но не торопи меня, подожди! И не сердись, больше ничего добавить я пока не могу...

— Я верю тебе, мальчик! Ну, что ж, я буду ждать. И если тебе вдруг понадобится помочь — приходи ко мне, днем или ночью, утром или вечером. Вот, возьми этот кошелек, негоже тебе являться в Шадизар нищим. Да хранят тебя Светлые Боги, дитя!

— Прошай, дядюшка Расат! — Мальчик ловко соскочил с повозки и, махнув купцу рукой, скрылся в толпе, запрудившей площадь. Безошибочное чутье вело его по улицам, узким и широким, прямо к базару. Конечно, он мог без хлопот доехать туда вместе с купцом Расатом, но мальчику хотелось одному сделать первые шаги в незнакомом городе, осмотреться и примерить его на себя, как примеряют новое платье.

Гайяр не спеша брел по улицам, восхищенно разглядывая богатые дома, больше похожие на дворцы. Изобильное лето одарило сады ароматными плодами, и добротные домики простых горожан казались прекрасными в окружении пестрых деревьев.

Узкая уличка повернула налево, и Гайяр, не задумываясь, свернул туда. Глухие стены, узорчатые ворота, узкие калитки, ветви абрикосов свешиваются вниз... Все правильно — там, впереди, уже слышится шум многоголосой толпы, крики водоносов, слабый ветерок доносит запах подгорелого мяса. Базар, знаменитый Шадизарский базар!

Гайяр остановился на углу и с улыбкой огляделся. Там, в Шадизаре, он чувствовал себя своим и среди купцов и менял, и среди водоносов и попрошаек, похоже, и тут будет то же самое.

Базар как базар, разве только побольше, да народ покриклиней да позадиристей. А простаки и зеваки, видать, здесь сами готовы отдать свои кошели ворам и мошенникам. Он тихонько за-смеялся: юркий парнишка в одежде подмастерья с разбегу налетел на толстого купца, получил увесистый подзатыльник и тут же со всех ног кинулся прочь, запихивая под рубаху расшитый кошелек. А купец, обругав его вдогонку, важно остановился у богатой лавки и стал прицениваться к вендейским шелкам. «Ха-ха, толстый дурень, пока выбираешь шелка, без штанов останешься!» — подумал Гайяр, кусая губы от смеха.

— Колбаски, колбаски, горячие колбаски! Самые жирные, самые вкусные! Подбегай, кто голден, подходи, кто сыр! — неожиданно раздался оглушительный крик прямо у него над ухом.

Ну конечно, это отсюда тянуло дымком и аппетитно пахло жареным мясом! По огромной сковороде, истекая горячим жиром, перекатывались румяные колбаски. Добродушный торговец переворачивал их и время от времени покрикивал:

— Колбаски, колбаски! Кто съест одну, попросит вторую! Эй, малец, что смотришь, подходи! Одна монета — две колбаски, да еще и лепешка! Что задумался, или ты нездешний?

— Да, я только сегодня пришел в Шадизар... Вот, у меня как раз есть монетка, давай свои колбаски!

— Ну, то-то же, бери лепешку, да не обожгись. А меня тут всякая собака знает. Таких колбасок во всем Шадизаре нет! Да что Шадизар — во всей

Заморе! А может, и во всем мире, ха-ха-ха! Так-то вот, парень!

Гайяр присел на корточки рядом с жаровней и, обжигаясь, принялся за еду. Ого, торговец-то правду сказал! Таких колбасок даже старый Гарзиз не делал, а на что мастер. Весь Шадизар его знал, никто мимо пройти не мог!

Мальчик жадно доех вторую колбаску, затолкал в рот последний кусок лепешки и, вытерев жирные губы рукавом, полез было доставать следующую монетку.

— Ага, понравилось?! Что я говорил? Наверно, хочешь еще? Так я и знал! А ты сам-то откуда, малец?

— Из Шадизара, пристроился к каравану...

— О, из Шадизара, говоришь?! Ну, парень, да ты мой земляк! Может, знаешь старого Гарзиза, он там тоже на базаре колбасками торгует?

— Дядюшку Гарзиза? Конечно, знаю! Да я каждый день ходил мимо его жаровни, нарочно чтобы съесть парочку. Но твои, честно говоря, гораздо вкуснее!

— Так я его племянник Дамук! Эй, убери свою монету, слышишь! Я с земляков платы не беру, ну, разве что ты придешь сюда в парчовом халате и с серебряным кинжалом за поясом... Ха-ха-ха! На, бери лепешку, смотри, жир так и течет! А дядюшка Гарзиз всегда был упрямцем, поэтому мы с ним и поссорились маленько... Нет, правда, мои колбаски лучше? То-то же! А он всегда говорил — не буду класть в мясо вендейские душистые травы, и все тут! И чуть колотушкой

мне голову не проломил. Пришлось тогда мне отряхнуть пыль шадизарского базара с ног своих и перебраться сюда... Э, да ты меня не слушаешь! Куда это ты смотришь, малец?

— А вон видишь, там, у стены, идет игра в кости? Спорим на пару колбасок против моей монетки, что сейчас начнется славная потеха! У нас в Шадизаре за такие проделки можно без ушей остаться. Смотри, смотри, что делается! Этот, в красных штанах, выбросил кости, а остальные что, ослы, что ли?! Ну, смотри-ка, наконец-то до них дошло! — Мальчик вскочил и подошел поближе.

Толпа зевак, столпившаяся возле игроков, возбужденно зашумела. Проигравший с кулаками полез на здоровенного парня, бросавшего кости. И крик поднялся до небес: Стаканчик с костями мгновенно исчез в многочисленных складках красных штанов, послышался треск рвущейся материи, и по камням мостовой покатились игроки, отчаянно вопя каждый о своей правоте:

— Ах ты, мразь, бросать фальшивые кости! Да я тебя!..

— Проклятый лжец, вот тебе по зубам! Заткни свой поганый рот и не оскорбляй честных людей!

— Да я сейчас... сейчас спущу с тебя штаны, и... вот тебе, вот, гнусный обманщик! Сейчас посмотрим, какие у тебя кости! — Проигравший оседлал своего противника и стал было шарить у него за поясом. — А заодно и кошель свой заберу, не бывать, чтоб мои денежки достались какому-то проходимцу!

Но не успел он вытянуть из-за пояса тугой кошель, как противник его ловко извернулся, вскочил на ноги и, лягнув проигравшего в живот, нырнул в толпу, тут же сомкнувшуюся за его спиной.

— Держи!!! Держи вора и обманщика! Стража! Стража! Грабеж среди бела дня!

— Держи! Держи вора!!! Держи! Ха-ха-ха! — кричали в толпе, но никто даже шагу не сделал, чтобы схватить плуга.

Потихоньку зеваки стали расходиться, а у стены в тени деревьев пристроились новые игроки.

— Да, у тебя глаз острый, приятель! На, держи свои колбаски, хотя я и так знал, что этим дело кончится. Ведь это Корфик, лучший игрок Шадизара! Уж он-то всегда унесет ноги, да и кошелька нипочем не оставит. Школа хитреца Шафраста. Его людям всегда везет, но только лучше держаться подальше от такого везения!

— А что это за школа хитреца Шафраста? Расскажи, Дамук, и дай мне еще пару твоих несравненных колбасок. Но не даром, не даром, а то вся жаровня опустеет. У нас и слыхом не слыхивали о таких штуках... Он что, учит играть фальшивыми костями?

— Ишь, какой любопытный! Ну ладно, покупателей все равно пока нет, слушай... В Пустыньке, на постоялом дворе Облезлого Гамара, живет сам Повелитель Хитрецов, Шафраст...

— В Пустыньке, говоришь? А это где? Скажи мне, чтоб я ненароком туда не забрел. Матушка моя всегда говаривала — держись, сынок, подаль-

ше от воров и плутов, не играй в кости, тогда доживешь до седин и внуков дождешься.

— Мудрые слова! Значит, если обойти базар справа, увидишь посудную лавку под старым тополем. Сразу за ней — узкая улочка с глубокими канавами. Туда стекают городские нечистоты, да и лавочники сбрасывают в них свой мусор. Если покрепче зажать нос и проскочить до поворота, там как раз и начнется Пустынька. Кому нужна дешевая девка, ношеная одежда или самое кислое вино в Шадизаре — тот потащится в Пустыньку... Но ты ведь туда не собираешься, а, малец? — И Дамук лукаво подмигнул Гайяру, с аппетитом доедавшему колбаски.

— М-м-м... Конечно, не собираюсь! Что мне там делать? Но все-таки я ни о чем подобном никогда не слыхивал. Это же надо — воровская школа! Ха-ха-ха! А может, ты шутишь? Если так, то это действительно забавно, клянусь Белом!

— Смейся, смейся, как бы заплакать не пришлось! — обиделся продавец колбасок. — Я никогда не лгу, а уж своим землякам и подавно. Но ты еще слишком молод и неопытен, такого облапошить ничего не стоит. Глазом не успеешь моргнуть, как тебя затащат в Пустыньку и пристроят к воровскому промыслу. Вспомнишь тогда советы своей матушки, да будет поздно! А захочешь бежать — Шафраст только рукой взмахнет... и нет тебя! Или возьмет плеть...

— О, прости меня, добный Дамук, я не хотел тебя обидеть! Теперь я не сомневаюсь, что ты говоришь чистейшую правду. Но ты сказал —

Шафраст взмахнет рукой? Ну и что же? А плеть — что такое плеть?! Подумаешь! Вот если бы меч или кинжал, тогда другое дело.

— Да, зелен ты еще и многого не знаешь! — Торговец оттаял и, раскладывая на жаровне сырье колбаски, продолжал, радуясь слушаю поболтать с развесившим уши юнцом: — Такой вот сопляк быстренько научится в Пустыньке всяким хитростям: срезать кошельки, играть в кости или в скорлупки, преуспеет в искусстве заметать следы, прятаться от стражи, а через несколько лет займется крупными делами. Но вся добыча будет принадлежать его хозяину — Повелителю Хитрецов, потому что тот владеет черным перстнем самого Бела, а также волшебной плетью и еще кое-какими магическими игрушками. И игрушки эти поопаснее любого кинжала, уж поверь мне на слово!

— Э-э, да ты многое знаешь, приятель! Похоже, новости сами приходят к тебе сюда, чтобы подкрепиться колбасками, разве не так?

Дамук засмеялся и дружески толкнул Гайяра кулаком в плечо.

— Ха, так оно и есть! Весь Шадизар проходит за день передо мной, все новости оседают здесь, у моих ног, и, скажу тебе, земляк, если хочешь что-то узнать, спроси у меня! Ты и сам удивишься, сколько я смогу порассказать!

— Ну так поведай мне про перстень Шафраста, и про плеть, и про все остальное.— Гайяр с любопытством уставился на Дамука, ожидая продолжения. Но торговец вдруг заозирался пугливо

по сторонам и, точно увидев поодаль что-то неприятное, разом сник, опустил глаза и, поворачивая лопаточкой скворчащие колбаски, недовольно забубнил:

— Перстень, плеть... Все тебе расскажи!.. Я зря сболтнул — а ты уж и рад, ухватился за глупое слово. Ненужный этот разговор, и опасный! Ты уж мне поверь. И тебе ни о чем таком знать не надоно. Толковать об этом — только беду на свою голову накликать. Ну вот, так и знал... — Он сердито вспеснул руками. — Заболтался с тобой, колбаски и подгорели. Тьфу, проклятье Бела на мою голову, язык без костей! Ладно. Я ничего такого не говорил. А ты не слышал.

— Ну, не гневайся, добрый Дамук. Не хочешь — не рассказывай. Что мне за дело до твоего Повелителя Хитрецов и его магических штучек! Есть вещи и поважнее. Да и так уж я с тобой засиделся, а ведь мне нужно торопиться, иначе не успею до вечера разыскать купца Расата, у меня к нему дело...

— О, Расат! Почтенный Расат! Честнейший из купцов! Тебе повезло, постреленок. Ну, когда разбогатеешь, приходи — я тебя своей стряпней угощу, да и вина налью. Как отказать земляку?! Колбаски, колбаски, горячие колбаски! С пылу, с жару, за монетку — пару! — Дамук призывно замахал руками и завопил еще громче: — Подходи, кто голоден, подбегай, кто сът! Колбаски, колбаски, горячие колбаски!

Глава вторая

В

ечернее солнце коснулось края городской стены, заиграв последними отблесками на золоченых куполах и шпилях, на глазури бесчисленных мозаик. Дворцы и храмы в алом сиянии стали похожи на диковинные драгоценности из сундука великаны. Но вот солнце скрылось, и над городом стало медленно опускаться черное покрывало ночи.

Базар почти опустел. Мальчишки дометали остатки мусора перед дверями закрывавшихся лавок. Купцы пересчитывали выручку и проверяли запоры. Водоносы и уличные торговцы не спеша расходились по узким улочкам, мечтая дать отдых натруженным ногам и глоткам. Стражники начали первый вечерний обход, торопя зазевавшихся прохожих, — ведь всем известно, что ночью у Шадизара совсем другие хозяева...

Гайяр, целый день бродивший по городу, к вечеру опять вернулся на базар. Он еще днем потолкался возле посудной лавки, где старый

торговец хрипло расхваливал свои плошки и кувшины. Теперь двери были крепко заперты, окна прикрывали толстые ставни, а за оградой рычал свирепый пес. И ему было на кого рычать! То и дело мимо лавки бесшумно сновали темные фигуры, изредка обмениваясь парой тихих слов, и таяли в сгущавшихся сумерках. Одни торопились в город, другие — из города. Узкая зловонная улочка, пустая и тихая днем, сейчас наверняка стала самым оживленным местом во всем Шадизаре.

Словно ведомый звериным чутьем, ни разу не поскользнувшись на осклизлых деревянных мостках, перекинутых через канавы, и не столкнувшись ни с одной из спешащих навстречу фигур, мальчик дошел до поворота и на мгновение задумался, спрашивая себя, где же здесь притон Облезлого Гамара. Прижавшись к стволу сухого дерева, он всматривался в тени, шнырявшие по улочкам, веером разбегавшимся в разные стороны.

Вдруг совсем рядом остановились трое мальчишек и, не заметив Гайяра, юркнувшего за толстый корявый ствол, стали шепотом переговариваться:

— Вы что, ослы, отдавать все это Шафрасту?! В кои-то веки выпала такая удача! Разделить поровну — и делу конец!

— Хочешь получить от него под зад коленом или еще похуже? А я-то думал, Налат, что ты не дурак! Он же сразу узнает, если мы припрячем добычу! Нет, мне хватит того, что он даст.

— Ха-ха, ты, Гир, подобен трусливой собаке и ешь только из хозяйствских рук! Нет, моя душа не позволит отдать ему весь кошелек! Поделим — и все тут! Ничего он не узнает. Отдадим ему шелковый платок, браслет и ножны, а кошелек — наш!

— А ты что молчишь, тихоня Мирх? Ведь это ты придумал, как облапошить купца, а мы только помогали. Ну, говори, умная голова, как скажешь, так и будет!

— Давно бы так... А скажу я вот что: никому не посоветую шутить с Повелителем Хитрецов. Я работаю на Шафраста подольше вас и совсем не хочу пропасть неведомо куда. Вы, сопляки, вообразили себя великими ловкачами, но он только посмотрит в глаза и тут же учуяет обман... И тогда тот, кто посмел его надуть, вскорости исчезнет... Навсегда...

— О, Мирх, неужели это правда?! А я-то думал, плетут всякое, чтобы пугать глупцов!

— Глупцов, говоришь? Верзила Эрис, по-твоему, глупец? А как он тряслется перед Шафрастом ты видел? Он когда-то осмелился... — И голоса мальчишек, свернувших налево, постепенно стали затихать.

Гайяр осторожно вышел из-за дерева и быстро двинулся следом за ними, стараясь не потерять из виду светлого пятна рубахи того, кого звали Мирхом.

Три смутные тени проскользнули в покосившиеся ворота, обменявшись несколькими словами с широкоплечим оборванцем, сидевшим на корточках у высокого забора:

— Все собрались?

— Нет еще, проваливайте, не задерживайтесь!
Как у вас, удачный денек?

— Да так себе, хвастать нечем.— И воришки скрылись в глубине двора.

Гайяр, прижавшись к забору, вслушивался в обманчивые ночные шорохи. Может, это крыса прошуршала в сухой траве, а может, прошмыгнула кто-то из людей хитреца Шафраста, прижимая к груди увесистый кошель и опуская кинжал за поясом...

Из-за легких облаков вынырнул узенький серпик молодой луны, и мальчик, присев под колючим кустом, осмотрелся. Улица была пуста. Никто не приближался ни справа, ни слева. Вдалеке промелькнула собачья тень, завопил перепуганный кот, и все стихло. Сторожглянул за ворота, покрутил лохматой головой и притворил скрипучую створку. Подождав еще немного, Гайяр отошел подальше от ворот и беззвучно перемахнул через высокий забор.

Где это он? Ага, пахнет навозом, постукивают копыта — значит, около конюшни. Впереди неясно вырисовывалась причудливая постройка с узкими, тусклыми окнами. Дверь времена от времени тихо отворялась, чтобы впустить очередного гостя, и становились слышны громкие голоса, звон кружек и звуки дзуры, терзаемой пьяным музыкантом.

Мальчик крадучись сделал пару шагов и упал, споткнувшись обо что-то мягкое. Тут же на него всей тяжестью навалился какой-то человек, за-

жал рукой рот и придавил к земле. Гайяр попытался было вывернуться, но неведомый противник сидел у него на спине, не давая пошевелиться.

— Ш-ш-ш, не рыпайся, а то хуже будет,— услышал мальчик угрожающий шепот,— да не сучи ты ногами, ничего я тебе не сделаю! Тише, болван, ты же тут всех переполошишь! Вставай иди вперед, но только пикни у меня! — Незнакомец слез со спины Гайяра и, крепко ухватив за вывернутую назад руку, подождал, пока мальчик поднимется. Тяжело дыша, шадизарец двинул было в сторону таверны, но колено незнакомца подтолкнуло его к конюшне: — Куда, дурак, лезешь! Видать, жизнь надоела или ты совсем спятил! К хитрецу Шафраstu так не ходят. Давай-ка сюда, за конюшню, да потолкуем маленько. Ну, вот, я вижу, ты быстро все понял!

Подгоняемый легкими пинками и болью в вывернутой руке, Гайяр обогнул угол конюшни, и они очутились в тесном закутке, среди всякого хлама и высоких репейников.

— Вот тут и поговорим. Садись сюда, к забору, да не вздумай улизнуть. От Конана еще никто не уходил, разве что на Серые Равнины! Вот и луна вышла — повернишь-ка лицом, я тебя разгляджу как следует и, если что, из-под земли достану.

В тусклом лунном свете Гайяр тоже во все глаза разглядывал своего противника. Мускулистые руки, широкие плечи, грудь, выпуклая, как у воина, сурое решительное лицо с колючими льдинками светлых глаз. Даже в потемках было

видно, что это северянин, скорее всего, киммериец. Конечно, киммериец! Один из пришельцев с холодного воинственного севера, так уверенно небрежно обращающихся со своими тяжелыми мечами, словно это легкие игрушки богатых бездельников... Но и северянин изучал его не менее внимательно. Наконец, усевшись так, чтобы Гайяр не смог проскочить во двор, он удовлетворенно сказал:

— Я вижу, ты не здешний и никогда еще не бывал в Пустынке... Говори, откуда ты взялся и зачем лез через забор? Ну, быстро!

— Не очень-то нукая, а то я не захочу с тобой говорить, северянин! Или подниму такой шум, что сюда сбежится весь народ из таверны, и тот, с толстой мордой, что караулит у ворот, подоспел бы первым!

— Ха-ха-ха, клянусь Кромом, да ты шутник! Говорить не захочешь! Еще как захочешь! А шум тебе так же нужен, как и мне, так что шуми, и посмотрим, что получится. Ха-ха-ха! — Киммериец на мгновение зажмурился, давясь негромким смехом. Этого было достаточно, чтобы Гайяр, как дикий кот, взлетел на забор. Еще немного, и он бы оказался на улице, но киммериец, метнувшись вслед за ним, поймал мальчика за ногу и стащил обратно. Они покатились по земле, прикиная колючки и осыпая друг друга сдавленными проклятиями:

— Ах ты, сын бродячей суки, улизнуть хотел! Ну, теперь держись! Шею сверну, если вздумаешь дергаться!

— Бревно киммерийское, не дождешься, все равно уйду! Лучше отпусти, болван, ты мне все дело испортил!

— А-а-а, вот и проговорился, молокосос! Адно, сиди смирино и выкладывай все по порядку, а потом уж я решу, что с тобой делать... Хотя признаю — парень ты смелый и сразу мне понравился. Как ловко сиганул через забор — еле тебя схватил. Ты вообще-то откуда?

— Из Аренджуна... Только сегодня пришел в Шадизар.

— И сразу сюда, к Нергалу в пасть? Я хотел сказать — к Шафрасту? Ну, ты или дурак, или большой хитрец!

— А ты сам-то что тут жмешься у конюшни? Похоже, и у тебя есть дело к почтенному Повелителю Хитрецов — так ведь его здесь называют?

— Да какой он Повелитель Хитрецов! Бестия и плут — это точно, но без черного перстня я за него не дам и сухой мандариновой корки.

— Ты что-то против него имеешь, киммериец? Или он против тебя?

— Ого, а ты прыткий малец! Сразу понял, что к чему. Кр-ром, мне это даже нравится! Как тебя зовут-то, приятель?

— Гайяр... А ты — Конан, так?

— Молодец, запомнил. А теперь лезь за мной, и чтоб без всяких штучек. Здесь нам сегодня, похоже, делать нечего, так что пойдем в хорошее местечко, посидим, потолкуем.— Киммериец дружелюбно улыбнулся, но холодные искры, мер-

цавшие в светлых глазах, ясно показывали, что лучше быть его союзником, чем врагом.

Две тени беззвучно перемахнули через забор и, не потревожив чуткий слух стражи, исчезли за поворотом.

Постоялый двор, куда Конан привел Гайяра, находился на другом конце города, но узкие вонючие улочки здесь мало чем отличались от Пустыньки — разве тем, что ютились в этом районе бедные ремесленники, старьевщики и водоносы. Стражники, время от времени обходившие богатые кварталы, в такие места обычно не заглядывали. Вот и сейчас свет их факелов мелькнул вдалеке, и вновь стутилась ночная темень. Полуоткрытые ворота тихо скрипнули. Двое вошли во двор: в глубине виднелись невысокие постройки и тускло светилось несколько окон.

— Вот здесь и поговорим. В таверне у Фаруса спокойно, нам никто не помешает... — И киммериец подтолкнул Гайяра к двери.

Еще там, в закутке за конюшней, запыхавшись от борьбы, Гайяр сообразил, как ему повезло. Но ведь так и должно было быть! Боги с рождения любили его и всегда посыпали в нужный момент удачу. Вот и сейчас... Сразу видно, что до Шафраста просто так не добраться, а этот варвар может ему помочь. Но и он, Гайяр, для чего-то нужен киммерийцу, возможно, для того же самого... Губы мальчика приоткрылись в лукавой усмешке, и он толкнул тяжелую дверь.

От запаха горячей похлебки, местного вина и крепкого пота у Гайяра на миг перехватило дух.

Он остановился, оглядываясь, но кулак киммерийца легонько подтолкнул его вперед.

— Ступай вон туда, к потухшему очагу. Эй, Фарус, где ты шляешься?! Люди хотят вина, а он уже спит!

— Кто это спит, это Фарус-то спит? — с притворным возмущением воскликнул шуплый красноносый человечек, появившийся перед ними как из-под земли, — я вообще никогда не сплю! Иначе бы разорился. Так чего желает могучий Конан и его юный друг? Грудки цыплят, вымоченные в уксусе и запеченные в хрустящем тесте? Или бараний бок с чесноком? Или...

— Неси всего, и побольше! Но не сюда, а в ту комнату с выходом во двор, ну, да ты знаешь... Ведь там никого нет?

— Нет, нет, как приказано, стоит пустая и ждет тебя, киммериец, словно верная жена!

— Ну, то-то же, мошенник! Не для того я плачу тебе по золотому за ночь, чтобы ты пускал туда всяких заезжих купчишек!

— Ох, всего-то один раз такое случилось, а ты все поминаешь! Можно бы и забыть! А вина какого желаете?

— Неси красного пуантенского, да не вздумай подсунуть здешнюю кислятину! А насчет моей комнаты — еще радуйся, что легко отдался! Два зуба за обман — невелика плата! — И Конан легонько ткнул хозяина кулаком в грудь. Тот согнулся, закашлялся, из глаз потекли слезы, но умильная улыбка еще шире расцвела на его лице:

— Сейчас... кхе-кхе... Сейчас все принесу! Эй, Гина, бездельница, беги скорей в погреб за вином! Из маленькой черной бочки!

Прокашлявшись, хозяин скрылся за дверью, и оттуда тотчас послышался его сердитый голос, распекавший задремавших поварят.

— Собаки любят хозяйскую ласку! Видишь, как забегал! Знает, каналья, что хорошо поживится, когда Конан навестит его дыру... Ну, пошли, сейчас он все принесет.

Киммериец уверенно направился к лестнице, но не стал подниматься по ступенькам, а нырнул в темноту под ними. Гайяр обогнул заляпанные жиром и винными подтеками столы, где полусонные гуляки допивали свое вино, и, пригнувшись, вошел вслед за варварам в темную комнату.

Сзади зашуршало платье, и молоденькая служанка внесла светильник. Ее глаза целомудренно смотрели в пол, но вспыхнувшие щеки и готовые рассмеяться губы говорили, что она давно забыла о скромности — если вообще знала, что это такое.

— А где же вино?! Я слышал, хозяин посыпал тебя за ним! Я и сам мог взять со стола светильник! Ох уж эти девчонки! Одна другой красивей, и одна другой глупее! Ну, ладно, ладно, не хмурься, а быстро беги за вином, да бочки не перепутай! Ну, что встал? Нет, сегодня я к тебе не приду, есть дела поважнее... А завтра — жди!

Девушка, одарив киммерийца восхищенным взглядом, улыбнулась и выбежала за дверь.

Гайяр сел на лавку у небольшого стола и огляделся. Комнатушка оказалась маленькая, с

низким потолком, явно не рассчитанная на постояльцев, а служившая скорее убежищем для тех, кто вынужден прятаться или тайно с кем-то встречаться. Отдельный выход во двор был главным преимуществом этой клетушки, а дверь под лестницей, сливавшаяся с темной обивкой стен, скрывала ее от любопытных глаз.

— Ну, как тебе моя нора? Конечно, лучше ночевать наверху, но я в последнее время предпочитаю такие вот берлоги... Мерзавец Шафраст! Я тебе это еще припомню! — Конан усился напротив Гайяра и стукнул кулаком по столу. — Чтобы я, Конан, да прятался, как лисица от псов? Тьфу, дермо Нергалье! Что же это Фарус застрял? Ну, пройдоха, дождется, что я сам пойду на кухню! Тогда он двумя зубами не отделается!

— Слыши, слыши, Конан, не горячись! — Дверь скрипнула, пропуская улыбающегося хозяина. — Несу, все несу, только не ходи на кухню! В прошлый раз ты погнул две жаровни и большой котел дал трещину! А уж о мисках, плошках и говорить не приходится! Посмотри лучше сюда — вот цыплячи грудки, нежные, как у юной девушки, а вот и кешаб с базиликом! Эй, малый, где ты там? — Фарус обернулся к двери.

Мальчишка в обляпанной жиром рубахе внес огромное блюдо с дымящейся бараниной, поставил на стол и опрометью выбежал вон, не дожидаясь хозяйственного подзатыльника. Вскоре он вернулся с пышными лепешками на плоской расписанной тарелке.

— Старайся, старайся, когда-нибудь эта таверна будет твоей! Спасибо отцу скажешь, что научил уму-разуму! Меня самого тоже с малых лет к кухне приучали! — без умолку болтал хозяин, ловко расставляя на столе кубки и блюда. Неслышно вошла служанка, поставила на стол огромный кувшин с вином и, сверкнув глазами в сторону киммерийца, исчезла.

— Что ты там ворчишь о погнутых жаровнях и дрянных глиняных плошках? Тебе они, небось, обошлись в пару золотых, а я отвалил целый кошелек! Да за эти деньги можно было купить серебряную посуду на весь квартал, а ты все ноешь! Небось только и мечтаешь, чтобы Конан еще разок похозяйничал у тебя на кухне, а? Ну, ладно, иди, да на всякий случай принеси еще кувшин, разговор у нас будет долгий. И посматривай там, как договаривались!

— Будь спокоен, я до рассвета глаз не сомкну, а мой постреленок у ворот покараулит! — Фарус вышел, тихо прикрыв за собой дверь, а Конан, отстегнув меч, положил клинок рядом с собой на лавку.

— Ну, давай закусим, а то я с утра не ел, сидя в этих проклятых колючках. Набить бы ими полные штаны негодяю Шафрасту, вот я бы посмеялся! — Киммериец налил себе вина, разломил лепешку и жадно принялася за еду.

Гайяр, хрустя куриной косточкой и прихлебывая душистое пуантенское, не таясь разглядывал киммерийца. Он был моложе, чем показался в темноте за конюшней,— лет семнадцати или во-

семнадцати, но сильное гибкое тело с буграми мышц выдавало опытного бойца, холодные голубые глаза таили опасность, как сталь клинка. Интересно, что привело его во двор к Шафрасту? И Гайяр первым нарушил затянувшееся молчание:

— Позволь спросить, киммериец, что за счеты у тебя с Шафрастом? Ведь он — повелитель здешних воров и мошенников, а ты, похоже, не занимаешься ни тем, ни другим?

Киммериец поперхнулся вином, закашлялся и оглушительно расхохотался:

— Что?! Ни тем, ни другим?! Ха-ха-ха, вот сказал, так сказал! А кто же я, по-твоему? Ну-ка, говори, а я послушаю!

— Так ты тоже... вор?! Мне показалось, что ты — из свиты какого-нибудь вельможи, телохранитель или воин... Твой меч, шелковый пояс, мягкие кордавские сапоги...

— Ох, мальчишка, не могу больше смеяться, что ж, по-твоему, воры должны ходить в лохмотьях и с нечесанными волосами?! И единственное их оружие — короткий кинжал? Сразу видно новичка. О, послушай, это то, что надо! Кр-ром, как ты кстати подвернулся!

— Так что там у тебя с Шафрастом? Если ты и вправду вор, то кое-что я, кажется, понимаю... Но не сочти за дерзость, расскажи, в чем дело!

— Нет, это мне нравится! Я притащил тебя сюда, чтобы слушать, а не рассказывать! Хотя все равно пришлось бы... Так что слушай.

Взяв в руку полный кубок, киммериец на мгновение задумался. Густые черные брови сошлись к переносице, губы скривила недобрая усмешка. Тряхнув волосами, Конан осушил кубок и отодвинул блюдо с кешабом:

— Эх, будь у меня этот перстень, черный перстень Бела, я бы тогда... Но и без него я неплохо потрошу здешних купцов! Ха, сколько раз я перебегал дорогу Шафрасту, называющему себя Повелителем Хитрецов! Сколько раз уводил из-под носа его людей добычу, которую они уже считали своей! Да, здесь сейчас пошла большая охота, и дичь — это я — Конан из Киммерии!

— Они что, хотят убить тебя?

— Нет, гораздо хуже! Шафраст хочет, чтобы я на него работал... Я, Конан!!! Тьфу, дермо Нергалье! У него все шадизарские воры на побегушках, каждый вечер приносят добычу и получают лишь часть... Эх, что делается! Во что превратился свободный промысел! И как они трясутся перед этим мерзавцем! Правда, перстень приносит всем удачу, но есть что-то еще, какая-то странность, и я не покину Шадизар, пока не узнаю, в чем тут дело. А ты, приятель, мне в этом поможешь! Самому мне нельзя показываться в Пустынке, да и здесь приходится быть осторожным... а ты, с твоими круглыми глазами и разинутым ртом, пойдешь туда и все разузнаешь! Ну, а теперь говори, тебе что нужно от Шафраста? Ведь не напоминаться же ты к нему пришел?

— Ты прав, киммериец, здесь, в Шадизаре, сейчас идет большая охота... Я, Гайяр, охочусь за Шафрастом, вернее, за его черным перстнем!

Конан хотел было расхохотаться, но глаза Гайяра, всего несколько мгновений назад такие круглые и простодушные, вдруг вспыхнули зловещим золотистым огнем, а в зрачках заплясали красные искры. Складка гнева легла меж бровей юноши, когда он заговорил хриплым от волнения голосом:

— Кем он себя называет, отродье свиньи и шакала? Правнуком Закко? Его наследником? Ну, так он лжец, и каждое слово его — зловонная болотная жижа! Моя мать, Рафала, правнучка Закко, а перстень был похищен у моего деда — Ловкача Эмета! Он полюбил Шафраста, как сына, и хотел, чтобы тот стал ему зятем. Моя мать отдала ему свое сердце... Да и, правду сказать, негодяй этот мог льстивыми речами кого угодно завлечь и одурманить; да и красотой его боги не обидели. Что ему стоило втереться в доверие к наивной девушке! Но ему была нужна не жена, а только черный перстень. И Шафраст, конечно, не желал примириться, что талисманом Бела будет владеть не он, а Рафала, дочь Эмета. Проклятый ублюдок был без ума от магических предметов, собирая их где только мог, воровал, выменивал... Он хвастал матери, что среди самых ценных его сокровищ — волшебная плеть и фланон синего хрустала, чудесные вещицы, которые помогут ему добиться власти и богатства. Плеть, если ею хлестнуть человека, тотчас превращает несчаст-

ного в собаку. А в синем флаконе — эликсир, крушащий любое железо... Мой дед, Ловкач Эмет, был несказанно рад заполучить дочери такого мужа, но вышло совсем по-другому. Однажды ночью Шафраст, задушив верную служанку, пробрался в спальню моей матери и силой овладел ею... Она отказывала ему в этом, пока их не соединял узы брака, но негодяй не желал ждать!.. Я впервые в жизни рассказываю об этом, и каждое слово причиняет мне боль, но я хочу, киммериец, чтобы ты почувствовал всю глубину моей ненависти!.. Наутро Шафраст исчез, вместе с ним и перстень, а в покоях Эмента нашли мертвого рыжего пса... Рафала, моя мать, похоронила его со всеми почестями, как своего отца... Уж она-то знала, в чем дело...

— Так ты... Ого-го, вот это да! Ты — его сын? Ну и дела!

— Да, киммериец, по крови я его сын, но хочу лишь одного: вернуть Рафале перстень и привести в Шадизар на веревке пса... пса Шафраста! Я дал клятву и от нее не отступлюсь!

— Значит, тебе нужен не только перстень?

— Нет. Я хочу получить все, чем владеет этот негодяй! Только так он искупит долг крови перед нашей семьей. Однако я клянусь, что, кроме самого Шафраста, ни на ком и никогда не использую проклятую плеть! Лишь для этого я должен заполучить ее. А с ее помощью — и перстень. Он приносит удачу в кражах, обманах, плутнях, торговле и берегает владельца от смерти. Насильно снять его с руки хозяина невозможно.

— Поэтому-то Шафраст и похваляется им каждый вечер! Ну, ладно, ночь уже кончается, послушай-ка, что я придумал!..

Потрескивал догорающий светильник, один за другим пустели кувшины, жир застывал на кусках недоеденного мяса, а юноши все шептались, то склоняясь почти вплотную друг к другу, то откладываясь назад и негромко смеяясь.

Небо за окном из черного стало темно-синим, утренняя звезда блестала, как алмаз в короне божества, а Конан все наставлял Гайяра, как следует держаться и что говорить.

За дверью раздался тихий стук, повторившийся еще два раза. Конан легко поднялся и беззвучно отодвинул засов. Вошел Фарус, неся на небольшом подносе две кружки с ароматным дымящимся напитком. Ноздри Гайяра затрепетали, глаза, покрасневшие от бессонной ночи, жадно блеснули.

— Фарус дело свое знает! Горячее вино с травами прочищает голову и придает силы телу!

— А рукам — ловкость! Держи, плачу вперед, и запомни этого мальчишку: когда бы он ни пришел, приведешь его сюда или спрячешь, если понадобится! Все понял?

— Еще раньше, чем ты сказал, киммериец! Может, принести горячих пирожков с требухой?

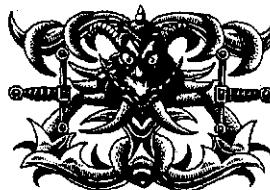
— Ладно, давай, неси... Постой, постой, скажи прежде, где с утра можно найти дурачка Иsona? У городских ворот, говоришь? Ну, ладно, пошли...

Жуя на ходу пирожки, они выскользнули за ворота. Рослый киммериец быстро шел впереди, а далеко позади плелся беспечный мальчишка в сдвинутой набекренъ шапке.

Глава третья

вежая прохлада раннего утра ласкала открытую шею, вливалась в горло родниковой водой, дразнила запахом спелых плодов и влажных листьев. Солнце, едва показавшееся над городской стеной, еще не успело высушить росу и накалить камни мостовых. Конан, жмурясь от удовольствия, вдыхал живительный воздух, подставляя легкому ветерку грудь. Распахнутая рубаха из тонкого полотна надувалась на спине пузырем, варвар шел не спеша, и со стороны казалось, что беспечный черноволосый гигант полностью занят приятными мыслями — то ли о возлюбленной, которую только что покинул, то ли о друзьях, ждущих его в ближайшей тавerne...

Но ни возлюбленная, ни приятели не волновали сейчас Конана: глазами, привыкшими мгновенно замечать все вокруг, он незаметно скользил по лицам, разыскивая в толпе, запрудившей площадь, дурачка Исона.

Ворота уже были распахнуты. Как и каждое утро, скрипели несмазанные колеса повозок, ржали лошади и вопили погонщики. Стражники со звономсыпали монеты в кошель, а писец, еле поспевая, записывал, с кого сколько получено.

Громкий хохот, раздавшийся неподалеку, привлек внимание киммерийца. Обойдя пару сцепившихся повозок, он раздвинул плечом смеющихся купцов и слуг, хватавшихся за животы.

Посреди толпы, уворачиваясь от летевших в него камешков и дынных корок, приплясывал человек в женском грязном халате. Тощий и долговязый, в шароварах, едва доходивших ему до щиколоток, в стоптанных туфлях, хлопавших по черным растрескавшимся пяткам, он прыгал и приседал, пытаясь поймать мальчишек, с визгом и хохотом осыпавших его объедками.

Заложив руки за пояс, Конан остановился за спиной толстого купца и быстро огляделся. В толпе напротив, около крытой повозки, мелькнуло смеющееся лицо Гайяра, и хитрый золотистый глаз подмигнул киммерийцу. Да, мальчишка смышен, сразу все понял. Дальше пусть действует сам. И Конан скрылся в толпе, прихватив заодно увесистый кошелек, болтавшийся на поясе хохочущего купца. Теперь ему легче будет смеяться! А тощий человек все скакал в центре небольшого круга, нелепо размахивая руками и осыпая проклятиями нахальных мальчишек:

— Ах вы, мерзкие отродья! Да падет на вас чума, на вас и на ваших матерей! Эти негодные твари, как видно, грешили с кем попало — с ослями, шакалами, змееголовыми демонами и городскими стражниками! Ну, попадись только мне, ты, шелудивый щенок,— завопил он, пытаясь поймать шустрого мальчугана, угодившего ему в лицо гнилым абрикосом,— попадись только в мои руки, и я тебя отдаю так, как сделал старый писец своего сына! Да, писец — это человек, достойный уважения! А-а-а, опять, опять!

Гайяр со смехом смотрел на его прыжки и гримасы, на то, как он подтягивал дряблые щеки к самым глазам, обнажая кривые желтые зубы. Бегающий взгляд дурачка Иsona не останавливался ни на одном предмете, ни на одном лице, а костлявые руки тщетно пытались поймать мальчишек, скакавших вокруг безумца, как обезьяны.

Один из купцов, смахивая с глаз слезы и все еще смеясь, потянул Иsona за рукав замызганного халата, приглашая подойти к своей повозке:

— О почтенный, твои слова полны великого смысла! Поистине, эти шалопаи, что скачут за твоей спиной — порождение грязных шлюх, а уж кто были их отцы — про то лучше всего известно Нергалу! — И он подмигнул своим товарищам, предвкушая большую потеху.— Но ведь мудрые всегда терпели гонения и побои, разве не так?

Иson опасливо покосился на мальчишек и, погрозив им кулаком, подошел поближе к купцам:

— Да, почтенный лекарь, ты прав! Мудреца сразу можно отличить от остальных! Только хитрецы и пройдохи получают в награду золото, нашептывая государям всякую чепуху, от которой разрушаются царства! А мудрому достаются в удел синяки и шишки да еще смех глупцов! Так-то вот, лекарь!

— А почему ты называешь меня лекарем? Я — купец, у меня целый обоз дорогого товара, и вдруг — лекарь! Нет, мудрейший, тут ты дал маxу! — И купец нахмурился, увидев, что теперь смеются уже над ним.

— Так ты купец? Вот ведь как можно ошибиться! — Дурачок подпрыгнул и стал рвать на себе волосы.— А я-то, ничтожный, принял тебя за лекаря Маруфа, что живет у Большой Лестницы! Нет, нет, не шути, ты и вправду Маруф! Только он так небрежно красит бороду, что половина волос черна, как сажа, а половина — пегая, как у старой собаки! Но если ты и вправду купец, то прими совет мудреца: подмолоди себя получше, чтобы женщины и девушки покупали товары только у тебя, а не у других торговцев! Будь я женщиной, я бы зашел в лавку только к такому молодцу! — Городской сумасшедший повернулся к молодому безбородому купцу.— Э-э-э, но, похоже, я опять ошибся! Ведь ты — ленивый сын того самого писца, разве не так?! — И дурачок опять запрыгал, скалясь и закатывая глаза. Мальчишки, только что шептавшиеся за его спиной, куда-то делись, и народ придинулся поближе, чтобы послушать занят-

ные речи. В Шадизаре, как, наверное, и в других местах, любили сумасшедших: язык у них часто бывал подведен неплохо; да и денег за развлечение никто не требовал...

Но Гайяр, стоявший неподалеку, прекрасно видел редкие пронзительные взгляды, что кидал этот тощий человек на ватагу мальчишек, и они, повинувшись беззвучным приказам, то затихали, то начинали орать и швырять гнилые корки. А сейчас юнцы, словно позабыв о своей забаве, юркнули в толпу и исчезли за спинами зевак. Гайяр с интересом смотрел, как, толкая то одного, то другого, шустрые сборщики базарной подати ловко облегчали тугое пояса и срезали кожаные кошельки. Мальчишки, пощипав зевак, скрылись между повозками. Шадизарец хмыкнул — да, богатые купцы сегодня недосчитываются коечего из привезенных товаров! Зато они потешатся вволю, смеясь над речами дурака! Ох и ловкач же этот Исон!

Молоденький купец вспыхнул жарким румянцем, его руки невольно сжались в кулаки. Теперь уже с облегчением засмеялся купец с крашеной бородой, радуясь, что его оставили в покое:

— Ну, какой же он сын писца! Он — сын старого Шатура, свет его очей, единственный наследник!

— Ох и хлопотное же это дело — быть купцом! — Исон прислонился к тюкам и задумчиво поскреб грязную шею.— А вот был бы ты сыном писца, научил бы он тебя уму-разуму! Вот послушай, что он говорил своему лоботрясу, охаживая

его розгой: «Писец в столице подобен мыши в амбаре — никогда не пропадет!» И правда, какое ремесло может по выгодности равняться с искусством писца! Конечно, ученикам, этим бездельникам, только и мечтающим, как бы нажраться и напиться вина, приходится изрядно попотеть, пока они до тонкостей освоят это ремесло, но розга, божественный прут в руке терпеливого учителя, в конце концов выбьет дурь из непутевых голов... Да, купец, и этим скверным мальчишкам тоже не помешала бы розга... Розги, розги, дайте мне розги! Я спущу с них шкуру, с этих маленьких мерзавцев!

Исон опять задергался, в уголках губ появилась пена, дрожащие руки, пытаясь схватить невидимого врага, вцепились в полу парчового халата молодого купца. Тот в испуге попятился и чуть не упал под колеса повозки. Его товарищи, не желая так быстро кончать развлечение, оторвали цепкие руки дурачка от халата, и старый купец, пряча в усах усмешку, почтительно спросил:

— О мудрейший, не продолжишь ли ты свой рассказ о выгодах столь доходного ремесла? Быть может, тогда я отдаю своего сына в учение...

— Ремесла? Какого ремесла? Нет, не отдавай, не отдавай своего сына в ученики к лекарю, он такой мошенник! Если у тебя заболит ухо — он вырвет зуб! Пускай твой сын лучше станет писцом! Ведь посмотри, почтенный, какие муки терпит строитель — ему приходится лазить по стенам, подобно обезьяне, рваному, грязному, в

синяках! А садовник?! С утра до вечера надрывает он свой пуп, таская на себе мешки с землей и сосуды с водой для полива... А возьми купца?! Тыфу, какое скверное дело — быть купцом! Бросать свой дом, молодую жену, чтобы тащиться неведомо куда, жевать сухой кусок, пить тухлую воду... Купца жрут комары, на ночлеге могут ужалить змеи, на реках подкарауливают крокодилы. А потом еще и разбойники отберут добро, и хорошо еще, если голову оставят! Зато что за чудная работа у писца! Нет писца, не имеющего ежедневных подарков, а сколько чести в его труде! Ты, купец, скажи своему сыну — ведь он таков же, как и все! — скажи, чтоб сторонился он приятелей, кто шлындрает по тем местам, где подают вино! Стоит только увлечься, как станет он, украшение твоих седин, подобен хромоногому ослу, топору без топорища! Гнусней нет зрелища, чем юнец, пропахший вином, распустивший слюни, сидящий в обнимку с непотребными девками, глядя на их нагую срамоту! Тыфу!

Зеваки, которым наскутила болтовня неугомонного Иsonа, стали потихоньку расходиться по своим делам. Купцы, посмеиваясь, направили повозки в сторону базарной площади, а дурачок с горящими глазами все стоял, размахивая руками и убеждая невидимых слушателей:

— А если не станет он учиться прилежно — то быть ему простым крестьянином. Что может быть ужаснее такой участии?! Только и гляди, чтобы половину урожая не сожрали черви, а

другую не потоптали свиньи. Гоняйся за воробьями, портящими посев, мышами, саранчой. А скоро явятся сборщики налогов... Если не запластишь, то палками побьют, вниз рожей бросят в яму с нечистотами! Зато взгляни-ка на писца! Его никто не станет бить — напротив, он будет с листом для записей стоять и наблюдать за тем, как потрошат других, да насмехаться! Ведь ему, писцу, налоги незнакомы!

Да, если твой сын выучится на писца, то станет благодарить тебя всю свою долгую и счастливую жизнь! Ведь писец в столице — меня не слышат стражники? — писец в столице поважнее короля!

Последние повозки, прогромыхав, скрылись за поворотом. Стражники достали кости и расположились на ступенях крепостной башни у ворот, за игрой поджиная купцов. Исон опустил руки, потряс взлохмаченной головой и, широко зевнув, направился в тень около стены. Гайяр, наблюдавший за ним из-за широкого уступа, вышел, лениво оглядевшись и тоже направился к островку тени. Не глядя на дурачка, рывшегося в ветхой суме, мальчик достал свои припасы: то, что сгреб со стола перед уходом из таверны. Тесто с запеченной курятиной вкусно захрустело у него на зубах. Исон, завистливо покосившись, вытащил черствую лепешку и кусок несвежего сыра с налипшими ворсинками. Его ноздри затрепетали, учавив аппетитный запах мяса, кадык на тощей шее заходил туда-сюда. Гайяр мог поклясться чем угодно, что заплесневелый сыр застревает у Исо-

на в глотке. Порывшись в своей суме, он вытащил большой кусок барабанины и протянул соседу:

— На, базарный мудрец, поешь! Жаль, что мне больше нечем заплатить тебе за удовольствие от твоих разумных слов! — Оборванец метнул на Гайяра быстрый взгляд, и тут же глаза его снова забегали, губы затряслись, а протянутая к мясу рука остановилась на полдороги.

— Да брось ты! Я эти штуки знаю! Ты такой же сумасшедший, как я — писец! Ха-ха! И не пускай пену изо рта, лучше выплюнь-ка корешок суходи, а то испортишь вкус мяса. Конечно, если пожевать корень подольше, то сможешь плеваться не хуже верблюда, но ведь сейчас на тебя никто не смотрит!

Исон сплюнул и, косясь на шадизарца хитрыми пронзительными глазами, вцепился в мясо. Он обгладал кость в мгновение ока и снова уставился на мальчика:

— Что-то я тебя тут раньше не встречал, а уж я, кажется, в Шадизаре каждую кошку знаю... Ты что, пришлый? Откуда?

— Ну, вот это разговор... Хочешь еще? Бери, бери, я с вечера так наелся, что больше не могу съесть ни крошки! — И Гайяр протянул пирожок. — Ха, а здорово ты плел про писцов да лекарей, купчишки так уши и развесили! А друзья твои их порядком ободрали: я стоял и любовался — чистая работа!

— О-о, да ты, я вижу, понимаешь толк в нашем деле! Но то, что ты в нашем городе новичок, — это я сразу понял.

— Что делать, весь век на одном месте не просидишь, особенно если это Хифора... Но какое-то время и там было неплохо, пока... — Гайяр отвернулся, словно не желая продолжать.

Исон с интересом вытянула шею:

— Хорошо знаю Хифору, приходилось бывать! Обычно там отдыхают караваны торговцев, закупают еду и вино. Да, там есть чем поживиться! Конечно, это не Шадизар и не Аренджун, но жить можно... Так что тебя заставило покинуть столь благословенное место? Промышлял бы себе и промышлял!

— Да, знаешь, как-то скверно все получилось... Я с малых лет остался один, и меня подобрал Гиш, бывший портной, он обучил меня своему ремеслу, а потом, благодаря моим способностям, я быстро перешел от «пришивания» к «отрезанию». Он, мой учитель, приходил в восторг, когда видел, какие я творил чудеса. Ни разу не случалось, чтобы кто-то, повесив кошель на шею или пристав в пояс, не расстался с ним, если того желала моя душа. Пальцы прощупывали, а заточенный диск срезал вещицу так незаметно, что за все время меня ни разу не приперли к стене, ни разу не накрыли стражники и не донес на меня ни один человек... Старый Гиш, глаза которого уже покрылись старческой мутью, часто говорил: «Надо тебе, малец, перебираться в Шадизар! Только там ты сможешь показать, на что способен! Чему я не научил — Повелитель Хитрецов научит! Ты только скажи, что тебя послал старый Гиш, он тебя примет, как родного!» — Мальчик

замолчал, задумчиво отщипывая крошки от пирога и бросая их вечно голодным воробьям.

— Я вижу, ты так и сделал, малый?

— Нет, я не собирался идти в Шадизар, мне и в Хифоре было неплохо, к тому же Гиш заменил мне отца... Сидел бы тихо, а я бы прокормил и себя, и его, так нет, понесло старика на площадь поглядеть на богатый вендийский караван! Говорил ему — не ходи, добром не кончится... Так оно и вышло!

— Попался? Ну, не завидую!

— Да уж чему завидовать! Тамошние купцы давно на него зуб имели, а тут такая удача — прямо за руку схватили, когда он надрезал тюк. Тут же стражники с ним и разделались — отрубили сначала руки, потом за ноги привязали к жеребцу и протащили вокруг площади... Народ хохотал и швырял в него камни, а я стоял у стены и плакал, как... как ребенок... А потом ему отрубили голову. Я больше ни мгновения не оставался в Хифоре, тут же вышел за ворота и направился в сторону Шадизара. Теперь вот сижу рядом с тобой и думаю — как в таком большом городе мне найти Повелителя Хитрецов? Наверное, он живет в одном из этих богатых домов с крышей, покрытой красной черепицей? Или в каком-нибудь дворце?

— Ха-ха-ха, да ты хоть и мнишь себя изрядным вором, все-таки еще простофиля и деревенщина! Во дворце, вот сказанул-то! Ну, не хмурься, тебе просто повезло, что встретил меня! Ты думаешь, я кто? Дурачок Исон? Конечно, для дураков и

я — дурак, а для ловкача Шафраста — лучший друг и главный советник! Если тебя к нему приведу я, то Повелитель Хитрецов отнесется к тебе неплохо, гораздо лучше, чем если бы ты пришел к нему сам... Может быть, даже освободит тебя от испытания! Спасибо скажешь мудрому Исону!

— Да я... Да я прямо сейчас готов отблагодарить тебя! Вот, возьми этот кошелек, я снял его, когда ты смешил купцов, и он поистине твой! Так когда же ты отведешь меня к Повелителю Хитрецов?

— Сегодня вечером... Как тебя кличут? Я ведь должен знать, о ком говорю. И как там звали твоего подслеповатого благодетеля?

— Мое имя — Гайяр, Гайяр из Хифоры, а мой приемный отец — старый Гиш...

— Ну ладно, когда солнце зайдет за городскую стену, встретимся здесь же... А пухленький кошелек ты срезал, чистая работа! Пойду пока на базар, меня там тоже ждут и любят... — Исон поднялся, отряхнул с колен крошки и, не оглядываясь, поплелся через площадь. Солнце уже припекало вовсю, и скудная тень у стены почти совсем съежилась. Гайяр встал и отправился бродить по городу — незнакомое место необходимо изучить получше, вдруг придется уносить ноги...

Он потолкался по базару, издалека посмотрел на богатую лавку купца Расата, прошелся по широким улицам, мощенным гладким камнем и политым водой. За высокими стенами вздымались к небу стройные тополя, соперничая с белы-

ми башнями роскошных дворцов. А дальше — опять пыльные улочки, грубый серый камень невысоких заборов, узкие калитки и ворота с незатейливой резьбой, — добрые дома ремесленников. И вдруг, как видение, за поворотом — белая стена и сияющий позолоченный купол. И опять в воздухе плывет запах распустившихся роз, а под ногами узорные, политые водой плиты.

К вечеру Гайяру уже казалось, что он пешком проделал путь от Аренджуна до Шадизара — так ныли усталые ноги, так запеклись губы от жажды. Выпив у бродячего торговца пару кружек красного вина, изрядно разбавленного водой, он поплелся к городским воротам. Солнце еще только коснулось края стены, и Гайяр с облегчением сел на теплую землю, вытянув усталые ноги. Стражники негромко переговаривались, готовясь запирать ворота. Площадь была пуста.

Надвинув шапку по самые брови, Гайяр прислонился к стене и прикрыл глаза. Он знал за собой это свойство — если посидеть вот так, в тишине и покое, совсем недолго, то усталость уйдет, а тело снова будет полно сил, словно после ночи крепкого сна...

Гайяр прекрасно рассыпал легкие крадущиеся шаги, и сквозь полуопущенные ресницы увидел ноги в рваных туфлях. Короткие штаны, тощие лодыжки — это пожаловал дурачок Исон, чтобы сдержать свое слово.

Мальчик сидел неподвижно, притворяясь спящим, а Исон присел на корточки, и худая рука с длинными пальцами осторожно потяну-

лась к поясу Гайяра — похоже, его новый покровитель хотел вознаградить себя сверх предложенного. Не открывая глаз, Гайяр негромко рассмеялся:

— Я вижу, ты хочешь разбудить меня, добрейший Исон? — Янтарные глаза широко раскрылись, и юноша с простодушной улыбкой взглянул вверх. — О, да солнце уже почти опустилось за стену, и нам, наверное, пора идти... Но прежде я охотно бы промочил горло, по вечерней-то прохладе! А как ты думаешь, когда лучше пить — утром, днем или вечером?

Гайяр вскочил и, поправив шапку, весело уставился в хитрые зеленые глаза Иsonа.

— Я вижу в тебе, юноша, склонность к размышлению и охотно поделюсь своим опытом, пока мы идем в одно местечко... Тут совсем близко, но я успею просветить твой разум! — И, размахивая руками, как будто его слушала целая толпа зевак, он начал: — Вино, мой мальчик, может быть другом, а может оказаться и врагом, особенно в нашем ремесле... Одна-две кружки ранним утром обострят твои глаза, сделают чуткими уши, уймут дрожь в руках, особенно если вчера... Ну, ладно, это я так... Но осторегайся пить вино днем, в жару, иначе не видать тебе удачи! Глаза и уши тебя обманут, руки предадут, а сам ты только и будешь бегать в кусты, вместо того чтобы прилежно работать! Запомни, мальчик, пополудни лучше выпить две большие кружки кислого молока, чем одну маленькую — вина! Но вот наступает вечер, все дела сделаны,

можно забыть о тревогах и заботах до утра... И тут вино становится твоим лучшим другом! Правда, оно, как и лучший друг, может подложить тебе свинью. Не удивляйся, если наутро ты проснешься без кошелька, без новых сапог, без рубахи! Зато тебе было хорошо, ведь так? Ну, ты, наверное, уже понял, что наступило лучшее время, чтобы выпить! Эй, куда ты разбежался, нам сюда!

Иson спустился по нескольким щербатым ступенькам и толкнул обшарпанную дверь невзрачного дома:

— Лучшее заведение на этой улице! По пути к хитрецу Шафрасту я всегда сюда заворачиваю. Ну, новичок, ты угощаешь!

Когда они покинули веселый подвальчик, облегчив пояс Гайяра на несколько монет, солнце уже зашло. Зеленоватое небо украсилось первыми звездами. Черные силуэты башен и раскидистых деревьев обступили узкую улочку.

Гайяр шел той же дорогой, что и вчера, но теперь он не прятался и не жался по стенам. Иson брел впереди, и старые туфли громко хлопали задниками по мозолистым пяткам. То и дело их обгоняли фигуры, закутанные в широкие плащи. Обменявшиеся с дурачком несколькими тихими словами, они бесшумно скрывались в темноте. Нагревшаяся за день бурая жижа, наполнявшая глубокие канавы, источала невыносимый смрад. Гайяр невольно зажал рукой нос. Словно увидев его жест, Иson ехидно засмеялся:

— Что, не нравится? Привыкай, дружок, привыкай! Главное, шадизарским стражникам тоже не нравится вонь здешних канав, так что они обычно сюда и носа не кажут... В каждой вещи, мальчик, есть две стороны, хорёшая и плохая, так вот и в этом деръме...

Они не спеша подошли к знакомым воротам. Исон тихонько свистнул, и тут же от забора отделился часовой:

— Кто это? Исон, ты, что ли?

— Конечно, я! А ты, похоже, спишь у ворот, если не узнаешь меня по походке! Ну ладно, смотри в оба, а то Шафраст велит приласкать тебя таргоной! Ты, мальчик, знаешь, что такое таргона? — обернулся он к Гайяру, и его зеленые глаза сверкнули, как у кошки. — Это такой сыромятный ремень с шипами и крючьями. Наматываешь один конец на руку, другим с размаху лупишь по голой спине — р-раз, два, тр-ри! Мясо летит ключьями, кровь брызжет во все стороны, зато кости целы. Здорово, правда? И запоминается надолго...

— А кто это с тобой? Он не из наших, я даже в темноте это вижу!

— Это мой друг, достойный лицезреть Повелителя Хитрецов. Я думаю, он-то не будет терять времени, стоя у ворот! Его, похоже, ждут крупные дела — или я, Исон, совсем уже ослеп! Ну, не зевай, и чтоб ни одна чужая собака сюда не забежала! Пошли, Гайяр!

Сторож, что-то ворча себе под нос, повернулся к воротам. Они пересекли широкий двор,

приближаясь к таверне. Гайяр шел немного позади Иsonа, уверенный, что киммериец следит сейчас за ними откуда-нибудь из-за кустов или кучи ветхого хлама. И от этого парню сразу стало легче, сердце, вдруг забывшееся в груди, немного успокоилось... Сейчас, через несколько мгновений, он увидит человека, ненависть к которому родилась вместе с ним. Он должен победить, должен утолить эту ненависть, чтобы жить дальше свободным, не ощущая больше в груди ее иссушающего пламени...

Исон толкнул дверь, и они вошли в просторное помещение с несколькими длинными столами. Таверна как таверна, грязная и закопченная, подобная любой другой, где не бывает богатых гостей, а толкутся лишь веселые голодранцы. Так же кисло пахнет разлитым вином, так же несет пригорелым луком... К ним, почтительно сгибаясь в поклоне, подбежал пухленький человечек. Клочки пегих волос беспорядочно торчали на плешистой голове, за ушами, под носом и на подбородке. Гайяр чуть не прыснул со смеху — уж очень он был похож на недощипанную курицу. Как там его называл Конан? Облезлый Гамар? Пожалуй, лучше не скажешь!

Между тем Исон, пошептавшись с хозяином, потянул мальчика за рукав и усадил в дальнем углу, где пока еще никого не было:

— Подожди здесь, малец, а я пойду замолвлю за тебя словечко! Можешь чего-нибудь выпить, но не вздумай напиться!

Гайяр остался один. Исон теперь лишь нелепой одеждой напоминал базарного приурка. Этот пройдоха с лицом, исполненным достоинства, важной походкой направился к широкой двери в глубине зала, около которой, обнажив мечи, стояли два дюжих зембабвийца. Их вытащенные глаза с ослепительными белками, приплюснутые носы, вывороченные губы, черные обнаженные торсы с громадными буграми мышц производили устрашающее впечатление. Здесь, среди скопища разношерстных бродяг и воришек, они казались зловещими демонами, только что вылезшими прямо из бездны. Исон, даже не взглянув на безмолвных великанов, скрылся за тяжелой дверью.

Вздохнув, мальчик отвел глаза. Он не любил черных наемников, они казались ему тупыми и слишком злобными. Ну, охранять покой вельмож или переть напролом в драке — на это чернокожие вояки еще годились: такие легко могут напугать слабого духом противника... Однако гораздо интереснее было рассматривать подданных Повелителя Хитрецов, тем более что из своего угла он легко мог это сделать, не привлекая ничьего внимания.

Ближе всех к двери, за которой скрылся Исон, сидели три старца весьма почтенного вида: благородные седины, бархатные шапки без лишних украшений, добродетельные халаты — они выглядели как богатые купцы, ушедшие от дел, к мудрости и совету которых прибегают те, кто помоложе. Перед ними стоял большой серебряный кувшин,

чеканные кубки, свежие тонкие лепешки и гора фруктов на овальном блюде. Старики негромко переговаривались, мелкими глотками прихлебывая вино и отщипывая виноградинки от сизой кисти. Изредка они бросали взгляды, полные тревоги и ожидания, на дверь, охраняемую чернокожими гигантами.

Неподалеку от них сидела стайка чумазых мальчишек. Рядом, на полу, сваленные в кучу, лежали корзины и грязные мешки. Это были разносчики, которые за мелкую монетку готовы отнести что угодно и куда угодно, хоть на край света. Они довольствовались глиняным кувшином с пивом и простыми обливными кружками, жадно поглощая хрустящие хлебцы с запеченным сыром. Изредка кто-нибудь из них, раззадорившись, начинал громко рассказывать о своих дневных похождениях, но остальные, косясь на дверь, тут же останавливали его, безжалостно пихая локтями.

Да, весельем тут и не пахло... Все собравшиеся под крышей этой странной таверны словно настороженно ждали чего-то, поглядывая на плотно закрытую дверь. Негромкий гул голосов и приглушенный смех изредка прерывало тренькалье струн — это одногорий оборванец, примостившись прямо на полу, возле столба, поддерживающего потолочные балки, задумчиво наигрывал на дзуре, не забывая прикладываться к кувшину, стоявшему рядом.

Гайяр успел разглядеть еще нескольких молодцов за крайним столом в уголке, угрюмо

шептавшихся о чем-то, забыв про блюдо с жареным мясом, когда кто-то осторожно похлопал паренька по плечу:

— Это ты — Гайяр из Хифоры? Ступай за мной, Повелитель Хитрецов ждет тебя! — Карлик с большой головой, кривыми ножками и маленькими, как у ребенка, ручками стоял рядом и смотрел на мальчика грустными черными глазами. — Ну, что сидишь? Пошли, пошли! Повелитель Хитрецов ждать не любит!

Он вразвалку пошел вперед, то и дело оглядываясь на Гайяра. Тот поднялся и, провожаемый тяжелыми взглядами, нерешительно пошел следом. Сердце снова несколько раз гулко стукнуло в груди, голова закружилась, но лицо Рафалы, на мгновение вставшее перед его глазами, привело Гайяра в чувство. Сейчас... сейчас он увидит его... сейчас!

Сделав несколько шагов вслед за карликом, шадизарец от удивления невольно широко раскрыл глаза. Поистине, никогда не знаешь, что может скрываться за бурьми стенами убогих домишек, в зловонных трущобах, среди мусора и отбросов!

Просторная комната, куда он попал, поражала вызывающей роскошью убранства, особенно после грязного зала таверны с грубыми столами и простыми лавками. Всего несколько шагов отделяло одно от другого, и тем разительнее был контраст. Там, где пили и ели шадизарские попрошайки и воры, — глинобитный пол, голые стены, беленные известкой, и почерневший от дыма потолок.

Здесь — узорный деревянный пол, длинный зелено-коричневый ковер от двери до возвышения, на которое Гайяр старался пока не смотреть, стены, затянутые дорогими тканями... Резные столбы подпирали балки из розового кедра, с потолка свисали бронзовые кованые светильники столь тонкой работы, что они могли бы украсить дворец какого-нибудь князя...

Наконец мальчик взглянул прямо перед собой. На невысоком возвышении, в золоченом кресле с подлокотниками в виде рычащих львов, сидел человек. Из-под полы его распахнутого парчового халата виднелись ноги в зеленых шелковых шароварах, заправленных в сапоги из тонкой юфти; одна нога нетерпеливо притопывала по мягкому ковру.

Мальчик нерешительно поднял глаза и встретился с жестким насмешливым взглядом. И словно по волшебству, вся его робость, весь страх куда-то исчезли. Теперь-то он понял, чего страшился, что заставляло так сильно биться сердце! Он боялся, вдруг хитрец Шафраст понравится ему, а ненависть и жажда мести сменятся... Нет, ничем они не сменятся! Гайяр, оправившись от внезапного замешательства, сделал еще пару шагов вперед, смело глядя в глаза Повелителя Хитрецов. Тот тоже разглядывал мальчика с интересом. Его властное лицо в обрамлении черных с сединой волос и густой бороды постепенно меняло выражение. Взгляд немного смягчился, губы дрогнули в улыбке:

— Так ты — Гайяр из Хифоры, и ты хотел меня видеть? Тебе повезло: мошенник Исон, мастер долгих речей, разжег мое любопытство, и я тоже пожелал взглянуть на тебя... Вижу, он не соврал, ты производишь хорошее впечатление! Скажу больше — глядя на тебя, я невольно вспомнил собственную юность... Подойди ближе! Так ты, говоришь, искусен в нашем промысле? — Он слегка наклонился вперед, положив крупные руки на резные головы львов. На указательном пальце левой руки неярко блестел простой перстень из темного серебра с крупным черным камнем,

Гайяр почтительно склонил голову и преклонил колено:

— О, Повелитель Хитрецов, что хорошо для Хифоры — в Шадизаре выглядит детской забавой! Поэтому я и пришел сюда. Ведь никто, кроме тебя, не сможет научить меня всем хитростям ремесла! Твои люди неизменно удачливы в делах и в искусстве уносить ноги! Так говорил мне старый Гиш...

— Гиш, Гиш... Вроде знакомое имя. Нет, что-то не припомню... Но, наверное, когда-то встречались! Хифора много раз лежала на моем пути, и я там неплохо промышлял. Гиш, Гиш... А, вспомнил! Да, было между нами маленькое дельце, он тогда еще получил за меня пятьдесят плетей! Ха-ха-ха! А знаешь ли ты, мальчик, что должен сначала доказать, каков ты в деле?

— А как же иначе, о повелитель ловкачей? Для начала поверь мне на слово — я вчера облег-

чил одного купца по имени Расат на этот вот узорный кошель... Прими его, а завтра, если пожелаешь, я еще покажу, чему научился у старого Гиша!

— О, Расат! Осторожнейший из купцов! Ну-ка, Исон, передай мне этот кошель. Ого, какой тяжелый! Да, это его знак! Я вижу хоть ты и юн, но созрел для крупных дел! Расат! Он, как скользкая рыба, манит блеском золотой чешуи и никому не дается в руки. А ты, новичок, едва вошел в город, сразу ухватил его за жабры! Расскажи, как тебе это удалось.

— Все было очень просто... Еще по пути в Шадизар его караван притягивал мои взоры, а сам купец, как жирная курица, не давал мне покоя. Вот я и пошел потихоньку следом за ним... В давке у городских ворот лошадь крупом прижала меня к почтенному купцу, который бранился с погонщиком... Ну, а потом мы расстались — караван пошел в одну сторону, а я в другую.

— Ловко, ловко и просто, ничего не скажешь! Ну, что ж, Гайяр, я вижу — Бел тебя любит! Поэтому я отменяю испытание, ты сразу пойдешь на дело. Исон, не размахивай руками, ты получишь свою награду... потом, попозже! А сейчас, мальчик, взгляни сюда, на мою руку. Видишь этот черный перстень?

— Вижу, повелитель!

— А ты знаешь, что это такое?

— Нет, Гроза Шадизара, не знаю!

— Хм, Гроза Шадизара?! Неплохо сказано! Так знай, это — чудесный талисман Бела, нашего мо-

гучего покровителя! Он приносит нам всем удачу, бережет наши шеи от топора и веревки. Подойди ближе и прикоснись к нему — отныне ты становишься моим подданным!

Гайяр подошел вплотную к возвышению и кончиками пальцев прикоснулся к блестящему камню. На какое-то мгновение ему почудилось, что в черной глубине кристалла вспыхнула и тут же погасла красная искра.

— А теперь сядь вон там, рядом с Исоном, и смотри. Это будет тебе первым уроком. Уроком послушания!

Почтительно склонив голову, Гайяр отошел в сторону от возвышения. Там, на небольшом ковре, подложив парчовую подушку, важно восседал Исон, скрестив грязные ноги. Повелитель Хитрецов что-то негромко сказал карлику, вынырнувшему из-за полога, и тот поспешно заковылял к двери.

— Ну, что я тебе говорил? Мое слово здесь кое-что значит! Я сразу понял, что ты ему понравишься! Из тебя выйдет толк, запомни мои слова! Только... — Исон на мгновение перестал шептать, опасливо покосившись на своего повелителя, — только будь осторожен! Иногда мне кажется, что в логове льва безопасней, чем здесь! Но я тебе ничего не говорил... Во всем слушайся хитреца Шафраста, и ты многого достигнешь!

Дверь распахнулась, и на пороге следом за карликом показались три старика. Это на них, недоумевая, смотрел Гайяр, дожидаясь, пока его

позовут к Повелителю Хитрецов. Маленький слуга снова скрылся за драпировками, окружавшими возвышение, а старцы, низко склонясь в поклоне, остановились у двери.

Нагнувшись к самому уху Иsonа, с интересом разглядывавшего ногти на руках, шадизарец еле слышно спросил:

— Кто это? Неужели они тоже... тоже промышляют?

— О, мальчик, это — самые полезные в нашем деле люди! Их у нас называют «шмелями», они обязаны днем ходить по всему городу и высматривать, где ночью стоит поживиться. Кроме того, они следят, кто совершает крупные сделки и получает большие суммы денег. Узнают, куда отнесены кошельи и где спрятаны. Еще они измеряют толщину стен нужного нам дома и намечают место, где удобнее всего сделать отверстие, через которое можно проникнуть в дом... Ну и, конечно, замки... Ш-ш-ш, слушай!

— Так что скажете, почтеннейшие? — Голос Повелителя Хитрецов зазвучал громко и величественно, как у правителя настоящей державы. — Ночи сейчас темные — для хорошего дельца лучше не придумаешь! Начинай ты, Хайрат, я вижу, у тебя есть новости!

Один из старцев вышел вперед, еще раз поклонился и торопливо заговорил:

— Повелитель Хитрецов, как всегда, слышит еще несказанное и видит невидимое! Да, повелитель, я спешил сюда с добной вестью! Она обра-

дует тебя и твоих молодцов, засидевшихся без работы! Ибо разве можно назвать работой мелкий дневной промысел, эти жалкие кошельки ремесленников и одежды, развешанные для просушки!

— Так что за новость ты так долго держишь за пазухой? Пока до нее доберешься, у тебя в горле пересохнет!

— Говорю, уже говорю, о великий! Вчера весь базар был полон слухами и разговорами о единственном сундуке, который доставили в дом Великого Судьи, многомудрого Суммы. Всего одна повозка, а охраняла ее дюжина воинов и слепой старик...

— О, это стоит внимания! Слепец, слышащий звуки и шорохи, ускользающие от обычного слуха! Значит, в сундуке было...

— Да, величайший из хитрецов! В сундуке привезли драгоценный убор из вендинских сапфиров, а алмазам, украшающим его, вообще нет числа. Этот убор, достойный королевы, предназначен новой жене судьи, юной упрямице Нарзиз.

— Ха-ха-ха, все ясно! Судья действительно рассудил мудро: если красавица не желает с любовью смотреть на его седины, пусть любуется блестящими камешками, тогда и ему хоть что-нибудь перепадет! Да, юные жены старых мужей — просто клад для нас! Ну, и где же сейчас этот убор? Он уже подарен?

— Нет, судья пока держит его в потайной нише своего дворца и разжигает любопытство

красавицы загадками и намеками... Ведь он — мудрейший из мудрых!

— Так... Где находится потайная ниша, сколько слуг во дворце, какие входы и выходы — ты расскажешь позже, когда все разойдутся... У меня есть кое-какие задумки на этот счет. Ну, а вы, добродетельнейшие из старцев, чем порадуете своего владыку?

— О, великий, мы вместе с Хайратом следили за сундуком — это самое крупное приобретение в Шадизаре. Входы, выходы, слуги, запоры, подкуп — наши расходы истощили кошельки...

— Вот вам, держите! — Шафраст бросил кошель, и один из старцев ловко поймал его на лету. — Идите в таверну и ждите, пока я вас позову. А ты, моя обезьянка, зови учеников, посмотрим, как они поработали!

Карлик снова выскочил из-за драпировок и, косолапя, побежал к двери.

— Ну, Гайяр из Хифоры, смотри, от чего я тебя намерен избавить! Я попробую тебя в другом дельце, а не справишься — будешь, как они, промышлять вокруг ловкача Иsona или таскать по базару тяжелые корзины...

В широко распахнутую дверь один за другим входили оборванные мальчишки, испуганно поглядывая на своего повелителя. Карлик поставил перед возвышением большую широкую корзину и, ухмыляясь, сел рядом.

— Приветствую вас, дети мои! — Шафраст смотрел на робеющих мальчишек пронзительным колючим взглядом, но голос его источал мед.—

Старики старятся, молодые подрастают! Ну, показывайте, какой сегодня улов, да только без обмана! Меня, Шафраста, Повелителя Хитрецов, обмануть невозможно, и ты, Налат, вчера в этом убедился! Так что у тебя сегодня? Ну, поспешите же наполнить корзину!

Тот, кого звали Налатом, подошел ближе и передал карлику простой кожаный кошель, тугу свернутую шелковую шаль и серебряный кубок. Гrimасничая, карлик развязал тесемки и выссыпал монеты на дно корзины.

— Неплохо, неплохо... Ты искупил вчерашнюю вину, поэтому сегодня получишь свою долю. Дай ему три монеты! — И Шафраст ткнул карлика в спину носком сапога.

Мальчишка схватил свою долю и, низко поклонившись, исчез за спинами товарищей. Карлик уже принимал добычу из рук следующего. Корзина быстро наполнялась.

— Мудрейший Исон, а какая доля полагается тем, кого здесь называют учениками? — прошептал Гайяр, не сводя глаз с корзины.

— По закону, который когда-то принял сам Повелитель Хитрецов, — одна пятая, но уже давно он платит гораздо меньше, и эти многообещающие юнцы, конечно, недовольны... ропщут... Но куда им деться?! Ничего другого они не умеют, да и кто захочет работать, вкусив прелестей нашей жизни?! Смотри, сейчас войдут настоящие молодцы!

Но вместо этого за дверью послышались истошные женские вопли:

— Справедливости! Я требую справедливости! Сейчас же пропустите меня к Повелителю Хитрецов! Эй, убери свой тесак, черная образина, что, уже забыл, как лежал вчера на моей груди?!

Шафраст, нахмутившись, привстал, но, покосившись на Гайяра, открывшего от удивления рот, расхохотался:

— Ха-ха-ха! Да это голос красотки Люфии! Ну-ка, оттащи корзину подальше и веди ее сюда, пока она не исцарапала моих верных стражей! Ха-ха-ха!!!

В это мгновение дверь распахнулась, а в комнату влетела женщина в порванном платье и с растрепанными рыжими волосами. Сзади ее пытались удержать еще две женщины, старая и молодая. Когда рыжеволосая, не переставая причитать, подняла голову, стало видно, что лицо у нее в кровоподтеках и синяках. Упав на колени перед возвышением, она обхватила руками сапоги Повелителя Хитрецов и заголосила с новой силой:

— О, повелитель, защити меня от смертоубийцы и живодера, от этого трусливого воришки, вшивого бродяги, которого я столько раз спасала от петли, что у него волос в бороде больше не наберется! Ох я несчастная!

— Успокойся, Люфия! Не забывай, здесь нахожусь я, твой повелитель, и я разберусь в твоем деле! Расскажи про свою обиду, и увидишь, что на рассказ у тебя уйдет больше времени, чем у меня на расправу!

— О-о-о, как я его ненавижу, этого изверга! — Красотка подняла голову и тряхнула рыжими кудрями. — Чтоб я еще когда-нибудь разделила с ним ложе! Пусть прежде шакалы растерзают мое тело, которое он так разукрасил!

И она, вскочив, высоко задрала юбки. Ноги ее, в самом деле, украшали кровоподтеки и ссадины. Товарки, стоявшие за ее спиной, негромко запричитали:

— Ах, негодяй, так изуродовать прекрасную Люфию! Да его, подлеца, четвертовать мало!

Шафраст поднял руку, и женщины тотчас умолкли.

— Это твой дружок Афраш так постарался? — Его голос не предвещал ничего хорошего. — И за что же он тебя, о искуснейшая в своем ремесле?

Люфия опустила юбку и, всхлипывая, заговорила:

— Этот изверг, Афраш, обязан мне больше, чем родной матери! А он меня искалечил! О, мудрейший Шафраст, не подумай, что я дала ему какой-нибудь повод! Нет, нет! Избил он меня потому, что, продуввшись в кости, прислал ко мне мальчишку за пятью золотыми монетами, а я смогла дать только четыре. И то заработанные такими тяжкими трудами, что и ослице водовоза не снились! А он, в награду за мою любовь, решив, что я утаила от него часть денег, вывел меня сегодня вечером в рощу за городской стеной, раздел догола, взял пояс с железными пряжками и так отстегал, что я еле жива осталась! И подтверждение этому — синяки, которые ты ви-

дел, о повелитель! — И она снова бесстыдно задрала юбку.

Ее молодая подруга подошла сбоку и стала утешать, поглаживая по плечу:

— Ах, Люфия, успокойся! Ведь милый бьет — значит, любит, и когда эти паршивцы нас дубасят, стегают и топчут ногами, тогда-то они и обожают нас сильнее всего! Разве не правда?! Скажи-ка по совести: неужели Афраш после трепки не сказал тебе ни одного ласкового слова?

— Какое там одно! — со слезами воскликнула Люфия. — Он мне целый ворох ласковых слов наговорил! Думаю, не пожалел бы пальца со своей руки, чтобы я его простила и пошла вместе с ним! Мне даже показалось, что у мерзавца слезы из глаз брызнули после того, как он меня выпорол!

— Ну, а я даю тебе слово, прекраснейшая, что этот негодяй не выйдет отсюда живым, если не внесет штраф и не покается в своем преступлении! Как смел он дотронуться руками до лица и тела Люфии, с которой никто здесь не может спорить красотой и заработком? Где он, этот вонючий пес, немедленно привести его сюда! А вы встаньте вон там, у окна, пока я с ним разговариваю!

Гайяр почувствовал, как Исон толкнул его локтем, и услышал ехидный шепот:

— Могу поклясться чем угодно, что, когда Повелитель Хитрецов поднимет левую руку, рыжая красотка сама же кинется защищать своего обидчика! Вот посмотришь!

— Левую руку? А при чем здесь левая рука?
— Позже сам все поймешь! Ага, вот и Афра!

Карлик вывел на середину зала широкоплечего молодца, одетого с некоторым щегольством. Он выглядел, как подмастерье, отправившийся на базар тратить кровно заработанные денежки. Увидев его, Люфия снова запричитала в угол:

— Вот он, образина, палач невинных, пугало кротких!

— Ну, ты, обиженная, перестань! — Афра метнул в ее сторону быстрый взгляд.— Ведь я с тобой так нежно разговаривал! И сама же знаешь — если гнев во мне вскипит, второй раз будет хуже первого!

— Эй, бездельник, полегче! Ты что себе позволяешь в моем присутствии?! — Шафраст резко встал, и Афра невольно попятился.— Слушай, что я тебе скажу! За то, что попортил красоту несравненной Люфии, чей заработка гораздо больше тех жалких крох, что приносишь ты, тебе придется сейчас же встать перед ней на колени и попросить прощения! Кроме того, заплатишь ей десять золотых, и еще двадцать — мне. За то, что я трачу на тебя свое время... Иначе...— Он помолчал, злорадно улыбаясь, и стал медленно поднимать левую руку. Афра замер, не отводя округлившихся от ужаса глаз с перстня на указательном пальце Шафраста. Капельки пота заблестили на посеревшем лице шадизарца. Он рухнул на колени и пополз в сторону Люфии. Она, оттолкнув подружек, тигрицей кинулась к нему:

— Прощаю, прощаю! Уж больно ты горяч в гневе! О, Повелитель Хитрецов, я его простила, не карай его смертью! А деньги он принесет, клянусь всемогущим Белом! Опусти руку, господин, иначе мое сердце разорвется от страха!

— Так-то лучше! Ну, убирайтесь, и пусть войдут «барсы»! — Шафраст опустился в кресло.

Афра поднялся с колен и, покосившись на руку повелителя, снова опустившуюся на подлокотник, быстро попятился к двери. Следом за ним выскользнули женщины.

— Я вижу, наш новый друг хочет о чем-то спросить? — Повелитель Хитрецов повернулся к Гайяру, похлопывая левой рукой по затылку золоченого льва.— И я даже догадываюсь, о чем! Ну, говори же, я разрешаю!

— О великодушный, скажи, чего так испугался этот здоровяк, когда ты протянул к нему руку? Ведь в ней не было никакого оружия, а он уже подготовился к смерти!

— Ха-ха-ха, я вижу, ты наблюдателен! Эй, Исон, ведь турица Эрис, кажется, опять попался на старом? Где он сейчас?

— В подземелье, повелитель! Да, этот упрямец снова решил промышлять в одиночку, как тот бешеный киммериец, но быстро попался! Сидит теперь в каменном мешке и воет, как шакал.

— Так... Привести его сюда! «Барсы» подождут немного. Я хочу, чтобы юный Гайяр раз и навсегда понял, что значит в Шадизаре промышлять

самому. Еще этот проклятый киммериец... Его надо обязательно взять, взять живым! Ну, что встал, приведи сюда Эриса! А ты, уродец, иди за вином — эти красотки распалили во мне жажду!

Глава четвертая

Втихий предутренний час, когда по улицам, закончив дела, пробираются воры и любовники, в дверь постоялого двора на северной окраине вошел красивый мальчик. В зале таверны никого уже не было. Последний светильник догорал, чадя и мигая. Хозяин, позевывая, сидел у очага и лениво жевал лепешку. Нашедшего он даже не взглянул. Постояв немного у дверей, мальчик подошел ближе:

— Почтеннейший Фарус, ты меня не узнаешь?

— Узнаю, узнаю,— пробормотал хозяин, не поднимая головы,— садись рядом, выпей со мной... Ух, как гудят ноги и голова раскалывается! Когда уходят последние гости, мне хочется послать все в задницу и тихо умереть... А-а-ах, сейчас пойду спать... Когда я был молод, тоже колобродил до утра, а сна — ни в одном глазу. Ну, пошли, я покажу тебе комнату!

— Нет, ты все-таки не узнал меня, Фарус! Конан-киммериец здесь? Отведи меня к нему, и поскорее!

Хозяин сразу широко распахнул глаза и наконец повнимательней взглянул на мальчика:

— Ага, теперь вижу! Конечно, конечно, я тебя сразу узнал! Пойдем, киммериец сегодня у меня!

Два коротких удара, два длинных и опять два коротких. За темной дверью послышались шаги, раздался тихий шорох отодвигаемого засова, и Гайяр неслышно проскользнул в комнату. Киммериец высыпался за дверь, шепотом велел Фарусу принести еды и вина. Громко зевая и проклиная свое ремесло, хозяин поплелся на кухню.

— Садись, сейчас Фарус притащит вино, и поговорим. Ну, как тебе показалось в логове хитреца Шафраста?

— Знаешь, киммериец, на месте всех этих плутов и попрошаек я давно бы сбежал из Шадизара, иска удачи подальше от Повелителя Хитрецов! Они все его боятся и ненавидят, даже Исон, который каждый вечер сидит с ним рядом...

— Ха-ха-ха, Гайяр, хоть ты неплохо срезаешь кошельки и бросаешь кости, но сразу видно, что не живал среди плутов! Да они все готовы лизать сапоги любому, кто сильнее и удачливее! Но и продадут при первой же возможности! Поэтому я всегда работаю один... Ну, разве что с тобой я готов провернуть это дельце, а после — ты в свою сторону, а я — в свою. Кр-ром, а где же вино?! Этот мошенник Фарус, похоже, заснул в обнимку с кувшином! Ага, наконец-то идет! Стоит его только вспомнить — как он тут же появляется, как затычка из пивной бочки, если хорошенько грохнуть по дну!

— Сразу видно, киммериец, что ты с вечера недобрал! — Фарус, ухмыляясь, поставил на стол холодное мясо и кувшин с вином.— Иначе бы ты не тратил столько слов, поминая меня, недостойного! Я сейчас принесу еще вина и отправлюсь спать — а ты хоть всю таверну разнеси, пусть она горит ярким пламенем! В конце концов, кликнешь девчонок!

— Ладно, ладно, проваливай! За все заплачено, так что спи спокойно, пока никого нет!

Задвинув засов, Конан сел напротив Гайяра и налил себе вина:

— Ну, а теперь рассказывай, как тебя принял Повелитель Хитрецов. Тыфу, сказал бы я, чей он повелитель, да боюсь, твои щеки и уши покраснеют от стыда!

— Можешь не утруждаться, киммериец, счи-тай, что твои слова услышаны и я с ними согла-сен? Хоть я и прихожусь ему сыном, но он мне не отец! Права была Рафала, это чудовище с медовыми речами и камнем вместо сердца! Это скользкая змея, это...

— Ну, хватит, хватит, ему от этого ни жарко ни холодно! Так как он тебя принял?

И Гайяр начал рассказывать с самого начала. Киммериец то хмурился, то хохотал, громко стучал кружкой по столу:

— Знаю, отлично знаю этого Афала! Ха-ха-ха, отдал-таки он свою красотку! Теперь она еще крепче повиснет ему на шею, а уж жаловаться больше не побежит! Ха-ха-ха! Ну, а потом, ты говоришь, вошли «барсы»? Ты хоть знаешь, кто такие «барсы»?

— Нет, но...

— Должен знать, если не хочешь попасть впросак! Это опытные воры, украшение ремесла, мастера, которые промышляют по ночам, а днем отдыхают и веселятся. Они-то как раз и обделяют крупные дела вроде того, что наклевывает... Да, сапфиры, алмазы — это совсем неплохо!

— Нет, Конан, потом привели Эриса! Я сначала глазам своим не поверил, думал, это тебя схватили: такой же сильный, черноволосый... Только когда он поднял голову, я понял, что ошибся.

— Как, им удалось поймать Эриса?! — Конан, опрокинув лавку, вскочил из-за стола.— Единственный в этой своре, кто восстал против Шафраста! Один раз его припугнули, и какое-то время он был как шелковый. Потом ему все это надоело, и Эрис решил напоследок пощипать купцов, чтобы перебраться в Шадизар. Ну, болван, если дал себя поймать!

— Был болваном... Его больше нет. Какая, однако, страшная сила заключена в этом перстне! У меня до сих пор мороз пробегает по коже!

— Я вижу, Шафраст подбил одним камнем сразу двух ворон — от Эриса избавился, да и тебя как следует припугнул! Это он любит!

— Эрис выл и скулил, катаясь по полу, а Шафраст, смеясь, медленно поднимал левую руку. Черные стражники скрылись за дверью, карлик спрятался за складками тканей, даже Исон прижался к стене, зажмурив глаза, а Эрис, как загнанный зверь, метался из угла в угол, не сводя безумных глаз с его кисти. Мне кажется, в эти

мгновения разум покинул беднягу, и, если бы не крепкая веревка, стягивавшая ему руки, он все-таки успел бы вцепиться Шафраstu в горло! А тот все играл с ним, как кошка с мышью. И только тогда, когда Эрис подбежал совсем близко, оскалив зубы, как раненый тигр, Шафраст вытянул указательный палец и сделал легкое движение рукой. В тот же миг голова бедняги с глухим стуком упала на ковер... Тело сделало еще шаг, потом рухнуло у самых ног Повелителя Хитрецов. Стало так тихо, что я слышал, как стучали зубы съежившегося за моей спиной Иsona... Шафраст засмеялся и хлопнул в ладоши. Черные стражники вбежали в комнату, унесли тело и голову. Но знаешь, что еще удивило меня? Ни одной капли крови не пролилось на ковер, шея почернела и обуглилась, как будто поработал огненный меч...

— Да, бедняга Эрис! Теперь ты знаешь, почему Шафраста называют Повелителем Хитрецов, почему ненавидят и боятся? Ну, выпей, выпей, а то у тебя зубы стучат, как у дурачка Иsona, и рассказывай дальше! Меня интересуют «шмелей», он позвал их снова? Что они ему сказали про дом судьи?

— А дальше нечего рассказывать. Когда унесли то, что осталось от слушника, Шафраст сошел с возбуждения и долго стоял у окна. Иson, который к этому времени уже пришел в себя, тихо прошептал, что повелитель обдумывает крупное дело. Так, наверное, оно и было... Он тер лоб, глаза и что-то негромко бормотал, рас-

хаживая вдоль стены. Потом его взгляд упал на меня. «Ты все еще здесь?! — нахмурившись, воскликнул он.— Для начала ты видел и слышал достаточно! Ступай, завтрашний день принадлежит тебе; а добыча — мне! Вечером снова придешь сюда, тогда и узнаешь, что делать дальше! Эй, чучело, проводи мальчишку, и пусть войдут почтенные старцы!» В общем, меня без лишних церемоний выпроводили за ворота, и я, убедившись, что за мной никто не следит, отправился прямо сюда.

— Жаль, конечно, хотя и дураку ясно, что лишние уши в таком важном деле ни к чему. Значит, Великий Судья? Потайная ниша? Ха, пусть скиснет все молоко в Шадизаре, если этот убор достанется негодяю Шафрасту! Ладно, приятель, ложись спать, а мне тоже нужно кое-что обдумать! — И Конан, придвинув к себе кувшин, тут же забыл про Гайяра.

Вздохнув, мальчик сделал два шага до низкой лежанки и, засыпая на ходу, повалился на подушки.

Солнце, прокользнув лучом в узкое окошко, добралось наконец и до лица Гайяра. Он беспокойно повертел головой, словно пытаясь согнать надоедливую муху, сморшился и чихнул. Будто испугавшись этого звука, сон мгновенно отлетел прочь. А парень, высевшийся и полный сил, открыл глаза. Он был один, киммерийца уже не было.

В приоткрытую дверь заглянула улыбающаяся девушки:

— О, ты уже проснулся? Я в который раз заглядываю, а ты все спишь... Сейчас все принесу! — И, негромко засмеявшись, служанка исчезла.

— Ах ты вертихвостка, хватит вертеться у этой двери! — раздался сердитый окрик хозяина, и Гайяр порадовался, что уже проснулся. Хуже нет, когда разбудят таким вот хриплым, недовольным голосом!

А Фарус все не мог успокоиться:

— Сначала за киммерийцем увивалась, теперь на его приятеля заглядываешься, а вон за тем столом тебя дозваться не могут, коза! Ну-ка, быстро иди за вином, и чтоб я тебя здесь больше не видел!

Фарус зашел в комнату и поставил на стол небольшой кувшинчик:

— Вот, попробуй! Арузья киммерийца — мои друзья! Сейчас будет готов пирог с голубями, такого ты больше нигде не попробуешь, м-м-м! — И он, закатив глаза, поцеловал кончики пальцев.— Да, чуть не забыл, Конана сегодня не жди, раньше чем завтра утром не появится! Ну, я пошел за пирогом!

Усмехаясь, Гайяр налил душистого вина. Ого, хозяин расстарался и опять принес пунтенского! Да, таких постояльцев, как Конан, любят во всех тавернах!

Пирог с начинкой из голубей и впрямь оказался великолепным. Румяная корочка похрустывала, когда Гайяр отрезал огромные куски. Он и не заметил, как съел все, на блюде остались только крошки.

— Хозяин, когда за мной придет смерть, единственное, о чем я пожалею, покидая этот мир, так это о твоих пирогах! Вот, возьми, и мою благодарность в придачу! — Он положил на стол золотую монету.

— Что ты, что ты, за все заплачено! Хотя, пожалуй, я все-таки возьму ее, в придачу к твоей благодарности!

Гайяр, смеясь, хлопнул Фаруса по плечу:

— Ну ладно, я пошел! Наведаюсь к тебе завтра утром, а ты приготовь что-нибудь столь же вкусное!

Солнце уже приближалось к полудню. Немного постояв в тени глинобитного забора, Гайяр нахлобучил шапку и решительно направился в сторону базара. Просто так кошели с неба не валятся, а ему еще не раз придется доказывать хитрецу Шафрасту, каков он в деле.

Мальчик шел по узким улочкам, негромко настынивая. Всего лишь третий день, как он в Шадизаре, а кажется, что прошла целая вечность. Город стал знакомым и понятным. Еще немного, и он будет знать тут каждый закоулок не хуже тех, кто здесь родился и вырос.

Его обгоняли, толкая, женщины с большими корзинами, скрипучие двухколесные тележки, груженные всякой всячиной: глиняными горшками, яблоками, луком, абрикосами. Хозяева погоняли ослов, спеша доставить свой товар, пока на базаре еще много покупателей. Взгляд Гайяра лениво скользил по их лицам, спускался ниже, мимоходом ощупывая пояса. Нет, эта добыча его

не интересовала. Еще никогда в жизни он не унизился до того, чтобы обокрасть бедняка. Просто это уже стало привычкой: оценить с одного взгляда, к какому сословию принадлежит человек и есть ли у него деньги. О, тут чутье никогда не обманывало Гайяра! Он словно насквозь видел грязные пояса базарных попрошайек с защитными в них золотыми монетами, сразу чуял, где у купца спрятан кошелек, мгновенно отличал настоящие драгоценности от поддельных, не зря Рафала столько лет готовила сына к этому часу! И теперь он, Гайяр, никогда не чувствовавший влечения к воровству, с усмешкой смотрел вокруг себя, словно маг, видящий спрятанные под землей сокровища и не спешащий ими воспользоваться.

Это еще только боковые улочки, а ноги, ускоряя шаги, влекли мальчика к базару, где взгляду предстанут целые россыпи кошельков, припрятанных золотых монет, драгоценных браслетов и ожерелий. Базар, благословенный шадизарский базар! Кормящий голодных, обогащающий богатых, сверкающий золотом и серебром, переливающийся разноцветными шелками! У всех находится повод, чтобы хоть раз в день заглянуть сюда, пускай только ради того, чтобы потолкаться в толпе, прицениться к кинжалу в замысловатых ножнах, имея лишь дыру в кармане, выпить кружку кислого вина у бродячего торговца или съесть горячий кешаб с уличной жаровни.

Гайяр брел от лавки к лавке, ни на что не заглядываясь, позволяя толпе нести себя, как медленный поток несет и вертит легкую щепку.

Случай сам найдет его, а пока можно поглазеть на красавиц, выбирающих пестрые туранские шали, или постоять у широкого загона с лошадьми. Здесь, у невысокой ограды, всегда людно, как бывает и у помоста, где раз в седьмицу продают рабов. Но сегодня там пусто и тихо, зато здесь, у ограды, зеваки вперемешку с покупателями наперебой обсуждают достоинства тонконогих скакунов.

Мальчишки-конюхи по одной выводили всхрапывающих лошадей и останавливались перед помостом, сооруженным для именитых покупателей. Полотняный навес защищал их от солнца, низкие столики были уставлены кувшинами с вином, чашами с холодным шербетом, вазами с фруктами и сладостями. Гости не спеша наполняли кубки и степенно, не выказывая интереса, переговаривались между собой. Гайяр вздохнул — туда, на помост, ему не проникнуть, придется довольствоватьсь добычей поскромней. Он незаметно огляделся по сторонам: поношенные рубахи, простые кожаные пояса, неяркие халаты. Вдруг кто-то бесцеремонно толкнул его в спину:

— Эй, малец, подвинься, ты мне все поле загораживаешь!

Гайяр весь внутренне подобрался: вот она, сегодняшняя удача, сама идет в руки! Слегка повернув голову, он насмешливо взглянул через плечо:

— Полегче, полегче, почтеннейший! Разве ты не видишь, что я выбираю себе коня?!

— Ты-то? Коня?! Ха-ха-ха! А ну, подвинься, голодранец, это я собираюсь выбрать себе коня; а из-за твоей спины ничего не вижу!

— Э-э-э, дядюшка, не тебе с твоими заплатами называть меня голодранцем, меня, любимого сына купца Расата! И не тебе с твоим тощим кошельком равняться со мной! Отойди в сторону и не серди меня!

Гайяр прекрасно разглядел и узорный халат, и шелковый пояс, и дорогую шапку купца, с которым бранился. Он видел, как покраснели от гнева его глаза, заплыvшие жиром, как задрожали пальцы, унизанные кольцами:

— Ах ты щенок! Как видно, ты научился лгать еще в утробе матери! Нет, вы только послушайте — сын купца Расата! Да у него пять дочерей и ни одного сына! — От злости купец сопел и брызгал слюной.

Зеваки, забыв про лошадей, вовсю потешались над ним, а Гайяр все не унимался:

— Как раз два дня назад, почтеннейший, у него появился сын! И это я! А вон тот гнедой аргосский жеребец с белыми бабками мне подойдет — он легок на ходу, красив и вынослив! Его я, пожалуй, и куплю!

— Тьфу, молокосос! Да это лучший жеребец из конюшни Кирра и его куплю я!

— Где тебе! Это конь не для таких бедняков, как ты!

— Ах ты... Ах ты, дрянь, шакал и сын шакала! Да у меня денег хватит на десять таких жеребцов! А ну, подвинься, тебе говорю, ишачий помет! —

он сердито пыхтя, оттолкнул парня в сторону и ухватился за брус невысокой ограды.

Конюх, увидев, как он взмахнул рукой, подвел поближе жеребца-трехлетку. Недавно объезженный, конь был поистине великолепен: косил горячим лиловым глазом, грыз удила, показывая ослепительно белые зубы, скреб землю широким копытом.

Купец, торжествуя, воскликнул:

— Покупаю! Этот жеребец мой! — и, метнув на Гайяра злобный взгляд, пошел к воротам.

Гайяр лукаво посмотрел ему вслед и, не дожидаясь, пока купец ощупает свой пояс, скрылся в толпе. Пусть теперь покупает хоть целый табун!

Базар больше не интересовал Гайяра. Сегодня он сорвал свой золотой плод, который приятно оттягивал рубаху под левой рукой. Вокруг сновали, шумели, смеялись, горланили торговцы и покупатели, ревели заупрямившиеся ослы, звенели бубны и пищали дудки, а он быстро шел мимо толпы, ни на что не засматриваясь, лишь скользя по заманчивым товарам рассеянным взглядом. Теперь надо было где-то отсидеться до вечера, и мальчик решил вздрогнуть в одном из тенистых садов южной окраины. Прибавив шагу, он вышел на широкую улицу, потом свернул с нее направо и, пару раз оглянувшись, пошел еще быстрее. Улицы в этот час были пустынны — казалось, весь город толкался там, на базаре, лишь дети и немощные старики остались дома. Белый забор и крытая красной черепицей кровля привлекли внимание Гайяра.

Не задумываясь, он подпрыгнул и ухватился за толстую ветку платана, росшего там, за забором, и раскинувшего густой зеленый шатер над половиной улицы. Листья мешала осмотреться как следует, и мальчик ловко, как обезьяна, перебрался на другую ветку, поближе к дому. Тихо. Глухие стены и колючие кусты барбариса окружили крошечный дворик, мощенный разноцветными квадратными плитами. Из бронзового цветка, искусно установленного в небольшую мраморную колонну, тонкой струйкой лилась вода, наполняя каменную, позеленевшую от сырости раковину. Негромкое журчание воды — и больше ни звука, ни шороха. Гайяр хотел уже спрыгнуть на камни, но что-то заставило его прижаться к стволу, слившись с нагретой корой дерева.

За высокими кустами отчетливо послышались шаркающие шаги и негромкое бормотание. Наконец около фонтана из зарослей вышел дряхлый старик, бережно неся зажженный светильник. Гайяр во все глаза смотрел на него сверху, удивляясь. А старик присел на невысокую каменную скамью, поставил светильник рядом.

— Ух, хвала Светлым Богам, все убрались из дома! Давненько же я сюда не наведывался, видит Бел! Невестка, ненасытная змея, глаз с меня не спускает, все хочет дознаться, где я беру деньги... Ха-ха-ха, я даже сыну своей тайны не открыл и не открою! Так и умру... унесу все с собой! Пусть попляшут! Пусть весь дом разберут по камешку! Ха-ха-ха! — от смеха слезы текли по его сморщенным щекам, зеленая бархатная шап-

ка тряслась на седой голове, а он хлопал себя ладонями по коленям:

— Я им еще устрою, еще покажу! Пока мне не перевалило за восемьдесят, я могу взять в дом молодую жену! И судья скрепит запись, особенно если получит от меня золотой ларец в благодарность! О, тогда они узнают, кто здесь хозяин! Да, но я теряю время! Где тут голубой треугольник? Что-то плохо я стал видеть!

Старик присел на корточки, разглядывая узор из мелких камешков, выложенный вокруг фонтана. Гайяру с высоты все было видно, как на ладони, и голубой треугольник в каменной кладке он заметил сразу, как только о нем услышал. Наконец и старик увидел то, что искал. Трясущейся рукой он надавил на камешек, и белая плита в самой середине дворика беззвучно провалилась вниз, открыв темное отверстие с крутыми каменными ступенями. Так вот для чего был нужен светильник! Мальчик затаил дыхание, застыв на своей ветке и не сводя глаз с чернеющей под ним дыры.

Старик, кряхтя, осторожно стал спускаться по лестнице, держась свободной рукой за край отверстия. Как только голова в зеленой шапке скрылась в подземелье, Гайяр бесшумно соскользнул с дерева и оказался рядом с ним. Там, внизу, темнота мешалась с неяркими отблесками пламени, в каменных стенах эхом отражались звуки, делая громким бормотание старика:

— О, как не хочется стареть, имея все это! Видят боги, здесь хватит еще на десяток жизней!

Кх, я бы с радостью купил еще одну! О-о-о! Мои дед и отец — да будет им легко на Серых Равнинах — тоже, наверное, тосковали на закате жизни. Награбить столько золота, столько драгоценностей и в конце концов умереть, уйдя такими же голыми, как и явились на этот свет! — Он умолк, и послышался скрип открываемой крышки.

Гайяр словно сам видел огромные сундуки, доверху наполненные сокровищами, и старика, по самые локти погрузившего в них трясущиеся руки.

— Но я еще крепок, да, еще очень крепок. И мой ленивый непочтительный сын не получит ничего из моего богатства, как и его жена! Тьфу, прикидывалась такой овечкой... Нет, решено, я приведу в дом молодую жену, и пусть-ка они грызутся между собой! Ха-ха-ха! — Его смех гулко разнесся по подземелью.

Гайяр осторожно заглянул вниз и увидел, как старик пересыпает из сундука монеты в большую золотую чашу. Да, это была сокровищница, достойная какого-нибудь князя! Чтобы вывезти отсюда все богатства, понадобится целый караван. Сундуки, мешки, ларцы, золотые и серебряные сосуды, тюки дорогих тканей: все лежало вперемешку на светлом каменном полу. Тут не на десять, а на сто жизней хватит золота и драгоценных камней! Старик поднялся с колен, а Гайяр метнулся к дереву, словно быстрая ящерица. Мальчик снова вскарабкался на свою ветку и замер, наблюдая.

— Да, я уже не очень молод, но юная жена сама позаботится о том, чтобы поскорее подарить

мне сына! Ха-ха! — Старик, шатаясь под тяжестью ноши, поднимался по ступеням, весь во власти своих мыслей.— Вот начнется потеха, я буду обещать сегодня одно, завтра другое, то старшему, то младшему, и они наперебой станут меня ублажать! И как это я раньше не догадался! Ох, какая крутая лестница! Ну и тяжелые эти золотые монеты! — Он ткнул пяткой в голубой треугольник, плита встала на место, теперь ничто не напоминало о тайне, скрытой под камнями.

Старик с трудом взвалил на плечо большую расщепленную бисером суму и, еле переставляя ноги, скрылся за кустами. Снова в саду стало тихо, только журчала тонкая струйка воды да в ветвях старого дерева, словно птица, посвистывал мальчик.

Глава пятая

овость, которую ему принес этой ночью Гайяр, не была для киммерийца неожиданной. Он умел в любой базарной сплетне отделить ложь от правды, выдумку от истины. И о молоденькой жене Великого Судьи он слышал не в первый раз. Он знал, что старик с нетерпением ждет возвращения своих людей, посланных куда-то далеко с важным поручением. Сложить одно с другим не составляло труда, и вот теперь было сказано последнее слово — драгоценный убор. По правде говоря, Конан ожидал чего-то подобного и заранее кружил вокруг дома судьи, высматривая расположение покоя и приглядываясь к служанкам.

Обычно каждое утро две или три девушки выходили на базар за фруктами и зеленью. Они всегда направлялись к одним и тем же лавкам, где продавалось все самое лучшее и дорогое. Конан несколько раз попадался им на пути и успел обменяться с одной из них, пухленькой черногла-

зой Филотой, парой улыбок и многозначительных взглядов. Ей явно понравился могучий варвар с блестящей копной густых черных волос, с зовущим взглядом властных голубых глаз.

Киммериец вскочил и, потягиваясь, неслышно прошелся по комнате. Гайяр спал, по-детски разметав руки и приоткрыв рот. Покосившись на него, Конан усмехнулся и подошел к окну. Прокладно, светлело рассветное небо. Птицы, негромко попискивая, начали свою утреннюю возню в ветвях деревьев. Конан перелил в кубок остатки вина, одним глотком выпил его и тихо выскользнул за дверь. Он шел по утренним улицам и с усмешкой думал о том, что все-таки женщина — это самый лучший ключ, способный отпереть любой замок.

Потолкавшись по базару, среди обычной утренней суэты, киммериец подошел к лавкам, где служанки Великого Судьи каждый день покупали припасы. Немного подальше, на краю базара, располагались лавочки попроще. Там можно было купить все то же самое, и гораздо дешевле, но здесь, у богатых торговцев, в лавках с навесами из разноцветного полотна, покупали все знатные жители Шадизара. Их слуги приходили сюда по утрам, наполняли огромные корзины фруктами, выращенными в окрестных садах, отборными овошами, пряной зеленью с каплями воды на свежих листьях, сладостями, привезенными из разных краев, потом щедро расплачивались золотыми хозяйственными монетами, не забывая при этом и о себе.

Зазывалы, стараясь перекричать один другого, орали на разные голоса, расхваливая свой товар:

— Инжир, инжир, самый нежный, самый спелый! Подходи, попробуй!

— Сливы, сливы, только что с ветки!

— Абрикосы, персики, айва для княжеского стола!

— Травы, душистые травы, коренья, приправы!

Проворные мальчишки сгружали с тележек свежие овощи, раскладывая их в деревянные лотки и обрызгивая водой.

Конан стоял в стороне, поглядывая на проулок, откуда должны были появиться служанки старого Суммы. Он ждал довольно долго, рассматривая то пестротканые покрывала, то блюда с причудливой чеканкой, то позолоченные кубки тонкой работы. Но вот в толпе мелькнули яркие одежды девушек, и три служанки старого судьи, сопровождаемые двумя рабами с огромными корзинами, подошли к зеленым лавкам. Словно не замечая их, киммериец сделал шаг в сторону и остановился, загораживая дорогу. Его взгляд, казалось, не мог оторваться от сверкающих кубков и полированных блюд, а хозяин лавки готов был уцепиться за пояс варвара, не желая упустить покупателя:

— Да, киммериец, ты прав: на эти блюда лучше смотреть сначала вблизи, а потом издали! Как сияет на солнце позолота, как блестит это гладкое серебро! Нет, нет, не так далеко, теперь снова подойди поближе! Куда же ты, киммериец!

Но Конан, не обращая на него внимания, сделал еще один шаг и оказался прямо перед девушками. Тележка с овощами, он сам и хозяин посудной лавки — все вместе они загородили проход. Одна из служанок, сердито сдвинув брови, приостановилась и сказала:

— Кому-то из вас придется посторониться: либо тебе, варвар, либо почтенному купцу, либо этому ослу, впряженному в тележку! Ну, так кто же пропустит слуг Великого Судьи?!

Конан, улыбнувшись, повернулся к ней:

— Где ты, красавица, научилась так хмурить брови? У своего хозяина? Смотри, скоро превратишься в старуху... Ладно, ладно, не сверкай глазами, сейчас я отойду в сторону... Или ты предпочитаешь осла?

Две служанки за ее спиной тихонько фыркнули от смеха. Конан отодвинулся и словно ненароком коснулся обнаженной руки Филоты, не сводившей с него восхищенных глаз. Ее щеки вспыхнули ярким румянцем, и девушка невольно замедлила шаги. Подруги тем временем скрылись в прохладной глубине лавки, следом за ними вошли носильщики со своими корзинами.

Филота решила было последовать за ними, но рука киммерийца крепко сжала ее запястье:

— Не спеши... Я искал тебя, девушка! Слушай меня внимательно! Сегодня вечером я приду к тебе. Ведь ты будешь ждать, правда? — И он притянул трепещущую Филоту к своей груди.

— Отпусти, киммериец, они сейчас выйдут из лавки! Я тебя совсем не знаю... Нет, тебе не стоит

приходить! — растерянно забормотала она, не пытаясь, однако, вырваться из могучих объятий киммерийца.

— Вот и отлично, мы оба узнаем друг друга получше! Когда зайдет солнце, я буду у задней калитки. Ведь ты позаботишься о собаках, красавица? — Он нежно приподнял за подбородок раскрасневшееся лицо девушки и заглянул в сияющие глаза.

— Да... Нет... Ничего не знаю. Не уходи, не уходи, киммериец, я буду ждать тебя, только не у задней калитки, а у другой, той, которая выходит на улицу Гранильщиков!

— А где там калитка? Я что-то ее не видел!

Служанка тихонько рассмеялась, прижавшись бедром к ноге Конана:

— Поищешь и найдешь! Раздвинь побеги плюща, свешивающегося со стены, как раз там и есть калитка!

— Ты не только красива, но и умна! Так я приду вечером, а к утру ты будешь знать меня хорошо, очень хорошо! — Он крепко сжал ее плечи, и Филота, дрожа, зажмурилась.

Когда она открыла глаза, киммерийца уже не было рядом. Сердце гулко стучало в груди, и девушка еще несколько мгновенийостояла неподвижно, гадая, случилось ли это с ней наяву или только пригрезилось. Но тело все еще трепетало, помня властное прикосновение могучих рук варвара. Девушка улыбнулась, прижала ладони к пылающим щекам и поспешно вошла в лавку.

Прозрачные сумерки опустились на город, когда Конан, сливаясь с тенями, незаметно пробрался к высокой стене на улице Границщиков. Днем сюда приходили солидные заказчики, чтобы неспешно выбрать драгоценные камни, оправу или купить украшения, зато вечером и ночью здесь всегда было пустынно и тихо. Глухие стены и крепкие ворота охраняли покой мастеров, а свирепые псы, выпущенные на свободу, готовы были разорвать всякого, кто осмелился бы перелезть через ограду.

Всякого, но Конан не был этим всяким. И ему ничего не стоило проникнуть в сад, окружавший дворец судьи, перемахнув высокую каменную стену. Свирепые псы тоже не пугали его: есть кинжал, есть отрава... Но всегда гораздо надежней иметь в доме, где ждет добыча, сообщника, пусть даже и не догадывающегося об этом.

Киммериец неслышными шагами двигался по пустой улице, направляясь к небольшому тупику, где стена сплошь заросла жесткими побегами плюща. Девчонка сказала, что здесь есть калитка. Конан уцепился за глянцевитые листья и с удивлением почувствовал, как вся зеленая завеса легко поддалась его усилию, подобно тяжелому пологу над ложем.

Так и есть! В смутно белеющей стене была видна низкая калитка. Придерживая одной рукой шуршащий плющ, Конан нашупал массивную ручку и повернул ее. Легкий скрежет металла показался грохотом в тишине сумерек. Но дверца, скрипнув, неожиданно легко приоткры-

лась. На всякий случай скав рукоять кинжала, киммериец еле слышно спросил:

— Ты здесь, Филота?

Ответом ему был легкий вздох и быстрый шепот:

— Да, да, я жду тебя, давно жду! Прикрой калитку и иди за мной. Нас никто не услышит: в доме все спят, а собаки крепко заперты!

В стущавшейся темноте неясным белым пятном выделялось испуганное лицо девушки. Киммериец привлек ее к себе и жадно поцеловал.

— Ну, ты, кажется, хотела узнать меня поближе? Тогда веди, я твой гость! — И он легонько подтолкнул служанку в сторону дома.

— Нет, нет, не туда! О, как страшно ночью без факела! Я вся дрожу!

— Не бойся, ведь с тобой я! Так куда же нам идти — или мы до утра простоим у калитки?

— Тише, киммериец, хоть я и позабыла, чтобы все спали, но мне как-то тревожно! — Голос девушки задрожал. — Дай мне руку и иди за мной, вот по этой дорожке, мимо лавров... Не споткнись, дальше будут ступеньки!

Конан усмехнулся: он наизусть знал здесь каждую дорожку, не зря было потрачено столько времени, чтобы из чужих садов, с густых корявых деревьев высмотреть все закоулки этого двора, сосчитать все ступени! Они пошли по боковой тропинке — значит, Филота жила в большой пристройке, соединявшейся с покоями судьи широкой крытой галереей. Ну что ж, это было на руку варвару.

Филота быстро шла впереди, изредка задевая рукавами ветки кустов. Киммериец, как тень, следовал за ней. Да, влюбленная женщина перехитрит и бога, и демона, не то что старого судью! Интересно, куда она загнала огромных сторожевых псов, бесновавшихся днем на заднем дворе?

— Вот мы и пришли! Осторожно, не задень эти вазы, хозяину их привезли из Кхитая, и он велел пересадить сюда свои любимые мелкие розы. Вдруг ты неловко двинешь плечом... — В темноте было видно, как блеснули в улыбке ее зубы.

Конан подхватил девушку на руки и быстро взбежал по ступенькам:

— Ну, говори, куда дальше! Даже с такой ноской я ничего не задену, можешь мне поверить!

Он прошел почти всю галерею, когда наконец Филота прошептала ему на ухо:

— Сюда... Толкни эту дверь, моя комната здесь!

Дверь неслышно отворилась, и Конан опустил девушку на пол. Она быстро задвинула засов, обвила руками его шею:

— Ах, киммериец, поцелуй меня еще: потом я налью тебе вина, потом... — Она не успела договорить, как он вновь подхватил ее на руки и понес к ложу.

В самом углу небольшой комнаты на низком столике горел медный светильник, его крошечный огонек играл дрожащими отблесками на серебряном кувшине и кубках. Рядом стояли блюда со всевозможными лакомствами и сладостями.

Конан снял широкий кожаный пояс и положил его рядом с ложем, на пеструю циновку, сплетен-

ную из мягких волокон суй. Полулежа на подушках, Филота смотрела на своего киммерийца, грудь ее высоко вздымалась под легким шелком платья:

— Скажи мне, как тебя зовут? Я не хочу любить незнакомца! Ну, иди же ко мне, я так ждала этой ночи!

— Кр-ром! Как ты хороша! — прошептал Конан, легко поглаживая обнаженные плечи девушки. Она торопливо развязала пояс, и легкое платье соскользнуло на пол.

На какое-то время киммериец забыл, зачем он здесь и что его на самом деле привело в дом судьи. Он не знал и не помнил ничего, кроме жаркого тела, неистово отдающегося его ласкам. Сдерживая стоны и кусая губы, Филота то впивалась ногтями в плечи варвара, то, на мгновение обессилев, замирала, в блаженстве прикрыв глаза. Конану вдруг захотелось забыть о драгоценном убore и остаться здесь до утра, но короткая, как вспышка молнии, мысль о Шафрасте мгновенно охладила голову киммерийца. Утомленная девушка лежала рядом, глядя на него счастливыми глазами:

— Такого, как ты, у меня еще не было... Тебя зовут Кром, да? — лепетала она, улыбаясь. — Я хочу вина, пододвигни поближе столик. Вот так. А теперь расскажи о себе...

— Ну, самое главное обо мне ты уже знаешь, — усмехнувшись, ответил Конан. — Лучше ты расскажи что-нибудь, ну, хотя бы, что ты сделала с собаками? И почему в доме все спят? Неужели и сторожа?

— Ты что, мне не веришь?! — Она приподнялась на ложе.— Конечно, спят! И сам судья, и его новая жена, перед которой он ходит на цыпочках! Ха-ха-ха! Я им всем сегодня подмешала в кушанье и вино чудесный порошок. Даже если их кольнуть кинжалом, они все равно до утра не проснутся! А собаки сидят в погребе, я их утром выпущу, и никто ничего не узнает...

— Филота, я или выкраду тебя у судьи, или буду приходить сюда каждую ночь! Во всем Шадизаре нет такой, как ты! Надо же: весь дом спит, и судья, и стражи! Слушай, а правду говорят на базаре, что молодая жена не подпускает к себе Великого Сумму?! — Конан взял со столика спелый персик и протянул его девушке.

Надкусив сочный плод, она поудобней устроилась на его плече и с удовольствием начала перемывать косточки своим хозяевам:

— Ох уж эта Нарзиз! Хозяин только и ходит за ней по пятам: «Красавица моя! Душа моя! Чего ты хочешь — только скажи!» А она фырчит на него, как кошка, да отворачивается. Зато вчера...— Филота приподнялась на локте.— Дай мне еще персик!

— Сначала скажи, что вчера? Вот, вот он, персик, но не дам, пока не скажешь!

Девушка вскочила на колени, пытаясь дотянуться до его поднятой руки. Персик полетел на пол, а их губы вновь слились в поцелуй.

— Ах, Кром, ты ведь придешь ко мне завтра? И послезавтра?

— Приду, приду... А все-таки что было вчера? Ты, наверное, уже все забыла! — подзадорил ее Конан, взяв с большого блюда другой персик.

— О, вчера! Эта гордячка недолго будет ломаться! Судья ей такое купил, такое... Я, правда, сама не видела, но слуги говорят, это старинный драгоценный убор. Он лежит в таком розовом ларце...

— А ты откуда знаешь, что в ларце? Вот тебе персик, и рассказывай дальше! Твой голос — как песня скворца!

Филота польщенно улыбнулась:

— И судья говорит то же самое: «Ты щебечешь, как птичка!» Ух, как мне не нравится эта Нарзиз!

— Признайся, пока он ее не привел, ты помогала судье коротать ночи? — спросил Конан.

— Ну, ты хочешь знать слишком много... Лучше послушай про ларец. Я сама видела, как он ставил его в потайной шкаф. Представляешь, киммериец, я бы в жизни не подумала, что это тайник! В той комнате, где он по утрам курит кальян и обдумывает сложные тяжбы, простенок украшен выпуклыми листьями из зеленого камня. А у самого крайнего отбит маленький кусочек, я однажды даже оцарапала руку, когда вытирала пыль. И вот этот лист поднимается вверх, а там...— Она говорила все тише и тише, изредка взмахивая ресницами, пока наконец сон не сомкнул ее губы и глаза. Конан осторожно отодвинулся и тихо встал на циновку. Как он и думал, тайник находится в комнате, где судья проводит

большую часть своего времени. И как раз отсюда, с галереи, совсем нетрудно туда проникнуть... Он поспешно оделся и задул светильник.

Прохладная темнота ночи обступила его со всех сторон. Густые россыпи звезд горели обманчивым светом, от которого здесь, на земле, мрак казался только гуще. Но, как дикому зверю во тьме не нужны ни факелы, ни луна, так и варвару достаточно было острых глаз и врожденного, никогда не подводившего его чутья. Он немного постоял, прислушиваясь: сад словно замер, даже неугомонные цикады как будто заснули вместе со всеми обитателями дома. Конану опять захотелось махнуть рукой на этот убор, перескочить через ограду и, ни о чем не думая, отправиться в таверну к Фарусу. Но Шафраст!

Если сегодня Конан отступит, завтра убор достанется этому негодяю, величающему себя Повелителем Хитрецов! А как он будет похваляться своей удачей! Нет, просто эта девчонка утомила его своими ласками! Удивительно, зачем старому судье понадобилась молодая жена, когда у него под боком такая штучка!

Конан усмехнулся и решительно пошел вперед. Всего три двери отделяли его от внутренних покоеv, и — о, чудо! — две из них не были заперты. Зато с последней дверью киммерийцу пришлось изрядно повозиться. «Такие двери хороши для темниц!» — ворчал варвар, орудуя зазубренным крючком. Наконец ему удалось зацепить массивный брускок запора, киммериец осторожно толкал его тончайшим стальным лезвием, пока

наконец дверь бесшумно не распахнулась. Несколько легких шагов, и он оказался около простенка с выпуклыми каменными листьями. Филота сказала — крайний... Тот, что справа, — гладкий, без малейшей трещины, а у того, что слева, действительно, есть маленький острый скол. Ну и мудрец этот судья! Конан чуть было не рассмеялся в полный голос. Такие тайники устроены чуть ли не в каждом богатом доме, только везде разные украшения: где-то нишу закрывает оскаленная морда бронзового льва, где-то круглый щит или еще какая-нибудь немудреная штуковина. Чуткие пальцы ощупывали холодный камень, отыскивая скрытую пружину. Рука везде натыкалась на гладкую поверхность, пока не нашупала крошечный шероховатый выступ. Вот и весь секрет! Теперь осталось посильнее нажать, и сокровище окажется в его руках.

Каменное украшение беззвучно поднялось вверх, и в открывшемся неглубоком отверстии Конан сразу же нашупал ларец. Больше в тайнике ничего не было. Пальцы еще раз нажали на выступ, ниша закрылась. Прижав к груди добычу, Конан выскользнул за дверь и несколькими ловкими движениями снова запер замок: закрывать всегда легче, чем открывать.

Тонкий серп молодой луны, словно запутавшись в густых ветвях, слабо высветил стойки и перила террасы, огромные вазы и свисающие из них цветы. Не вытерпев, Конан достал из-за пазухи ларец и на мгновение приоткрыл крышку. Да, только сапфиры и алмазы могут так

сверкать, воврав в себя призрачный лунный свет и вернув его ослепительными лучами. Он бережно закрыл крышку, снова убрал ларец за пазуху. Медленно спустившись по ступеням, киммериец вдруг весь подобрался и замер: в кустах справа ему почудился подозрительный шорох. Рука мгновенно выхватила из ножен меч, но в тот же миг киммериец получил сокрушительный удар по голове. Все поплыло у него перед глазами, вспыхнули и погасли багровые круги, варвар пошатнулся. Но замешательство длилось всего лишь пару ударов сердца, Конан, тут же прия в себя, резко взмахнул мечом. Сдавленный крик, предсмертный стон — и его противник упал, с треском ломая кусты.

Слегка пригнувшись, Конан отскочил в сторону. Теперь его уши явственно слышали тихий шорох крадущихся шагов, шепот отдаваемых приказаний. Он в ловушке, он окружен! Здесь, на узкой тропинке, заросшей по краям густыми кустами, ему некуда деваться: там, впереди, у ступеней маячат две или три фигуры, а слева, ближе к стене, под ногами врагов скрипит песок. Ветви кустов вздрагивают, там тоже полно людей... Выходит, девчонка его предала?! Нет, не может быть! Конечно, женщины лживы по своей природе, но тут что-то не так!

Обрывки мыслей вихрем проносились в мозгу, глаза мгновенно оценивали ситуацию. Пожалуй, лучше всего отступить к стене, хоть она и высока, но бывало и хуже... А можно попробовать по-другому...

Как материый волк, со всех сторон обложенный охотниками, киммериец стоял посреди дорожки, скав меч и напружинив ноги. Похоже, его враги растерялись или струсили, выжидая более удобного момента.

Схватив в левую руку кинжал, Конан с коротким рыком одним прыжком преодолел расстояние до ступеней, ведущих на галерею. Ему на встречу сверкнули лезвия трех мечей, и сталь скрестилась со сталью. С треском разбились драгоценные вазы, подломились хрупкие перила, и Конан погнал своих противников вперед, всей спиной чувствуя опасность, приближавшуюся сзади. Все-таки никто в Шадизаре не мог устоять против его меча, это он знал твердо. Он сразу понял, что сражается с черными наемниками Шафраста, понял в тот самый миг, когда мечи, столкнувшись, высекли первые искры.

В конце галереи приоткрылась дверь, раздался тихий женский вскрик, и дверь снова захлопнулась. Клинок киммерийца, отразив удар, вошел в горло одного из нападавших. Хрипя и захлебываясь кровью, он упал под ноги остальных, а Конан в тот же миг перемахнул через перила, надеясь добежать до раскидистого дерева, что возвышалось над черепичной кровлей пристройки.

Но, похоже, этой ночью весь сад кишел людьми Повелителя Хитрецов. Да, это была настоящая облава! У дерева киммерийца поджидали, и не успел он еще приблизиться к могучему стволу, как на него сверху упала толстая веревочная сеть.

— Заходи! Заходи слева! — послышались приглушенные голоса, а из темноты к нему метнулись две тени. Конан рванулся, лишенный возможности размахнуться, но ему все же удалось рассечь прочные волокна. Рука с мечом оказалась на свободе, и клинок со свистом опустился на чью-то голову:

— Кр-ром! Вот тебе, получай! А теперь ты, негодяй! — Опутанный сетью, Конан яростно отбивался, не подпуская к себе противников, обступивших его со всех сторон. Он чувствовал, что веревки, опутавшие ноги, не дадут ему сделать больше одного-двух шагов, и это удвоило его ярость: — Ну, кто еще, Нергалье отродье!

Внезапно веревка, дернувшись, стянула лодыжки, а с ветвей дерева на киммерийца спрыгнули трое, мгновенно замотав его голову плотной тканью. На руке, сжимавшей кинжал, повисли всей тяжестью несколько человек, и лишь меч вслепую пытался достать противников. Конан ворочался, как огромный медведь, в которого вцепились собаки, пытаясь стряхнуть с себя врагов. А их было много, очень много, похоже, Шафраст притащил в этот сад всю свою свору.

Вдруг киммерийца сильно ударили под колени чем-то тяжелым, и он, потеряв равновесие, тяжело рухнул на дорожку. Падая, варвар почувствовал, как проворные руки быстро обмотали толстую веревку вокруг его правого запястья и бесполезный меч выпал на песок.

— Ну, вот теперь можно и поговорить, киммериец! — раздался совсем близко резкий насмешли-

ый голос.— Ведь ты уже никуда не торопишься, лежи себе и слушай! Слушай меня, Повелителя Хитрецов!

— Повелителя Навозной Жизни, ты хочешь сказать! Мне не о чём с тобой говорить, мразь! — хрюплю прорычал Конан, ворочая головой под складками ткани, жесткие узлы веревочной сети царапали лицо, и это усиливало бессильную ярость варвара. Проклятье, он все-таки попался! Попался на блестящую приманку, и чутье, никогда его не подводившее, на сей раз все-таки подвело! Хотя нет, не подвело, оно предостерегало, но желание насолить Шафраstu оказалось сильнее! И вот он, Конан, лежит на земле, под ногами врага, беспомощный, как сплененный младенец. Киммериец скрипнул зубами и снова рванулся, пытаясь подняться.

— Быстро! Связать ноги и руки, заткнуть рот, чтобы не поднимал шума, и ко мне! — жесткий голос властно отдавал приказания.— Унести этих, убрать все следы крови! Жаль, вазы разбиты и перила проломаны, ну, да это мелочи! И еще...— Конан услышал, как Шафраст шепотом приказал еще что-то.. Тяжелые шаги затопали по дорожке в сторону галереи.— Ты хорошо поработал для меня, киммериец, и, если будешь благоразумен, я даже награжу тебя! А сейчас возьму то, что принадлежит мне, ведь ты послушно выполнил мой план, и не более того! Ха-ха-ха!

Рука Повелителя Хитрецов уверенно скользнула под сеть и, разорвав рубаху, вытащила ларец. Было слышно, как восхищенный вздох

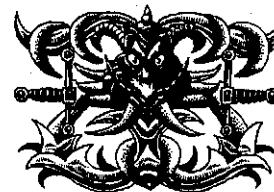
вырвался из его груди. Полюбовавшись камнями, шадизарец с легким стуком захлопнул крышку:

— Да, это редкостная добыча! Ну ладно, медлить больше нельзя! Несите его и делайте, как я сказал!

Конан снова забился в руках своих врагов, пытаясь вытолкнуть изо рта грязную тряпку. Сгибаясь под тяжестью сопротивляющейся ноши, черные гиганты поволокли варвара к калитке в зарослях плюща. Вокруг по-прежнему было тихо. В доме судьи все продолжали спокойно спать.

Глава шестая

вечеру Гайяром овладело странное беспокойство: он бродил по городу, нигде не останавливаясь, смотрел вокруг — и словно ничего не видел. Наконец мальчик присел в нише обшарпанной стены, окружавшей красильню, и прикрыл веки. Тревога, будто дождавшаяся этого момента, тут же выросла в огромное чудовище и замаячила перед глазами черным демоном, оскалив окровавленные зубы. Мальчик отчаянно затряс головой, отгоняя наваждение. Он крепко прижал кулаки к зажмуренным глазам и зашептал:

— Что это? Что это, Рафала?! Я ничего не понимаю! Подскажи, если можешь, помоги!

И снова отвратительный демон заплясал перед глазами, но на этот раз когтистые лапы сжимали бьющуюся добычу, из раскрытой пасти капала слюна... И этой добычей, яростно извивавшейся в чешуйчатых тисках, был... Гайяр зажмурился еще сильнее и невольно вскрикнул:

это был Конан-киммериец, единственный его союзник и, может быть, друг! Значит, это ему угрожала опасность! Шадизарец вскочил, собираясь бежать, но куда? Что он мог сделать один, с жалким кинжалом за поясом, чтобы спасти могу-чего киммерийца? И от чего его нужно спасать? Тугой обруч мучительной боли стиснул виски, Гайяр, пошатываясь, побрел вперед, не разбирая дороги. Солнце скрылось за городской стеной, а небо, полыхавшее закатным золотом, скоро станет бледно-зеленым, потом синим... Под ногами заскрипели трухлявые мостки. Мальчик, словно очнувшись, увидел, что направляется к таверне Облезлого Гамара. Но было еще слишком рано, чтобы туда идти. В это время Пустынька казалась вымершей, никто не спешил в притоны и не торопился обратно в город. Тощие собаки лениво обнюхивали чахлую траву и медленно трусили дальше.

Обруч, стянувший голову, внезапно раскололся, и в этот миг Гайяр понял, что делать дальше. Тревога, свернувшись в клубок, притихла в душе, словно маленькая ядовитая змея. Вот проулок, ведущий к воротам таверны. А вот заросшая пыльной акацией узкая тропа, огибающая высокий забор. Не раздумывая, паренек нырнул в кусты и, крадучись, стал пробираться вперед. За острыми кольями забора торчали покосившиеся кровли жалких построек. Наконец, дойдя до заброшенного колодца, вода в котором пересохла лет сто назад, мальчик увидел, что дальше начинаются совсем уж ветхие трущобы. Кособокие

домишками, ничем не огороженные, соседствовали с кучами гниющего мусора. Худые куры разгребали отбросы, выискивая хоть что-то съедобное.

Встав на край колодца, Гайяр перемахнул через высокий забор. Здесь, как и снаружи, в изобилии росли чахлые кусты и высокий репейник. Присев на корточки и слегка раздвинув ветки, Гайяр огляделся.

Да, он оказался как раз там, где рассчитывал,— напротив узких, закрытых ставнями окон той комнаты, где он был прошлой ночью. Той самой комнаты, где Повелитель Хитрецов восседал в своем золоченом кресле, карая, милуя и собирая дань. Еще тогда, сидя на подушках рядом с Исоном, Гайяр, разглядывая роскошное убранство, заметил, что драгоценные ткани прикрывают простые стены, оббитые гладкими дубовыми досками. Под окнами эти доски не были затянуты драпировками. Вчера эта мелочь его просто позабавила, а сейчас он был готов благодарить богов за такую удачу.

Здесь, во дворе, было тихо, только с улицы доносился далекий лай собак. Быстро перебегая от куста к кусту, Гайяр оказался под самым окном. Полузасохшие ветви сомкнулись за его спиной, и он приник глазом к щели в рассохшемся ставне. Светильники уже горели, но Повелителя Хитрецов в комнате не было. Пустое золоченое кресло одиноко возвышалось под пышным балдахином. Гайяр подождал немного, выискивая карлика за темными складками. Но нет, ткань не шелохнулась, комната была пуста.

Не теряя больше времени, мальчик выудил из потайного кармана маленький сверток. В нем оказалось несколько странного вида железок, и он ловко приладил одну к другой. Выбрав место как раз под щелью, шадизарец воткнул острый конец в темную доску. Проворные пальцы быстро крутили маленькую изогнутую ручку, и сталь беззвучно вгрызлась в дерево. Через несколько мгновений парнишка вытащил свой диковинный инструмент и с удовлетворением полюбовался результатом: прямо под окном чернело аккуратное круглое отверстие. Гайяр встал на четвереньки и заглянул в него — середина комнаты была видна, как на ладони, правда не так хорошо, как в щели ставня, но ведь и отверстие ему понадобится совсем для другого. Поискал под ногами, он без труда нашел трухлявую деревяшку, слегка подстрогал ее кинжалом и воткнул в дырку, словно затыкая бочку с вином.

Деревянная постройка, около которой притаился Гайяр, соединялась крытым переходом с приземистым каменным строением, сильно смахивавшим на большой амбар. Окна, такие же узкие, как и в тавerne, не были закрыты ставнями, и мальчику вдруг страшно захотелось заглянуть внутрь. Но уже почти стемнело, со стороны ворот доносились негромкие голоса, и шадизарец понял, что пора уносить ноги. Он и так был немало удивлен, не встретив во дворе ни одного из телохранителей Шафраста. Не хотелось искушать судьбу лишь для того, чтобы удовлетворить свое любопытство.

Гайяр беззвучно прокрался к забору. Мгновение — и он спрыгнул с другой стороны, прямо на край старого колодца. Сделав большой крюк через свалку, мальчик вновь оказался у поворота к Пустыньке. Снова заскрипели под ногами старые мостки и тошнотворно запахло нечистотами. Мальчик прибавил шагу и у самых ворот нагнал компанию носильщиков с большими корзинами. К его удивлению, вместо дюжего часового у ворот стоял давешний карлик. Оглядев каждого из них цепким взглядом, он, не говоря ни слова, кивнул головой и махнул крошечной ручкой в сторону таверны. Удивленные мальчишки, не пройдя и трех шагов, зашептались:

— Ну и дела! Сам Коротышка у ворот! Что еще задумал Повелитель Хитрецов?! Такого не бывало!

— Ох, не хочется мне сегодня туда идти! Видит Бел, скоро я навсегда покину Шадизар!

— Да, Мирх, стало совсем уже невмоготу... Ну, ладно, ладно, пошли, мы тут не одни: видишь, сзади этот новичок стоит и, наверно, подслушивает!

Тревожно оглядываясь, мальчишки скрылись за дверью таверны. Немного помедлив, Гайяр вошел вслед за ними. То, что он увидел в грязном зале, привело парня в замешательство. Притихшая было тревога вновь, зашипев змеей, подняла свою голову. Харчевня была наполовину пуста, за столами сидели лишь мелкие воришки, старики и размалеванные девки. Даже у дверей, ведущих в покой Шафраста, на этот раз не стояли

грозные стражи. Было видно, что люди Повелителя Хитрецов напуганы этим обстоятельством больше, чем обнаженными мечами черных наемников.

Гайяр присел к длинному столу, поближе к двери. Хозяин, Облезлый Гамар, мелькнул в дальнем конце таверны и скрылся за дверью. Никто не разносил вино, не ставил на столы мясо и лепешки. Девчонки-прислужницы тоже куда-то попрятались. Напряженная тишина повисла над пустыми столами, но вдруг тяжелая дверь открылась, пропуская нелепую фигуру в засаленном халате. Вздох облегчения пронесся по таверне, раздались даже негромкие приветственные возгласы, а Исон, выступив вперед, важно поднял руку, явно подражая своему повелителю:

— Тихо, вы! Я, Исон, буду говорить! Повелитель Хитрецов, наимудрейший наш господин, приказывает...— Он помолчал, оглядывая напряженные лица.— Приказывает... всем разойтись, не поднимая шума! Ой, что это вы все скисли?! — закричал он совсем другим голосом, и его правый глаз задергался, подмигивая.— Повелитель велел передать, что вся сегодняшняя добыча принадлежит вам, а вот еще кошелек на пропой, только проваливайте поскорее, и без лишнего шума! Ты, Неркис, раздели деньги и проследи, чтоб никто не передерался!

Напряженное ожидание мгновенно сменилось бурными криками восторга:

— Хвала Повелителю Хитрецов! Да будет его удача и с нами на веки веков!

— Исон, постой, ты куда, не смазывай свои пятки салом, присядь и расскажи, что случилось. Поведай, не задумал ли мудрейший Шафраст жениться?!

— Все, что вам нужно знать, вы уже знаете! Дела Повелителя Хитрецов — это только его дела, а мы лишь слуги повелителя. Так что не распускайте языки и побыстрее чешите отсюда, пока я не передумал и не забрал кошель обратно. Правильно, Неркис, иди первым, а остальные пойдут за тобой, как кобели за сучкой... Ха-ха-ха! Быстро, быстро, не задерживайтесь!

Харчевня опустела в мгновение ока, и за спиной Гайяра громко лязгнул засов. Карлик у ворот, держа в руке маленький факел, терпеливо ждал конца дележки. Наконец пустой кошелек исчез за поясом Неркиса, а недоумевающие, но вполне довольные подданные Повелителя Хитрецов вышли на темную улицу. Старики зашептались:

— Смотри-ка, Коротышка и ворота сразу запер! Куда они все подевались? Ни «барсов», ни стражи, ни самого Шафраста!

— А может, они там, во втором дворе?

— Как же, говори, во втором дворе! Когда они там, всегда слышен говор, лязг оружия. Вечно они сцеплятся по пустякам, дикий народ, эти черные! А сейчас везде тихо, как в могиле! Нет, поверь старику, в том дворе пусто, да и в самом доме, я думаю, тоже! И уверен: сам Шафраст сегодня пошел на крупное дело! И даже догадываюсь, на какое...

— Ш-ш-ш! Догадываешься, так молчи! — прошептал другой старик, толкнув первого в бок.— Голова целее у того, кто мало говорит и много слушает! Пошли лучше выпьем! У толстушки Наниты нас всегда ждут!

Гайяр медленно шел позади всех, чутко прислушиваясь к тихим разговорам, но у поворота люди Шафраста стали расплзаться в разные стороны. Шмыгнув за кусты, он осторожно пробрался к знакомой тропинке. Совсем стемнело, и узкий месяц, как и вчера, только делал вид, что светит. Вот и колодец. Там, за забором, по-прежнему тихо.

Острые колья ограды торчали высоко над его головой. Вынув из-за пазухи прочный длинный жгут, сплетенный из тонких полосок кожи, мальчик набросил его на один из столбов и легко подтянулся. Осторожно перебравшись на другую сторону, он повис над землей и мягко спрыгнул в траву. Здесь так же никого не было. Подобравшись к облюбованному окну, Гайяр заглянул в щель.

Комната все еще оставалась пустой. Мальчик тихо вынул затычку и посидел некоторое время, прислонившись к стене. Его продолжало неудержимо тянуть к каменной постройке, хотелось заглянуть в одно из темных окон.

Но окна недолго оставались темными. Мелькнул огонек, и кто-то стал зажигать светильники. Словно песчаная змейка, мальчик осторожно подполз к крайнему окну и, присев на корточки, заглянул внутрь. Тоненькая девушка в синем

платье, которую он вчера видел в таверне, ходила от светильника к светильнику, зажигая огни. Огляделась, Гайяр с трудом сдержал изумленный возглас — если та комната, где восседал на возвышении Шафраст, показалась ему вчера великолепной, то здесь были дворцовые покои, настоящие дворцовые покои!

Девушка медленно шла, зажигая фитили ажурных светильников, а следом за ней от окна к окну пробирался Гайяр, разглядывая пышное убранство просторных комнат. Вот спальня с роскошным ложем, накрытым парчовым покрывалом с выткаными на нем китайскими драконами. Пол устлан пушистыми турецкими коврами, созданными, чтобы ласкать босые ступни властелинов.

Рядом с ложем резной столик черного дерева, а на нем кальян редкостной работы с крышкой в форме птичьей головы. Гайяру достаточно было одного взгляда, чтобы рассмотреть все эти мелочи. Так вот чего добился человек, обесчестивший его мать и погубивший его деда! Вот что дал ему похищенный перстень! Злые слезы выступили на глазах паренька, и с губ сорвался тихий смешок. Второе, третье окно...

Стены, украшенные драгоценной резьбой, мозаики дивной красоты, столы и кресла, отделанные золотом с перламутром, даже небольшая мраморная купальня, похожая на раскрытый цветок розового лотоса. Вот что скрывалось здесь, за грубыми стенами из плохо обтесанного камня. Да, Шафраст безраздельно царствовал в этой ды-

ре, среди труб, таясь и не смея вылезти на поверхность, не смея построить роскошный дворец, окруженный тенистым садом, рядом с дворцами городской знати! Хотя и среди почтенных горожан Шадизара воров или мошенников было предостаточно!

Действительно, Шафраstu удалось создать для себя крошечное государство, государство с горсткой послушных и пребывающих в страхе подданных. Он жил наслаждаясь своей властью над ними и, пожалуй, властью над всем Шадизаром, тайной и страшной. Здесь, в городе, его боялись и богатые купцы на постоянных дворах или в добрых домах и переполненных товарами лавках, и вельможи, чьи дворцы сверкали золотом башен, утопая в зелени благоухающих садов. Все же было во всем этом что-то до того нелепое, что Гайяр с трудом удерживался от издевательского смеха. Грязь всегда тянется к грязи, дермо к дерму! Он хотел заглянуть в последнее окно, как вдруг со стороны, противоположной входу в таверну, послышались тяжелые шаги и приглушенные голоса. Мальчик еще ранним вечером заметил, что здесь есть вторые ворота, и нырнул в заросли, пробираясь поближе к входу в каменный дворец Повелителя Хитрецов.

Ворота распахнулись с легким скрипом, а во двор вошли два человека в длинных плащах, освещая дорогу факелами. Следом за ними показалась странная процессия: четыре зембабвийца тащили, с трудом удерживая, тяжелый бьющийся сверток. В свете факелов мелькнули связанные

ноги в знакомых сапогах, ключья разодранной рубахи, широкий кожаный пояс... Гайяр до крови прикусил руку, чтобы не вскрикнуть: он узнал киммерийца, поверженного, опутанного сетью, с головой, замотанной чьим-то плащом... Следом за черными наемниками, не спуская глаз со своей добычи, шел сам Шафраст. Изредка он оглядывался назад: двое «барсов» тащили за ним еще одно тело, плотно замотанное в покрывала. Легкость, с которой чернокожие несли свою ношу, и тихие сдавленные стоны подсказали мальчику, что это плененная женщина.

Шафраст остановился около ступеней. Свет факела ярко освещал лицо, горевшее торжеством. Сидя в каких-нибудь трех шагах от него, Гайяр хорошо слышал каждое слово:

— Сначала киммерийца, а потом, когда ударю в гонг, приведете ее... Никому не расходиться, стоять у дверей, но не соваться, что б ни услышали! Понятно?!

— Да, господин! — Черные воины поправили на плечах тяжелую ношу и с трудом протиснулись в дверь. Свет факела мелькнул в темноте перехода, зембабвийцы направлялись туда, в тронный зал Повелителя Хитрецов. Гайяр весь подобрался, собираясь отползти назад. Но повелитель воров Шадизара все еще медлил, стоя на нижней ступени. Внизу столпились его черные охранники и те, кого здесь называли «барсами», лихие отпетые молодцы. Многие из них вытирали кровь, сочившуюся из свежих ран,— видно, Конан им недешево достался.

— А ну-ка, подойдите поближе, я хочу взглянуть на девчонку! — распорядился Шафраст, кивнув тем двоим, что держали пленницу.

Откинув край покрывала, он размотал платок, скрывающий лицо, и восхищенно поцокал языком:

— Ай-ай-ай, какая красоточка! Этот киммериец не дурак, всегда выбирает самых свеженьких! Ну что ж, дело сделано, теперь неплохо слегка развлечься! Эй, кто там! — крикнул он, поглаживая бесчувственную девушку по щеке.— Вина и фруктов в спальню! Ее отнесите на ложе, а сами идите на свои места!

Он постоял еще немного, покачиваясь на носках и продолжая хищно улыбаться. Потом круто повернулся и вошел в дом.

Осторожно, так, что не колыхнулась ни одна ветка, Гайяр отполз назад и задержался под окном спальни. Служанка как раз ставила на столик кувшин с вином, испуганно поглядывая в сторону неподвижного свертка, лежавшего поперек ложа. Черная коса свесилась до самого пола, белел запрокинутый подбородок.

Тяжелая дверь приоткрылась, вошел Шафраст, уже без плаща, одетый так же, как и все его люди: в простые темные штаны и дешевую рубаху. Только шелковый вышитый пояс да красные сапоги с черным узором вокруг голенища отличали его от сотен бродяг, промышляющих в Шадизаре. К груди он прижимал ларец розового дерева. Служанка, повинуясь взмаху руки, поспешно выскоцила из спальни. Шафраст по-

ставил ларец рядом с кувшином и медленно подошел к ложу.

Перерезав веревки, он резко дернул за угол покрывала. Девушка перекатилась на самый край ложа и застонала. Потом, приходя в себя, медленно села, с изумлением оглядываясь. Шафраст стоял напротив, не сводя с ее тела жадного взгляда. Встретившись с его глазами, пленница вскрикнула и испуганно сжалась в комочек, но, стоило Повелителю Хитрецов сделать шаг, как она спрыгнула на пол, метнулась к окну. Шафраст расхохотался:

— Ха-ха-ха! Все женщины одинаково неразумны! Видят решетки на окнах, но все равно пытаются бежать! Ну, потряси, потряси решетку, можешь даже позвать на помощь — здесь тебя никто не услышит... А все же что тебя так испугало, красавица? Вот ложе с мягкими подушками, вот ковры, вот вино и спелые груши... А вот и я перед тобой! Как ты думаешь, что мне от тебя надо? Ну, что же ты молчишь, прекрасная Филота?

— Я... я боюсь тебя... не приближайся ко мне, не приближайся! О, какой у тебя жестокий взгляд, какая страшная улыбка! Нет, нет, не трогай меня! — в ужасе вскрикнула девушка, пытаясь отбежать к двери.

Но Шафраст поймал ее за косы и, намотав волосы на руку, притянул к себе ее голову с круглыми от страха глазами.

— Отсюда еще никто не уходил, не дав мне того, чего я хочу! Смотри, видишь это? — Он вытянул перед лицом девушки левую руку с черным перстнем.— Отвечай, что это?!

— Рука... Рука с перстнем... О, мне больно! Моя волосы!

— Смотри на него, на этот черный камень, смотри внимательно, не отводи глаз! Что ты видишь там, в глубине? — снова спросил Шафраст, еще сильней потянув ее за косы.

Слезы боли катились по щекам служанки, рот перекосила гримаса страха, но она никак не могла отвести взгляда от мерцающих глубин черного камня.

— Вижу... Я вижу огонь, красный, синий, белый огонь! Он вырывается наружу, он жжет меня! Отпусти, отпусти, отпусти! — закричала Филота, отчаянно пытаясь освободиться. Внезапно тело ее обмякло, руки безвольно повисли, и она прошептала, прикрыв глаза:

— Я послушна тебе, мой господин! Приказывай, я повинуюсь!

— Очень хорошо, моя красавица! — Шафраст отпустил ее косы и сел в низкое кресло.— Я выпью вина, а ты пока сбрось свои одежду. Ах, посмотри, как порвали их мои люди, негодяи, ну просто негодяи! Совсем не умеют обращаться с красивыми женщинами! Сбрось эти тряпки и танцуй передо мной! Станцуй Танец Змеи! Ты не знаешь, что это такое, и я тоже не знаю, но все равно танцуй, я так хочу!

Он наполнил кубок, а Филота с бледным, окаменевшим лицом вышла на середину комнаты и, покачивая бедрами, медленно развязала наспех завязанный пояс. Тело извивалось в такт неведомой музыке, которую слышала только

она. Тонкие руки спустили с плеч разорванное платье, нежно провели по пышной груди и замерли на бедрах. Шафраст, осушив свой кубок, смотрел на девушку и, словно повторяя движения ее рук, тоже медленно сбрасывал с себя одежду...

Не дожидаясь, чем все это кончится, Гайяр быстро пополз вдоль стены. Ярость уже не клокотала в его груди, мешая дышать, а застыла тяжелым горячим камнем. Добрившись наконец до проверченного отверстия, он привстал на одно колено и заглянул внутрь. Там, около самого возвышения, бесформенной грудой лежал поверженный киммериец, связанный и опутанный сетью. Мальчик лихорадочно обдумывал планы спасения приятеля, но ничего путного в голову не приходило. Прошло немало времени, и теперь оставалось только молить богов, чтобы Шафраст не поспешил разделаться с Конаном так же, как со строптивым Эрисом!

Гайяр ждал долго, ему показалось, что прошла целая вечность.

«Быть может...» — но он не успел додумать до конца свою мысль.

Дверь из внутренних покоев резко распахнулась. Быстрыми шагами вошел Шафраст и задвинул засов. Сейчас он снова был одет, как повелитель: алые шелковые шальвары, легкие туфли с загнутыми носами, расшитые жемчугом и бисером, распахнутый парчовый халат.

Мальчик поспешил опуститься на колени и приник ухом к отверстию, стараясь не пропустить

ни слова. «Быть может,— снова подумал он,— все-таки удастся что-то сделать для киммерийца!»

Тем временем Повелитель Хитрецов подошел к своему пленнику, несколько раз ткнул его в бок носком своей туфли и, наклонившись, снял с его головы рваный плащ. Взлохмаченная голова приподнялась с ковра, а полный ненависти взгляд словно обрушил на голову Шафраста те проклятия, которые не могли сорваться с языка.

— Ого, каков зверь! Ха-ха-ха, сейчас укусит! — воскликнул Повелитель Хитрецов, потирая руки.— Ну, ладно, полежи пока так, послушай, что я скажу. Потом я вытащу кляп у тебя изо рта... Тогда и скажешь все, что думаешь. Но мой тебе совет, киммериец: усмири свою гордость и покорись!

Конан яростно замотал головой, пытаясь вытолкнуть тряпку, затем резко сел и подтянул под себя связанные ноги, тщетно пытаясь встать. Не спуская с него глаз, Шафраст поднялся на свое возвышение и уселся в кресло.

— Ты очень силен, киммериец, гораздо сильнее, чем любой из моих черных парней... Но даже ты не сможешь разорвать эти веревки! О, ты все-таки ухитрился подняться на ноги? Ну, что ж, попрыгай, попрыгай предо мной, а когда надоешь, можешь опуститься на колени. Ведь скоро ты станешь моим подданным или... или пожалеешь, что появился на свет! Я поймал тебя, ты мой пленник, и жизнь твоя в моих руках! Вернее, в моей руке! Вот, видишь перстень Бела? Не может быть, чтобы ты не слыхал о нем! Стоит мне

протянуть в твою сторону указательный палец, и твоя голова тут же покатится с плеч! Так как, хочешь ли ты умереть? Нет, такие, как ты, предпочитают жизни! А теперь я, пожалуй, готов послушать тебя! Стой так, как стоишь, не вздумай упасть и навалиться на меня — иначе ты тут же превратишься в груду падали! Вы, киммерийцы, коварны и хладнокровны, но, я думаю, мозгов у вас в голове все-таки побольше, чем у моих зембабвийцев! Стой и не шевелись!

Поднявшись с кресла, Шафраст опасливо шагнул к нему, вытянув вперед руку с перстнем. Гайяр около своей дырки весь сжался: вдруг Конан в порыве ярости решится на непоправимое, заплатив жизнью за мгновенный порыв? Но киммериец словно окаменел, глядя прямо перед собой неподвижными глазами. Шафраст с трудом вытащил тряпку изо рта варвара и отступил на шаг назад:

— Ну, что же ты молчишь, киммериец?! Признаться, я был уверен, что услышу от тебя все проклятия, какие только есть на свете! Но у тебя, похоже, язык отнялся? Если ты ничего не понял, повторю еще раз: ты ловкий, очень ловкий вор, и ты мне нужен! Если будешь делать то, что я велю, тебя ждет совсем неплохая жизнь! А если не согласишься... тогда сначала испытаешь величайшее унижение, а потом — смерть... Ты будешь мне отвечать?! — Голос Шафраста почти сорвался на визг, но варвар стоял все так же неподвижно, глядя куда-то перед собой.

Как видно, Повелитель Хитрецов ожидал от своего пленника чего угодно: вспышки ярости,

потока проклятий и базарной брань, но только не этого презрительного молчания.

— Ты, щенок, колода киммерийская, смеешь не отвечать мне, истинному хозяину Шадизара! Я и так слишком долго позволял тебе пасть на моем пастбище! Да, кстати, я слышал, что вы, киммерийцы, не причиняете зла детям и женщинам, особенно тем женщинам, которые вас любили! Посмотрим, может быть, это тебя проймет! — И Шафраст, злобно сплюнув прямо на ковер, ударили в гонг.

Резкий звон разорвал тишину, и тут же раздался осторожный стук в дверь. Отодвинув засов, Повелитель Хитрецов подождал, пока двое зембабвийцев введут в комнату женщину под легким шелковым покрывалом. Шафраст кивнул, и черные слуги, пятясь, выскользнули за дверь.

— Подойди сюда, красавица, подойди поближе! Встань вот здесь, напротив этого бесчувственного варвара! Он даже не смотрит на тебя, а еще совсем недавно, наверное, клялся всеми богами, что любит!

Сдернув с женщины шуршащий шелк, Повелитель Хитрецов впился взглядом в киммерийца;

— Ну, вот она перед тобой, твоя сообщница! Правда, этот цветочек немножко помят и не так свеж, как раньше, но, что поделаешь, другого и быть не могло: сначала ты, потом я, потом еще четверо моих зембабвийцев... Согласен, они немного перестарались!

Да, перед Конаном стояла Филота, совсем нагая, с телом, исцарапанным жадными руками, с

синяками на нежной коже. Но лицо оставалось безучастным, потухшие глаза смотрели, не узнавая, а искусанные губы приоткрылись в страдальческой гримасе. Не выдержав, киммериец застонал и, забыв про веревки, попытался шагнуть в ее сторону. Но тут же рухнул, как подкошенный, под громкий хохот Повелителя Хитрецов:

— Ага, не выдержал, сопляк?! Ну, давай, поднимайся и смотри, что с тобой будет, если не согласишься... — Все еще смеясь, Шафраст поднялся на возвышение и засунул палец в пасть льва на правом подлокотнике.

Гайяр, то жадно слушая, то приподнимаясь к щели в ставне, увидел, что толстая спинка кресла словно раскололась надвое. А там, как в открытой раковине моллюска, на черном бархате лежала свернувшаяся змеей обыкновенная кожаная плеть.

— Кр-ром! Падаль, ты ее избивать будешь? Погоди, я до тебя доберусь! Негодяй, хребет переломаю, руки вырву! Не трогай девушки!

— Значит, ты согласен, киммериец? Не катайся по полу, не грозись впустую, сам видишь, тебе меня не укусить! Так ты согласен?

— Пусть Нергал с тобой соглашается, паскуда! — заревел в бешенстве Конан, пытаясь связанными ногами ударить Шафраста.

— Значит, я пока не убедил тебя! Но я давно догадывался: ты крепкий орешек и мне понадобится время, чтобы обломать тебя! Время — великий маг, поверь мне, киммериец! Ну, да ты сам

это поймешь. А теперь смотри, что я сделаю с ней и что ждет тебя!

Шафраст хлестнул девушку плетью. Словно порыв ветра пронесся по комнате, закрутив и смяв очертания женской фигуры. Миг... На наборном полу вместо Филоты стояла, поджав хвостик и дрожа от страха, маленькая черная собачонка. Ее глаза с немым ужасом смотрели вверх на Повелителя Хитрецов, а он со смехом говорил киммерийцу:

— Ну как, нравится? И ты таким будешь, только покрупнее. Мне нужны сильные и злые сторожевые псы! А потом, если не одумаешься, я сделаю вот так... — Он вытянул указательный палец в сторону собачонки.

Та с визгом попыталась отскочить, но было поздно: лохматая голова покатилась по ковру, а тельце, сделав еще шаг, упало у самых ног киммерийца.

Шафраст торжествующе склонился над варварам:

— Видишь мою силу? Если ты не глуп, то покоришься! Я мог бы сделать гораздо проще — поднести к твоим глазам перстень Великого Бела, и ты сразу бы стал моей послушной игрушкой... Но таких рабов у меня более чем достаточно. Они сильны, как быки, но и так же тупы. А ты хитер и умен! Так что пусть твой ум подскажет тебе, что лучше: стать моим телохранителем, мечтающим только о жратве, выпивке и бабах, стать псом, охраняющим мои богатства, умереть или...

— Ты мразь, Шафраст, и сам это знаешь! — Конан сел на ковре и вытянул связанные ноги. — Дерьмо по сравнению с тобой — чистейшее золото!

— Вот это уже другой разговор! — обрадовался Шафраст. — Говори сейчас, что хочешь, я тебе это прощу! А о девчонке не жалей, у тебя их еще будет не одна сотня! К тому же я совершил правосудие — покарал воровку, ведь утром Великий Судья решит, что его бесстыжая служанка сбежала, прихватив драгоценность. Ай-ай-ай, похитить убор и скрыться — какое вероломство!

— А почему ты так домогаешься моего согласия? — Конан, прищурившись, холодно смотрел в желтые глаза Повелителя Хитрецов. — Сегодня я согласился, завтра передумал, мир велик, на Шадизаре свет клином не сошелся! Ну, говори, зачем?

— Ага, вот ты уже и вопросы задаешь! Очень хорошо! — Шафраст хихикнул. — Я знал, что мы с тобой если и не поладим сразу, то хотя бы поговорим... Ну, так вот, если ты согласишься... Нет, что это я, сегодняшняя удача совсем ослепила мой разум! Сначала твое согласие, тогда все и узнаешь!

Кажущееся спокойствие мгновенно слетело с лица Конана, теперь на Шафраста смотрел страшный в своей ярости зверь, оскалив белоснежные клыки и сверкая глазами:

— Ну, нет, так не пойдет! Не дождешься, мерзавец! Хоть ты и заманил меня в ловушку, я не буду твоим слугой. Дерьмо Нергалье! Клянусь Кромом, мы еще посчитаемся!!!

— Клянись, клянись хоть Кромом, хоть подолом своей бабки, клянись чем хочешь! Ладно, я сегодня добр и милостив, к тому же мне нравится смотреть на тебя, связанного и бессильного... Ну-ну, посмей только дернуться! — Шафраст, попятившись, снова выставил вперед руку.— Сейчас тебя уведут в подвал, хочешь — вой, хочешь — призывай своих богов, а завтра мы снова поговорим, и тогда уже все! Пожалуй, из тебя выйдет славный цепной пес! Ха-ха-ха, до завтра, киммериец! — Шафраст быстро спрятал плетку в тайник и снова ударил в гонг.

Тут же на пороге появились черные слуги и замерли, ожидая приказаний.

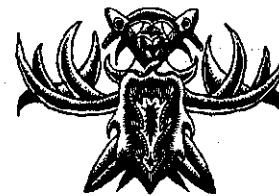
— Отнести в подвал рядом с винным погребом, посадить на цепь, пусть для начала попробует, каково это — быть сторожевым псом! — дрожащим от ярости голосом приказал Повелитель Хитрецов.

Когда Конана уволокли за дверь, Шафраст, оттолкнув ногой труп собачонки, присел на край возвышения и расхохотался:

— Неплохо, клянусь Белом, неплохо!

Глава седьмая

Квозь крошечное зарешеченное оконечко под самым потолком проник тусклый свет раннего утра. Конан сидел на корточках у шершавой стены, уже в который раз пытаясь порвать цепь, стянувшую руки. Но все его попытки были тщетны — такая цепь могла удержать и взбесившегося слона. А штырь, заделанный глубоко в кладку, выдернуть тем более не удавалось, как он ни старался его раскачать, изо всех сил упираясь в пол ногами и напрягая стальные бугры мышц. Похоже, на этот раз он крепко влип! Но все-таки это еще не смерть! А пока он жив — жива и надежда!

Он наконец оставил цепь в покое и, прислонившись к стене, прикрыл глаза. Днем или вечером Шафраст снова велит привести его, а может, и сам придет сюда... Во всяком случае, можно будет попытаться свернуть мерзавцу шею! Варвар вновь начал лихорадочно обдумывать всевозможные способы бегства. Вдруг он, не откры-

вай глаз, почувствовал, что там, за окном, что-то мелькнуло, на мгновение заслонив свет. Он поднял голову, ожидая. Так и есть, чуть заметно дрогнула ветка, раздался чуть слышный свист. Конан быстро поднялся, сделал шаг к окну — цепь звякнула и натянулась. Снова тень заслонила утренний свет, и киммериец увидел улыбающееся лицо Гайяра. Сквозь прутья решетки просунулась рука, и мальчик прошептал:

— Лови, приятель!

Конан вскинул закованные руки и на лету поймал плеть. Он сразу увидел, что это та самая плеть, которую Шафраст хранил в тайнике своего трона: ему еще тогда бросились в глаза два черных треугольника на рукоятке.

— Эй, ты там поосторожнее, не разбей флякон! — прошептал Гайяр, прижавшись к решетке. — В нем эликсир, разрывающий цепи! Смотри, чтобы он не попал на кожу, а то насеквозд прокажет!

В самом деле, к рукояти тонкой нитью был привязан крохотный синий флякон с острой граненой пробкой. Конан повернулся к оконцу с вопросом, висевшим на кончике языка, но мальчишки уже и след простыл. Удивляясь его прыти, Конан осторожно разматывал тонкую нить. Конечно, он не один раз слышал о чудесном эликсире, крушащем в пыль железо и сталь, но вот в руках держал впервые.

— Посмотрим, что это за штука такая! — пробормотал варвар, осторожно вытаскивая пробку. Она поддалась с большим трудом, и, когда Конан

наконец открыл флякончик, по всему подземелью растекся свежий запах яблок.

Киммериец принюхался, с недоверием глядя на флякон, и осторожно наклонил узкое горлышко. Капля розоватой тягучей жидкости капнула на широкий стальной браслет, охвативший запястье. Она мгновенно растеклась по металлу, и толстая пластина с тихим шорохом раскрошилась, как будто сделанная из песка.

— Кр-ром, вот это я понимаю. Молодец, мальчишка! Ну-ка, теперь на другой руке, — восхищенно прошептал Конан, снова наклоняя флякон.

Через несколько мгновений груда цепей с прожженными браслетами валялась на полу, а киммериец с сожалением смотрел на прутья крошечного оконца:

— Эх, жаль, что оно такое маленькое! А то флякон еще почти полный... Ну, Шафраст, берегись, теперь наши силы сравнялись! И мы еще посмотрим, кто кого. Я все тебе припомню — и камешки, и девчонку.

Бережно закрыв флякон и спрятав в потайной карман, Конан снова присел у стены и прикрыл глаза. Теперь ему оставалось только ждать...

Днем, когда солнце вовсю заливало двор ослепительным светом, за дверью его тюрьмы послышались шаги и громкие голоса. Загремели отпираемые засовы, и в подвал вошли два вооруженных до зубов зембабвийца. Легкие кожаные латы, металлические кирасы, шлемы с блестящими медными дисками, мечи и кинжалы —

охранники Шафраста были снаряжены не хуже, чем наемники какого-нибудь князя или барона.

Киммериец неподвижно сидел у стены, положив голову на скрещенные руки, он даже не шелохнулся, услышав лязг и скрип отпираемой двери. Один из стражей, опасливо приблизившись, слегка ткнул его острием меча:

— Эй, вставай, чего расселся! Господин требует!

Конан неохотно поднял голову, посмотрел на зембабвийца тяжелым взглядом и снова уронил ее на руки. Потеряв терпение, стражник подошел ближе. Он хотел было пнуть варвара ногой, но в тот же миг киммериец вскочил на ноги и с размаху хлестнул чернокожего плеткой, зажатой в руке. Второй стражник, выхватив меч, кинулся было к ним, но тут же с воплем ужаса метнулся назад, к двери: перед ним, выскочив из одежд и доспехов, с жалобным воем кружился огромный обезумевший пес. Одним прыжком подскочив к зембабвийцу, который без толку размахивал мечом, другой рукой пытаясь нащупать спасительную дверь, Конан и его огладил плеткой Повелителя Хитрецов. Тот, выронив меч, упал на четвереньки, и вот уже два пса, скуля и подывая, заметались по подземелью.

Дверь распахнулась, на пороге показались еще два зембабвийца, привлеченные шумом и воем. Псы, стремясь выскочить наружу, кинулись под ноги оторопевшим стражникам, а Конан, подхватив с пола меч, двумя быстрыми ударами разделялся с собаками. Он стоял посреди подвала, грозный и беспощадный, как тигр, сжимая в

одной руке меч, а в другой — чудесную плеть. Стражники какое-то мгновение колебались, соображая, то ли поскорее выскочить за дверь, то ли броситься на киммерийца, выполняя приказ Повелителя Хитрецов. Конан словно прочитал эти мысли по их напряженным лицам. Ему совсем не улыбалось вновь оказаться запертым в каменном мешке и ждать, пока они приведут подмогу или притащат сеть. К тому же это были зембабвийцы, падкие на лесть и мгновенно теряющие голову от оскорблений. И Конан, помахивая плетью, издевательски расхохотался охранникам в лицо:

— Ну, что, черные рабы Повелителя Шадизарских Помоек? Много ли он вам платит, чтобы вы отращивали жир на боках и ляжках? Ха-ха-ха! Здешним девкам это нравится! Ну, хоть ты, криконосый, попробуй взмахнуть мечом! — Варвар ткнул плеткой в сторону стражника, подперевшего спиной дверь. — А то я решу, что Шафраст держит тебя для своей забавы — вон какую задницу ты отъел на харчах Облезлого Гамара!

Глаза зембабвийца со свороченным набок носом налились кровью бешенства. Он уже ничего не видел и не слышал, кроме ухмыляющегося лица наглого киммерийца и обидных слов. Зарычав, он хрюпло выкрикнул крепкое зембабвийское ругательство и, в гневе путая слова разных языков, бросился вперед:

— Хаммган-та! Рогфа! Ты... грязная свинья, суами! Я изрублю тебя, как... как кешаб, паршивый киммериец!

увернувшись, Конан подставил ножку разъяренному противнику:

— Я вижу, ты все-таки смелый парень! Сейчас мы договорим, а пока я пощекочу твоего приятеля! Эй, куда ты, толстая образина! Или умеешь сражаться только с бабами?! Так не стоило тащиться в такую даль!

Второй зембабвиец, кусая от ярости губы, метнул в киммерийца кинжал, потом рыча бросился на него с мечом. Звякнув, кинжал ударился в стену, а Конан оглушительно расхохотался:

— Да, Шафраст набрал себе лучших из лучших! Впору бойню открывать, такие славные у него бычки! Ну, кто первый? — Варвар стоял около дверей, и его меч угрожающе поблескивал в полумраке подвала. Один против двоих — не плохой расклад! Да еще против таких, у которых мечи и кинжалы ржавеют в ножнах!

— Ух... я вижу, вы готовы! Сначала ты, криконосый! Ну, нет, я же говорил, нельзя так горячиться! Теперь остался только ты, мясистый! Да не размахивай мечом ты так бестолково... На, получай! — Меч киммерийца вонзился в живот черного стражника.

Он со стоном повалился на труп своего товарища, дернулся и затих. Конан с усмешкой посмотрел на убитых охранников, на зарубленных псов, вытер клинок и осторожно приоткрыл дверь: он ничуть бы не удивился, если б на шум борьбы сбежалась вся челядь Повелителя Хитрецов. Но нет, за дверью было тихо. В небольшой комнатке со сводчатым потолком стоял грубый

стол да пара корявых лавок. Недопитый кувшин с вином, лепешки, баранья лопатка — все говорило о том, что стражников оторвали от трапезы. Конан несколькими жадными глотками допил вино, сунул в рот кусок лепешки и стал медленно подниматься по щербатой лестнице, прислушиваясь к звукам, доносившимся со двора. Наружная дверь оказалась открыта, в узкую щель пробивался яркий свет солнца. Неподалеку, в конюшне, ржали и били копытами кони. Сквозь приоткрытую дверь Конан мог видеть, не высываясь, почти весь двор. Он только посередине был чист и вымощен, а по краям, ближе к стенам построек, были навалены кучи всякого хлама, заросшие густым бурьяном и чахлыми кустами. В стороне о чем-то разговаривали, негромко пересмеиваясь, разбитные служанки из таверны и увещанные оружием зембабвийцы.

Вдруг из-за кучи пестрого мусора, слева от входа в подземелье, раздался знакомый голос:

— Сюда, киммериец, быстро!

Выждав момент, когда стражники, пытаясь обнять хохочущих девушек, отвернулись от подвала, Конан тенью метнулся в кусты. Гайяр уверенно полз впереди, прижимаясь к стенам и стараясь не задевать ветки кустов. Наконец, добравшись до забора, они остановились.

— Что дальше делать будем? Еще немного, и меня хватятся, начнется такая кутерьма! А я этого негодяя хочу застать врасплох!

— Ш-ш-ш, мы все успеем! Шафраст ждет тебя в купальне, видишь, у того входа стоят четверо,

дожидаются тебя, как почетного гостя! Но мы туда не полезем... Сейчас нам надо обогнуть вдоль забора весь двор, и побыстрей. Я тут уже целую тропу протоптал среди отбросов! — прошептал Гайяр и ловко, как ящерица, пополз вперед.

Конан, не отставая, двинулся следом. Там, где росли кусты, они пробирались почти без опаски, а там, где лежали кучи свежего мусора, быстро перебегали к следующим зарослям. В конце концов они оказались позади какой-то неказистой деревянной постройки. Гайяр подтолкнул киммерийца локтем и прошептал:

— Угадай-ка, где мы находимся? Вон там таверна, там — ворота, с той стороны конюшня и погреб... Ну?

— Постой... Постой, этот хлев — та самая богатая комната, где он измывался надо мной? Ах, Шафраст, задница Нергалъя! А зачем мы сюда ползли, обдирая колени? Нет, Гайяр, ты перемудрил. Надо было сразу выскочить из кустов и перебить тех, у входа.

— А потом те, что во дворе, повисли бы у тебя на плечах! И Шафраст тем временем раз — и готово! — сердито прошептал мальчик, махнув перед лицом киммерийца указательным пальцем. — Не думай, что я так уж глуп! Иди за мной, и все поймешь.

Убедившись, что здесь, на задворках владений Повелителя Хитрецов, никого нет, мальчик подполз к самой стене и, осторожно засунув кинжал в щель, потянул на себя одну из досок обшивки. Конан без слов понял, что это — дверь, потайная

дверь, и ему сразу стало ясно, как мальчишке удалось похитить плеть.

— Так ты знал, что у него кроме перстня есть еще и волшебная плеть? Знал и молчал?

— Ничего я до этой ночи не знал! Слушай, потом будешь задавать вопросы, а сейчас молча иди за мной. Скоро тут такой шум поднимется! — прошептал Гайяр и бесшумно открыл маленькую дверь.

Они проскользнули вовнутрь, и мальчик повернул круглую ручку, задвигая хитроумный замок. Конан сделал пару шагов, осматриваясь в полумраке узкого пространства, в котором они оказались. Вдруг его нога наткнулась на что-то мягкое. Он наклонился и разглядел лежащего на полу, лицом вниз, крошечного человечка с большой головой.

— Клянусь Кромом, это же Коротышка! Верная обезьяна Шафраста!

— Пришлось с ним разделаться... Когда я сюда вошел, думал, что здесь никого нет. А он, оказывается, спал в складках полога, прямо тут, где лежит... Ну, теперь-то он выспится! Понял, киммериец, где мы стоим? Как раз за его великолепным троном. Вон сколько тут тряпок понавешано, нас совсем не будет видно. Надо только Коротышку затолкать вон туда, поближе к двери! Тихо! Слушай, кажется, началось!

Да, началось! Послышался истошный женский визг, топот бегущих ног, разноголосая брань и хлопанье дверей, оббитых медью. Конан словно наяву видел растерянные черные рожи стражни-

ков, не знающих, кого рубить выхваченными из ножен мечами. Пленник исчез, будто сквозь землю провалился! И ведь они, верные слуги, стояли здесь же, глаз не спуская с дверей подземелья! Колдун этот киммериец, не иначе как колдун! И перепуганные чернокожие, топоча ножищами в тяжелых сапогах, побежали к своему господину, Повелителю Хитрецов.

Теперь и у входа в покой начался переполох. Конан не смог удержаться от тихого смешка, представив, как вылезает из купальни Шафраст, злой, мокрый, облепленный цветочными лепестками... Служанки второпях вытирают его тело, он в гневе отталкивает нерасторопных и поспешно одевается сам... Вот он выбегает на крыльцо и вопит на весь двор:

— Схватить! Привести! Всех казню, мерзавцы! Он не мог далеко уйти! Сейчас же прочесать всю Пустыньку!

Заскрипели двери конюшни, послышался топот лошадей, и наемники, выехав за ворота, рассыпались в разные стороны.

— Все, киммериец. Теперь стой тихо и не вздумай чихнуть! Слышишь, идут,— зашептал Гайяр, невидимый в тяжелых складках ткани.

Конан и сам различил торопливые шаги, приближившиеся к двери, той двери, через которую его втащили сюда этой ночью.

Повелитель Хитрецов не вошел, а, скорее, воился в свой тронный зал, шумно сопя от гнева.

— Дармоеды! Дерьмо ищащие! Предатели! Наверняка ему кто-то помог! Никому, никому нель-

зя доверять! Любой готов подложить свинью! — злобно бормоча, он быстро прошелся из угла в угол и, немного остыv, поднялся на возвышение: — Все равно этот дерзкий варвар далеко не уйдет, и тогда я раздеваюсь с киммерийцем у всех на глазах! Подданные! Сброд!!! Нет, пора кончать с этими подонками и перебираться в другие места. Мне давно опротивел Шадизар... Эй, кто там, вина! — И он ударил в гонг.— Хотя нет, не стоит торопиться. Проспешность в важных делах может оказаться губительной!

Дверь приоткрылась, и с подносом в руках появился сам Облезлый Гамар. Его маленькие глазки умиленно смотрели на повелителя, губы пытались сложиться в почтительную улыбку, руки, державшие поднос, тряслись от страха, а серебряный кувшин с кубком дребезжал, выдавая тавернщика с головой.

Шафраст угрюмо сидел в кресле, глядя на Гамара из-под нахмуренных бровей. Он молчал, и в его молчании таилась угроза. Трактирщик, еле передвигая онемевшие ноги, медленно подошел ближе и поставил поднос на столик. Не сводя с Повелителя Хитрецов испуганных глаз, он наполнил кубок и протянул его господину.

Шафраст взял кубок, начал медленно пить вино. Его левая рука словно невзначай поднялась с подлокотника. Гамар отчаянно взвизгнул, уронил под ноги кувшин и, вереща, заметался по комнате, не находя выхода. Наконец перетрусиивший слуга с размаху налетел на дверь и с воплями выскочил наружу. Шафраст снова опу-

стил руку на подлокотник и злобно расхохотался:

— Ха-ха-ха!!! Нет, здесь все-таки неплохо. А доверять нельзя никому, будь ты повелителем таких вот мерзавцев или правителем настоящего королевства! Ха-ха-ха!!!

Конан не мог больше терпеть, стоя за темными драпировками и дыша врагу в затылок. Меч с треском разорвал плотную ткань, и киммериец с коротким яростным криком вскочил на помост. От мощного пинка золоченое кресло вместе с Повелителем Хитрецов вылетело на середину комнаты. Шафраст покатился по ковру и, увидев перед собой варвара, с воплем ярости взмахнул рукой. Проворно, как обезьяна, Конан отскочил в сторону. Он кружил и приплясывал перед Повелителем Хитрецов, угрожающе выставив перед собой меч и не сводя глаз с черного перстня:

— Ну что, падаль, все еще дожидаешься моего согласия? Вот он я, перед тобой, возьми, если сможешь! Разве я не говорил, что мы еще посчитаемся?

Опередив движение руки, Конан огромным прыжком отскочил в сторону и яростным ураганом ринулся на Повелителя Хитрецов. Меч с размаху опустился на шею шадизарца. От такого удара голова должна была отлететь от тела, как тыква от сухого стебля, но вместо этого раздался резкий звук, словно клинок рубанул по железу. Шафраст, слегка оглушенный, но живой, упал на четвереньки. Мгновенно прия в себя, он встях-

нул головой, повернулся, ища взглядом киммерийца, и закричал, оскалив желтые зубы:

— Ну, все! Игра окончена! Ты мне больше не нужен, дикарь! Ха-ха, и ты надеешься меня поцарапать своей игрушкой?!

— Берегись! — раздался вопль Гайяра.

Киммериец проворно отскочил в сторону, и на спину Повелителя Хитрецов со свистом обрушилась плеть:

— Получай, пес! За деда, за мать, за меня, за весь род Закко! — кричал шадизарец, и его глаза пылали от гнева и ненависти.

Нечеловеческий рык вырвался из горла Шафраста, и он, словно отброшенный невидимой рукой, откинулся назад. Судорога свела его члены, скрюченные пальцы отчаянно царапали ковер. Вдруг очертания тела Повелителя Хитрецов потеряли четкость, стали расплываться, и вот уже посреди комнаты стоит, рыча, огромный взъерошенный пес. Наступив лапой на черный перстень Бела, пес ощерил страшную пасть и угрожающе сверкнул желтыми глазами.

Киммериец расхохотался, отбросив меч:

— Скалься, скалься, Нергалье отродье. Теперь ты только это и можешь. Так как ты сказал — игра окончена? Ну, нет, она еще только началась!

Он протянул руку к перстню. Прижав уши, пес с яростным рыком бросился на него, но киммериец ловко отскочил назад и неуловимо быстрым движением схватил его за загривок. Лапы, потеряв опору, замахали в воздухе, собака забилась, не в силах освободиться из стальной

хватки Конана. Высоко поднятый в воздух, зверь извивался всем телом, рыча и воя, из раскрытой пасти на пол капала пена.

Гайяр шагнул вперед, засунув плеть за пояс, и наклонился к перстню. Как в первый раз, едва его пальцы прикоснулись к талисману, внутри черного камня вспыхнула яркая красная искра. Мальчик надел перстень на палец и протянул левую руку в сторону пса. Тот мгновенно обмяк, повиснув в огромном кулаке киммерийца, словно старая серая тряпка, и завыл, тонко и жалобно. С зажмуренными глазами, поджатым хвостом он являл собой такое жалкое зрелище, что мальчик с презрением сплюнул:

— Тьфу, и этот человек — мой отец! Да мне еще пятнадцать лет жизни понадобится, чтобы отмыться от такого позора! Отпусти его, Конан, он теперь никуда не убежит...

Киммериец разжал руку. Пес мешком рухнул на пол. Распластавшись, он, скуля, подполз к ногам Гайяра и стал облизывать его грязные сапоги. Мальчик с отвращением ткнул его ногой в бок, пес взвизгнул, но продолжал лизать обувку своего господина.

— Давай, лижи! Это у тебя получается лучше всего! Теперь я вижу, что плеть исправила ошибку богов — тебе с самого начала следовало родиться собакой, грязной собакой городских свалок! Рафала! Ты слышишь меня? Путь пройден, и месть свершилась. Лопнул обруч, сжимавший мое сердце, грудь дышит легко и свободно!

— Эй, кто там за дверью? — вдруг гаркнул Конан, подняв с пола меч. — Не вздумайте бежать, идите сюда, а то хуже будет!

Дверь медленно приоткрылась, и в комнату сначала заглянул Облезлый Гамар. Шум и вопли напугали его до полусмерти, но извечное любопытство превозмогло страх. Он вошел на трясущихся ногах, следом за ним показались служанки и поварята.

— А где все остальные? Стража, «барсы»?! — грозным голосом спросил Конан. — Попрятались, что ли?

— Нет, господин! Они все помчались на поиски бежавшего пленика... А где... а что случилось с... с мудрейшим Шафрастом? Мы только что слышали его голос... — ответил Гамар, испуганно глядя по сторонам.

— Ха-ха-ха, он потерял своего повелителя и теперь не знает, кому кланяться! Ну, поклонись хоть ему, ведь теперь он владеет черным перстнем Бела! Что, хочешь на свою голову нового повелителя?

Гамар расширившимися от ужаса глазами взглянул на мальчика и упал на колени:

— Пощади, о великий! Мы ничем перед тобой не провинились! Мы хотели только узнать...

— Хотели узнать, что здесь случилось и куда девался Повелитель Хитрецов? Ну, смотри, вот он, перед тобой, лежит, поджав хвост, и боится даже глаза открыть. Эй, Шафраст, встань! — повелительно крикнул Гайяр, слегка подтолкнув ногой замершего пса.

Тот послушно вскочил и робко завилял хвостом, преданно заглядывая пареньку в глаза.

— О, боги, быть этого не может! — Гамар, замахав руками, попятился к двери и выскочил следом за визжащими служанками.

Дня через три в таверне Фаруса Конан сидел за дальним столом, поджидая Гайяра. Хозяин, вспотев от усердия, бегал то на кухню, то в погреб, отрабатывая горсть золотых, щедро отсыпанную киммерицем. Два кувшина с пуантенским вином, два кубка, множество блюд... Конан с жадностью приюхивался к подоспевшему жаркому, ворча, что мальчишка бессовестно запаздывает. Как будто услышав его слова, Гайяр появился на пороге. Он махнул Конану рукой и не спеша пошел к столу. Сегодня его было не узнать: синие шелковые шальвары, короткий, до колен, узорный халат, подпоясанный пестротканым поясом, розовая вышитая рубаха... На кудрявых волосах лихо заломленная бархатная шапка с золотым шнуром. Киммериец глянул на него и усмехнулся:

— Да ты больше похож на Повелителя Хитрецов, чем сам Повелитель Хитрецов, мошенник Шафраст! Кстати, где он?

Мальчик подошел ближе, и Конан заметил в его руке веревку. Пес жался за его спиной, а когда Гайяр сел, покорно улегся у его ног.

— Смотри, какой шелковый! Но ты с ним поосторожнее, подлец — он всегда подлец!

— Ты, конечно, прав, но он знает то, что тебе неизвестно: если этой плеткой хлестнуть еще раз, он снова станет человеком. За это он еще послу-

жит Рафале, ой как послужит! Да, киммериец, я ведь пришел проститься! — сказал Гайяр, наливая себе вина.

— Клянусь Кромом, и я пришел за тем же самым! Но, прежде чем расстаться, скажи, как ты ухитрился найти потайную дверь и выкрасть плеть? А флаikon? Ведь если бы не этот эликсир, мне и плеть бы не помогла!

Юноша усмехнулся и осушил кубок.

— Когда знаешь, где искать, обязательно отыщешь! Где ты видел лисицу, у которой не было бы запасных лазеек? Где ты видел мошенника, который не подумал бы о тайном лазе? И разве ты сам не заметил, что трава в том месте не росла, а стена была чуть светлее? Ну а отыскать волшебные сокровища и вовсе оказалось несложно. Шафраст так привык полагаться на магию и на страх, который внушал всем своим рабам, что забыл об обычной осторожности и утратил всякую смекалку. Тайник мог бы отыскать и годовалый младенец — не то что внук знаменитого Ловкача Эмета! Хвала богам, я унаследовал его сноровку!.. Ну, а ты-то куда теперь?

— Куда угодно, лишь бы подальше от Шадизара. Сам понимаешь, здесь сапфиры не продаешь, по всему городу шныряют соглядатаи Великого Судьи! А ты возвращаешься в Шадизар? Перстень, чудесная плеть, пес Шафраст... Лучшего и желать нельзя! Да с этим перстнем...

— Нет, нет, Конан, я никогда в жизни не надену его на палец! — Юноша вытащил из-за пазухи шнурок, на котором, поблескивая черным

камнем, висел талисман.— Довольно я насмотрелся на воров и мошенников, мне не нужна такая удача! Я хочу стать купцом, как мой будущий тестя, почтенный Расат. Знаешь, что здесь лежит? — Он похлопал по ковровой суме, висевшей через плечо.— Тут у меня брачная запись! Через год я стану мужем его младшей дочери. Зачем мне перстень, если Расат — самый богатый купец в Шадизаре! Так что пусть Рафала, моя мать, сама решает, что делать с этими проклятыми сокровищами... А ты, киммериец, неужто никогда больше не вернешься в благословенный Шадизар?

— Ха-ха-ха! Вот сказал так сказал! Никогда! Нет, здешняя жизнь как раз по мне — разве еще найдешь такой город, где богатства сами так и просятся в руки! Конечно, вернусь, может, через три-четыре луны...

— И тогда будешь самым дорогим моим гостем! Да, я согласен, Шадизар — лучший город на свете. В нем все тайны и сокровища мира...— Гайяр засмеялся, поднося к губам кубок. Перед его глазами встал крошечный дворик с тихо журчащим фонтаном, глубокое подземелье, набитое несметными богатствами, голубой треугольный камень... Его сердце там, в Аренджуне, будет рваться обратно, вспоминая доброту почтенного Расата, прелест юной невесты и, конечно же, этот дом...— Давай выпьем, киммериец!

— Давай! Эй, хозяин, еще вина!

Наполнялись и пустели кубки. Тихо скучил под столом взъерошенный серый пес.

ЗОЛОТО ОЛЬТА

или ты робок — беги, коли отважен — спускайся во мглу пещеры и сражайся со слугами его. И если ты силен и знаешь толк в науке воина — одолеешь их, а если слаб и неискушен — кости твои, разбросанные по пыльному каменному полу, когда-нибудь предостерегут других охотников поживиться за счет Темного Ольта.

— Неужели так и написано? — прелестная Камасита удивленно распахнула огромные черные глаза с густой бахромой длиннейших ресниц. — Мне приходилось читать древние манускрипты о сокровищах, но в них такой вычурный, напыщенный, малопонятный слог...

Ее муж от души рассмеялся, даже качнулся в седле.

— Ты совершенно права, о звезда, упавшая с небес в мои недостойные руки. Этот текст высоко-парней и туманней любого выбеленного веками манускрипта. Хуже того, он еще и стихотворный.

А самое досадное — на древнеаргосском языке. Нет, конечно же, нет; я лишь своими словами изложил тот скучный смысл, который выжал из находки мой просвещенный наставник Пликферон. Увы, нам достался лишь клочок пергамента, остальное злополучный кладоискатель успел проглотить, прежде чем... Прежде чем с ним случилась неприятность.

Камасита неодобрительно сдвинула тонкие брови, щедро насырмленные самой природой.

— Лесники твоего отца извели на него целый колчан длинных стрел — это ты называешь неприятностью? Ах, Далион! Неужели была необходимость убивать беднягу?

Ее молодой супруг слегка покраснел и опустил очи долу.

— Конечно же нет. Но он сам виноват... Бродя по нашим горам в поисках сокровищ, он проголодался и подстрелил дикого козленка. Лесники приняли его за браконьера, высledили и, недолго думая, истыкали стрелами. Осмелюсь тебе напомнить, дорогая: они были в своем праве. Мой отец — страстный охотник и не дает браконьерам спуску. Твой, между прочим, их тоже не жалует.

— Вот уж чего не ожидала услышать от тебя, милый, так это оправдания гадким лесникам! — рассердилась Камасита. — Будь моя воля, я приказала бы их высечь — чтобы впредь неповадно было проливать кровь невинных!

Далион снова рассмеялся и умиротворяюще опустил ладонь на запястье жены.

— Успокойся, о моя воплощенная мечта! Отец наказал их гораздо суровей — лишил положенной награды за голову браконьера. Поверь, лесники куда охотнее предпочли бы порку. Видела бы ты, как рассердился отец, узнав, что погибла рукопись с описанием знаменитой пещеры! Он просто рвал и метал. Ведь о подземелье Темного Ольта в этих краях ходят легенды; только в нашем роду было пять или шесть ревностных кладоискателей, один даже пропал, предаваясь этому занятию. И сам отец в юности немало поводил по округе толпу слуг с кайлами и заступами... Только после женитьбы образумился, как сам говорит, и бросил охоту за сокровищами. Подозреваю, в глубине души он только и ждал возможности тряхнуть стариной.

Молодожены неторопливо ехали на породистых иноходцах по угодьям достопочтенного Найрама — знаменитого на всю Замору торговца скотом, винодела и покровителя искусств. Камасите нравились нотки обожания, звучавшие в голосе Далиона, когда тот заговаривал об отце. Если бы не трогательная любовь Найрама к красавцу сыну и не его снисходительность к упрямству бедного соседа Блафема — не видать бы Далиону этого брака, как своих ушей. Кажется, юноша до сих пор не в силах поверить в свое счастье, хотя еще утром отозвенели свадебные арфи, и теперь на алтаре и ступеньках храма Митры в сладостном благоухании увядают гиацинты и астры, которыми щедросыпали моло-

дых принаряженные челядинки и крестьянки Найрама. Дорогие и красивые цветы...

Камасита вздохнула. «Другая бы поставила слово "красивые" перед "дорогие"», — подумала она.

— Мой отец тоже искал пещеру Ольта, — задумчиво сказала красавица. — И не только в молодости.

Она улыбнулась своим мыслям — улыбнулась с горечью в сердце. Сколько она помнила отца, тот всегда был одержим мечтой найти сокровища. И беден. Да какое там беден — почти нищ. Зато горд. О Блафеме говорили, что он скорее ноги с голоду протянет, чем возьмет денег в долг или займется чем-нибудь «недостойным» мужчины из славного рода — торговлей, например. Правда, он не считал зазорным разводить скот или выращивать виноград, подобно процветающему соседу Найраму, — к этому у него просто не лежала душа. «Честным путем богатства не наживешь, — уверял он, — другое дело — взять то, что поконится в земле, то, что никому пока не принадлежит». Пресловутое золото Темного Ольта, спрятанное, быть может, на фамильных землях Блафема.

И каждое лето он раз в неделю приторачивал к седлу лопаты, кирки и вьюк со снедью и уезжал в горы, чтобы вернуться через троетверть суток — грязным, голодным и злым. Его крестьяне знали только одну повинность — искать клады, причем исполняли ее с превеликой охотой. Вернее, лишь делали вид, будто исполн

яли: выбирали местечко поуютнее, выкапывали яму-другую, а потом в ней же хоронили kostи какой-нибудь дичинки, подстреленной тайком, вымоченной в луковом соке и зажаренной на вертеле.

Найрама он не то что невзлюбил... Просто между ними, как говорится, пробежала черная кошка. Он даже старался не вспоминать без нужды о преуспевающем соседе. А если вспоминал, обязательно кривил в недоброй улыбке губы. И предпочитал в такие минуты не смотреть на Камаситу. Словно пенял себе, что не взялся, когда-то за ум по примеру Найрама, что из-за его упрямства красавица дочь живет чуть ли не впроголодь... Ей уже семнадцать — замуж пора, а за кого отдашь бесприданницу? Разве что за бродягу безродного. Улыбка будто переворачивалась — раз, и уголки губ уже опущены книзу. И в глазах — злой блеск. Вот таким же злым блеском, такой же улыбкой-перевертышем Блафем встречал сватов Далиона — и в первый раз, и во второй. А на третий приказал слугам гнать их в шею — кто-то из гостей сдуру ляпнул про «бесприданницу» и «бездонного бродягу».

И вот неделю назад Найрам пожаловал с визитом самолично. Кланялся хозяину дома в ноги, слезно просил прощения за выходку дерзкого свата, а после, как бы между делом, сказал, что нашел пещеру Темного Ольта. На своей земле нашел. По обрывку древнего пергамента, обнаруженного на трупе чужеземца — не то хау-

ранца, не то туранца. Лесники Найрама приняли кладоискателя за браконьера, кладоискатель принял лесников за бандитов — и, уже раненый, решил уничтожить в отместку свиток. Но не успел. Клочок рукописи сохранился, и — самое главное — уцелела карта. По ней-то Найрам вчера без особого труда и отыскал вход в подземелье. Уму непостижимо, почему его раньше никто не обнаружил. Выходит, не случайно родилась поговорка: «Глаз то неймет, что под носом лежит».

И дрогнул старый Блафем. Не указал гостю на порог. Напротив, хмуро просил разрешения взглянуть на ту пещеру. В соседней комнате Камасита с замиранием сердца слушала их разговор — ей давно приглянулся Далион, юноша с честным и смелым лицом, которому должность командира сотни в полевой страже Заморы давала право беспрепятственно проезжать через любые земли. И он не забывал о своем праве, — бывая в родовом гнезде, не упускал случая заехать во владения Блафема, и брюзжание отца Камаситы лишь оттавивало его природную изобретательность. Он выдумывал самые неожиданные — и с виду очень правдоподобные — предлоги, чтобы побывать во владениях неумолимого соседа и хоть мельком увидеть возлюбленную... Женское чутье подсказывало Камасите, что и Далиону, и его отцу упрямая несговорчивость Блафема кажется пустой блажью, что юноша без ума от нее, а Найрам души в нем не чает и никогда не попрекнет бесприданницу куском.

Понимал это и Блафем, но оставался тверд, как перекаленный клинок...

И сломался, как перекаленный клинок, когда понял, что вожделенное сокровище достанется не ему. Они с Найрамом сели на коней и уехали, а поздно вечером Блафем вернулся и сказал Камасите, что она будет женой Далиона. «И не вздумай перечить!» — рявкнул он безо всякой необходимости, но при этом потупил угрюмый взгляд. Камасита была на седьмом небе, что, однако, не мешало ей теряться в догадках: из-за чего отец так резко переменил решение? Осторожные расспросы вызывали только вспышку ярости, однако на другой день Блафем — снова под воздействием некоего труднообъяснимого порыва — позвал ее в увитую одичалым виноградом беседку и, подперев седую голову тяжелыми, как у пахаря, руками, сам все рассказал.

Они с Найрамом побывали подле входа в пещеру — точнее, у черного лаза на вершине холма. Дальше углубиться не решились: для этого надо было спускаться во мглистый природный колодец, где брошенный камень пропадал без звука, а у них не было при себе ни веревок достаточной длины, ни железных костылей, ни запаса пищи и воды на случай, если заблудятся. Был лишь один-единственный смоляной факел из запасов Блафема, но, спущенный на бечеве, он не осветил даже преддверия Подземелья.

Найрам клятвенно обещал взять Блафема с собой, когда снарядит экспедицию в земные не-

арà, и снова завел речь о женитьбе сына. И Блафем сдался. Сдался, когда услышал: «Только дай согласие, и эта пещера — твоя... Вместе со всем, что в ней сейчас таится».

— Эта пещера,— хрюкло произнес он,— будет свадебным подарком нашим детям.

— Быть посему! — торжественно возгласил Найрам.— А теперь извини, дорогой сосед, но я спешу домой. Веду готовить свадьбу, пока ты не передумал.

* * *

В незапамятные времена, когда в муках и корчах рождались эти горы, из черных недр бежала по трещинам раскаленная кровь земли. Лава изливалась на поверхность и жгла, душила газами все живое, но большей частью безобидно застывала в толщах соленосной глины и известняка. Снова и снова дрожали горы, их крошила, сминала, опрокидывала безжалостная и неодолимая мощь планеты; со временем она выталкивала на поверхность пласты застывшей в трещинах магмы, и там за них брались солнце, ветер, влага и корни растений. Но этот камень разрушался гораздо медленней, чем другие горные породы этих мест.

Один из таких темно-серых пластов прикрывал крутые бока холма — точь-в-точь как панцирь воина. Он отвесно поднимался на несколько десятков локтей, а выше, меж иззубренной кромкой и шапкой дерна, виднелись желто-синие напластования известняка и глины. Затекая

под каменный «панцирь», дождевая вода из века в век растворяла соль и вымывала частицы глины; мало-помалу в макушке холма образовалась опрокинутая воронка, а под ней — целая гроздь карстовых пещер.

Коней пришлось оставить у подножия, но восхождение не отняло много времени и сил. Далион был сама предупредительность: то, взобравшись на уступ, протянет молодой жене руку, то отведет от ее лица колючую терновую ветку, то остановит ее тревожным взмахом кисти и носком сапога отшвырнет с пути скорпиона или просто какого-нибудь паука, опасного только с виду. Камасита рассмеялась, когда он схватил ее в объятия при виде змеи — самого что ни на есть безобидного полоза. «За меня испугался», — с нежностью подумала она, лаская дыханием порозовевшую щеку мужа.

С вершины холма они посмотрели назад. Каменная усадьба Найрама была видна как на ладони, Камасита различала даже крашеные известью клети. А отцовский дом прятался на западе за отрогом лесистой горы — самой высокой в округе. Она поглядела по сторонам. Скалы, перелески, пастбища, буераки, нивы. В этих горах прошла вся ее жизнь. А вот там, за горизонтом, — Шадизар, город, о котором ходит дурная слава. Говорят, там полным-полно воров и разбойников, а женщины — подумать только! — продают себя за деньги. Да еще и кичатся этим! Другое дело — провинции Заморы. Здесь бытуют совсем иные нравы. Преступников вешают

или сажают на кол, а продажных женщин брют наголо, а то и бьют плетьми, и непременно изгоняют.

— Гости уже собирались,— сказал Далион, указывая подбородком на отцовский дом.— Только заглянем в пещеру, и сразу назад, ладно? А то рассердятся, если опоздаем.

Камасита снова рассмеялась. Она-то знала, почему супруг боится опоздать к началу свадебного пира. Чем скорее молодые сядут за стол, тем раньше гости отпустят их в опочивальню...

— Сам виноват, глупенький,— ласково упрекнула она.— Это ведь ты предложил верховую прогулку.

— Но уж признайся, милая: тебе не терпится хоть одним глазком взглянуть на кота в мешке. Тем более что это теперь наш котик.

— Будем надеяться, мех у него пышный и золотой...

— ...и длинные обсидиановые когти...

— ...и зубки алмазной крепости...

— ...и если уж на то пошло, мой любимый драгоценный камень — кошачий глаз,— заявил Далион.

— Фу! — Камасита с притворным негодованием сдвинула брови.— Разве можно быть таким жестоким?

— Конечно, нельзя,— беспечно ответил Далион.— Будем считать кота оправой, пусть остается при глазах. Если легенды правдивы, нам хватит его вылинявшей шерсти, чтобы безбедно дожить до конца дней.

Едва заметной тропкой они обогнули базальтовый валун, торчащий из дерна точно гнилой зуб из челюсти гигантского зверя,— под ним чернело круглое, в два обхвата, отверстие, а рядом лежала широкая ребристая плита серого сланца. Еще неделю назад плита надежно скрывала лаз от людских взоров; ее собственноручно отвалил Найрам и долго потом ругался — он десятки раз бывал на этом холме, изучил каждую его пядь, но так и не сподобился найти пещеру, пока не завладел картой.

— Тут уже все готово.— Далион подошел к груде вещей, прикрытых рогожей и шкурами. Камасита увидела аккуратно уложенное снаряжение: прочные ременные и волосяные веревки, десятки пропитанных смолой тростниковых факелов, связки кованых четырехгранных гвоздей с отверстиями в расплещенных и загнутых под прямым углом концах.— Осталось только запастись водой и пищей, и можно смело спускаться. Вот проводим гостей...

Он взял бухту веревки, прикинул в уме ее длину и удовлетворенно кивнул. Достал из груды снаряжения тяжелый молоток, выдернул железный крюк из связки, нашел на валуне подходящую трещину. Примерился. Ударил. Камень и сталь отозвались глухим эхом. В лаз посыпались базальтовые крошки.

— Милый,— встревоженно сказала Камасита,— надеюсь, ты не собираешься спускаться?

Далион поднял на нее удивленный взгляд.

— Я имею в виду, сейчас,— уточнила Камасита.

Он улыбнулся.

— Ну что ты, владычица моих чаяний! Я жду не дождусь, когда мы вернемся к свадебному столу. Мы с моим и твоим отцом приедем сюда дня через два; сначала отправим вниз слуг, а когда они разведают путь, спустимся сами.— Говоря это, он продевал в отверстие крюка бронзовое кольцо толщиной в мизинец.— Вот только сброшу веревку, и пойдем.

Налетел прохладный ветер, Камасита зябко передернула плечами.

— Но зачем сбрасывать веревку именно сейчас? В глазах юноши мелькнуло недоумение.

— То есть? — Он улыбнулся.— А, да просто так. Пускай повисит. Меньше будет возни, когда придем.— Он продел конец веревки в кольцо, завязал прочный узел.

— Но, милый,— поинтересовалась Камасита, непонимающе глядя на него,— почему ты решил, что веревка достанет до дна?

Далион посмотрел в черноту и пожал плечами.

— По-моему, достанет. Она длинная. Впрочем, можно взять еще одну...

Он подошел к груде снаряжения, выбрал точно такую же веревку, повернулся к девушке и медленно просунул руку в бухту, а затем перекинул через голову.

— Что ты хочешь делать, дорогой? — опешила Камасита.

— Как что? Нам пора возвращаться.— Он взял два факела с бронзовыми рукоятками, сунул за ремень.

Не веря своим глазам, Камасита смотрела, как деготь впитывается в дорогой белоснежный шелк его туники. Далион ссыпал за пазуху несколько крючьев, улыбнулся жене, поднял кожаный мешочек с трутром и огнивом и быстро привязал к поясу.

— Ты не замерзла, любимая?

Камасита снова передернула плечами, но на сей раз не ветер был тому причиной. Далион шагнул к отверстию.

— Нет! — воскликнула девушка.

Он взялся за веревку. Подергал.

— Не надо!

— Чего не надо, любимая? — Он сел. Ноги в высоких сапогах по колено утонули в сумраке лаза; уже и вторая рука сжимала веревку.

— Не надо туда спускаться...

— Спускаться? У меня и в мыслях этого нет. Я вполне могу подождать до...

Голос утонул в душном мраке. Камасита обнаружила, что зубы ее стучат. Девушку била крупная дрожь. Она неотрывно смотрела на веревку. Та напоминала змею, дергающуюся в смертных судорогах.

— Далион, ты сорвешься!

Пещера молчала.

— Далион! — закричала Камасита во всю силу легких.

Из чрева горы — ни звука.

Юная красавица в ужасе огляделась по сторонам. Задержала взор на усадьбе Найрама. Снова окунула его в черный круг.

— Далион...

* * *

— Давай, браконьер, жри! Скоро ворованная дичь встанет поперек горла. Через неделю у тебя вспухнет брюхо и позеленеет язык, а через две мы вытащим из ямы твой труп и отдадим моим любимым собачкам, пускай растащат по двору смердящие потроха!

Старший псарь так живо вообразил эту сценку, что пришел в буйный восторг. Он оглушиительно расхоялся; над краем ямы затряслись жирные щеки, запрыгала широкая холеная борода. Капля слюны сорвалась с губ Найрамова челядинца, упала пленнику на запястье. Конан презрливо вытер руку о штаны и снова вонзил зубы в вареное мясо.

— У тебя завидный аппетит, киммериец. Вы, северные дикари, привыкли нажираться впрок, ведь кто знает, когда еще языческие боги подкинут съестного? Не жадничай, дружок. Господин велел кормить тебя на убой, даже когда ты слопаешь краденого кабанчика. Но мы тебе будем давать только вареное мясо! Ни яблочного огрызка, ни морковной ботвинки! Даже луковой шелухи не получишь ты от нас, киммерийский ублю...

Брошенный меткой рукой увесистый мосол с громким треском врезался в лоб псаря. Найрамов холуй замолк на полуслове и обмяк, голова свесилась в яму.

Вареный кабанчик свалился с колен киммерийца в грязь, в закаменевшие нечистоты прежних узников, безвестных крестьян-браконьеров,

принявших в этой яме жуткую смерть. Кто-то из невидимых Конану слуг испуганно вскрикнул и бросился на выручку старшему псарю. Он опоздал на кратчайший миг. Словно барс, взлетел Конан со дна глубокой ямы и, хоть не сумел даже до края дотянуться, добился, чего хотел. Пальцы его правой руки погрузились в густую поросьль, украшавшую физиономию оглушенного челядинца.

Конан повис на бороде — еще миг, и старший псарь мешком свалился ему на голову, тогда как подоспевший слуга уже держал приятеля за штаны, вонил, созывая подмогу. Завитая и уменьшенная борода выскальзывала из хватки киммерийца.

— Кром! — процедил сквозь зубы Конан, понимая, что не удержит добычу.

Безвольная толстая рука съехала с края ямы и ударила его по щеке. Он ухмыльнулся и вцепился в нее левой пятерней. А потом, для надежности, еще и зубами.

От боли старший псарь пришел в сознание и завизжал. Наверху затрещала рвущаяся материя. Выругался слуга — у него в руках остался только здоровенный клок от приятелевых штанов. Псарь плюхнулся на дно ямы.

Конан приподнял его за шиворот, беззлобно рассмеялся и небрежным прямым ударом расквасил нос. Потом развернул бородача и неторопливо взял сзади в удушающий захват. Дождался, когда над краем ямы покажутся головы дворовых Найрама.

— Цена его жизни — моя свобода! — деловито сообщил он, заслоняясь полузадушенным пленником от нацеленных стрел.— Не вздумайте сюда лезть, я ему шею сверну, как воробышку!

Найрамовы холуи щерились и молчали. Конан слушал, как скрипят сухожильные тетивы — быстро синеющие пальцы натягивали их до отказа. Хищно подрагивали маленькие каленые жала.

— Похоже, толстяк, тут тобой не слишком дорожат,— заметил он, повыше поднимая старшего псаря.— Даже собачки твои любимые не воют. Хотя должны бы — по покойнику.

— Опустите луки! — потребовал властный голос; его обладатель встал на самый край ямы; под ноги Конану свалился комок земли.— Я кому сказал? — раздраженно поинтересовался жилистый стариk в потертой кожаной одежде.

— Браконьеру — смерть! — с надрывом в писклявом голосе заявил слуга, не сумевший выручить старшего псаря.— Так говорит хозяин...

— Заткнись, мужлан, и ступай позови хозяина. Скажи ему, у Блафема родилась неплохая идея. Что топчешься, козлиный лишай? Плеткой огреть, чтоб зашевелился?

Ворча под нос ругательства, слуга повернулся и отошел. Остальным стариk еще раз велел опустить оружие, но они будто не слышали.

Киммериец слегка ослабил захват. Старший псарь со свистом втянул ртом воздух, замотал головой.

— Какие хорошие слуги,— насмешливо сказал Конан.— Слово хозяина для них — закон. Интересно, чем он платит за такое послушание? Стрелой в пузо?

— Глупец! — вставший рядом с жилистым стариком Найрам укоризненно покачал головой.— Отпусти его, не отягчай своих мук...

— Я отпущу этого олуха на краю твоих владений,— твердо пообещал Конан, хотя внутренне поджался; в Найрамовых глазах он прочел приговор и себе, и своему пленнику.— Распорядись, чтобы сюда спустили лестницу. И поскорее! От него нестерпимо воняет псиной! Если думаешь, что мне приятно с ним обниматься,— ошибаешься!

У Найрама чуть дрогнули уголки губ. Стариk широко улыбнулся.

— Что за идея, дорогой сват? — повернулся к нему Найрам.

Жилистый стариk кивком указал на Конана.

— Он силен, ловок, изобретателен и дерзок. Он — тот, кто нам нужен.

Найрам поглядел в яму и вновь покачал головой, на этот раз с сомнением.

— Он браконьер... Я не даю спуску браконьерам — это, если угодно, дело принципа. К тому же я посыпал человека в Шадизар, велел поспрашивать насчет киммерийца. Оказывается, там его каждая собака знает. И не только знает, но и точит на него зуб. У нашего приятеля столько врагов, и все так жаждут его крови, что я мог бы разбогатеть вдвое, продавая Конана по кусоч-

ку.— Он поглядел на киммерийца.— Ты сбежал от своих «должников», да? И прятался в окрестностях Шадизара, выжидая, пока улягутся страсти? И кормился ворованной дичью? Развратные горожане не знают, что ты попался моим лесникам, иначе уже примчались бы сюда всем скопом. Нет, я не выдам тебя шадизарцам. Я сам тебя накажу.

— Найрам,— сказал Блафем,— он способен нам помочь.

— Сегодня на рассвете, когда его вязали, он искалечил четверых моих слуг. Хорошо еще, лесникам хватило ума сначала украсть его оружие. Бряд ли кто-нибудь ушел бы живым, доберись этот демон до меча.

— Вот видишь? — настаивал Блафем.— Каждое твое слово подтверждает мою правоту. Сколько лучших слуг ты послал в пещеру? И кто из них вернулся? Все сгинули. Остальных же не загониши туда даже под страхом казни.

— Мне нужна палка с ремнем,— сказал Конан.

— Это еще зачем? — хором спросили Найрам с Блафемом.

— Как — зачем? — Киммериец осклабился.— Вы что, надеетесь меня уговорить, пока я дышу вонью в этой яме? Напрасно, благородные господа. Вот перейдем в чистые покой, тогда и потолковать можно будет за кубком доброго вина.

Возмущенный Найрам открыл было рот, но Блафем не дал ему разразиться проклятиями.

— Ты все-таки не ответил,— поспешил сказал он Конану,— зачем тебе палка с ремнем?

— Ремень я намотаю на жирную шею этого борова, моего заложника. Он будет присутствовать при нашем разговоре, но вином его можете не поить. А палка будет у меня в руках. В случае чего, крутану разок, и шея — хруп! Я ж говорю, неприятно с ним обниматься — псиной разит.

— Ах ты, наглый дикарь! — Найрам зловеще улыбнулся.— Узнаю повадки шадизарского отребья. Может быть, в этом мерзком городе, гнездилице воровства и разврата, тебе и сошла бы с рук такая дерзость, но в своих владениях я не терплю...

— О, милость Митры! — вздохнул Блафем.— Да полно тебе, сват. Остынь наконец. Давай спустим его в пещеру,— а там кто знает, может, он найдет смерть пострашнее любой из тех, какие ты способен измыслить. Ведь никто же не вернулся, ни один!

— Мне противна сама мысль о снисхождении к этому нахальному черви,— надменно произнес Найрам.— Однако будь по-твоему, сват. Уступаю, но только из уважения к тебе. Эй, люди! Спустите сюда лестницу, дайте браконьеру ремень и палку, отойдите от ямы и перекройте все выходы из усадьбы. Эй, ты, наглец! Как только вылезешь, ступай прямиком во флигель, в комнату охотничьих трофеев. Там мы будем с тобой говорить. Не вздумай сделать хоть шаг в сторону — мои стрелки с радостью проткнут тебе печеньку.

* * *

С почтительной миной на лице, то и дело отвешивая поклоны, слуга в роскошной ливрее поднес хозяину золотой кубок. Точно такой же кубок он предложил — но уже без особого подбострастия во взоре и движениях — Блафему, а Конану просто сунул непочатую глиняную бутыль. И скрылся в углу за чучелом огромной — и злобной при жизни — медведицы.

Конан попытался извлечь пробку свободной рукой — не получилось. Тогда он поднес горлышко бутылки ко рту старшего псаря и сказал: «А ну, давай!». Страх придал заложнику сообразительности — он раскрыл рот и сжал зубами пыльную пробку. Киммериец рванул бутылку. Голова старшего псаря дернулась следом, но пробку из зубов не выпустила. Скосив глаз на хозяина поместья, Конан прижал горлышко к губам, запрокинул бутылку. Найрам брезгливо смотрел, как текут по выпяченному щетинистому подбородку вишневые струйки, слушал частое бульканье. Он поднес к губам кубок с отменным вином, сделал маленький глоток, поднял глаза к потолку и причмокнул. Божественный напиток.

— Пойло для скота.— Конан сплюнул на пол, затем вытянул шею, словно хотел заглянуть в кубок Найрама, а после сочувственно сказал Блафему: — Сват-то у тебя — скряга, каких свет не видывал. Такой бурдой гостей поить! Сам-то небось хорошим винцом освежается. Бьюсь об заклад, старик, он и тебя помоями потчует.— Он

указал на кубок Блафема и двинул кистью в свою сторону.— Дай-ка, отведаю, я в винах знаю толк...

Взвешенный Найрам схватил со стола кубок и выплеснул вино в лицо Конану. Тот невозмутимо облизнулся и кивнул с ухмылкой.

— Ты глянь! Сам помой лакает! Ну и скряга!

Утратив от ярости дар речи, Найрам только скрежетал зубами. Блафем залпом выпил вино, поставил кубок и хмуро посмотрел Конану в лицо.

— Шутки в сторону, киммериец. Поговорим о деле.

— Ну, давай попробуем.

Блафем сухо рассказал Конану, как его дочь и зять в день свадьбы отправились взглянуть на пещеру; как юный Далион, не вняв уговорам жены, спустился под землю и исчез. Вечером встревоженные гости отправились на холм и нашли у пещеры только Камаситу — бедняжка плакала и дрожала от страха. Ей даже в голову не пришло поехать в усадьбу за помощью; несомненно, шок помрачил рассудок девушки. Еще немного, и она сама полезла бы по веревке вслед за мужем. По ее словам, в последние мгновения он вел себя очень странно — как будто не ведал, что делает.

— Тут не обошлось без злых чар,— мрачно прокомментировал чуть поостывший Найрам.

Несмотря на близость полуночи, двое гостей — друзья Далиона — вызвались отправиться на поиски в пещеру. Блафем с Найрамом хотели

сделать это сами, но гости отговорили — дескать, мы моложе и сил у нас побольше. Вооружась факелами, они опустились в подземелье Темного Ольта и...

— Погоди,— перебил Конан.— Как ты сказал? Подземелье?..

— Темного Ольта. По легенде, когда Бог со-здавал мир, он небо отдал Светлым Ольтам, а недра...

— Это ему знать не обязательно,— проворчал Найрам.

— Верно,— спохватился Блафем.— Так вот, когда к рассвету гости не вернулись, мы с Найрамом совсем собрались...

— ...выручать Далиона, но осторожность опять сказала свое веское слово,— громко договорил за него Конан.— И, не желая рисковать собственными шкурами, вы послали в берлогу Темного Ольта ни в чем не повинного слугу. Я угадал?

На сей раз зло скрипнуло зубами Блафем. Этот киммерийский наглец и вправду невыносим!

— Двоих,— ответил Найрам; хозяин усадьбы уже совершенно успокоился.— И еще четверых — днем. Никто не вернулся.

— Должно быть, они умирали с твоим именем на устах.— Конан поставил бутыль и взялся за палку. Ремень вдавился в толстую шею старшего псаря, тот захрипел и засучил ногами. Киммериец сразу ослабил петлю и сказал: — Н-да. Похоже, я ошибся. Наверное, подыхая, они только воздух портили, как эта скотина.

— Мы подарим тебе жизнь,— пообещал Блафем,— если спасешь Далиона.

— Жизнь нищего бродяги,— со смехом произнес Конан,— за драгоценную жизнь наследника. И вдобавок простите мне украденного поросенка. Я был не прав насчет тебя, Найрам. Ты не скряга.

* * *

— Мне нужны меч и доспехи. Без них не полезу. Найрам с Блафемом переглянулись. Найрам пожал плечами. Блафем кивнул.

— Как только найдешь опору для ног, крикни,— сказал Блафем.— Мы спустим на бечеве мешок со снаряжением и лепешками и меч. А доспехи тебе там ни к чему. Нам не жалко, просто в пещере они только помеха. Лучше возьми побольше факелов.

Конан подумал и согласился. На вершине холма собралось человек двадцать — главным образом, Найрамова челядь. Киммериец не обращал на них внимания, зато глаз не сводил с юной красавицы, которая приехала на вороном коне и теперь, заплаканная, неподвижно сидела на большом плоском камне.

— Это и есть твоя дочь?

Старик мрачно кивнул, запихивая в мешок пресные лепешки.

— Да она милышка! Зять, наверное, души в ней не чает, а?

Блафем промолчал. Конан зыркнул по сторонам — не слышит ли отец Далиона? — и вполголоса произнес:

— Будь я на месте Далиона, меня б никакие демоны не заволокли в пещеру. По крайней мере, до конца брачной ночи.

Он увернулся от кулака в кожаной митенке и с хохотом отпрыгнул.

— Да не расстраивайся ты так! Верну я тебе зятя. Живым и здоровым. Эй, Камасита,— повернулся он к девушке,— довольно воду лить, нам с Далионом все равно твоих слез не хватит, чтобы смыть пещерную грязь. Лучше возвращайся в усадьбу да распорядись насчет доброй помывки. Мне она точно не помешает, вон как твой свекор меня отделал.— Он указал на свою изгвазданную тунику.

Камасита не ответила. У нее задрожал подбородок, слезы полились в три ручья.

— Оставь ее! — процедил сквозь зубы Блафем.

— Да ну.— Конан махнул рукой и повернулся к пещере.— Шуток не понимаете, скучно с вами. Ладно, я полез.

Он исчез в темном отверстии. Блафем, его дочь, Найрам и слуги смотрели на подрагивающую веревку.

В глубине умирали шорохи.

Через некоторое время из недр горы донесся приглушенный расстоянием крик:

— Стою!

— Спускайте мешок,— велел слугам Найрам.

* * *

Конан стоял на краю скользкого выступа в обнимку с тяжелым мешком. Кругом царила не-

проглядная мгла, было душно, пахло пылью и камнем.

Спускаясь по веревке, он все время раскачивался, то и дело касался вытянутой рукой стен и вскоре понял, что находится в некоем подобии колодца. Есть ли у этого колодца дно — вот вопрос. А если есть, достает ли до него веревка? А если не достает, хватит ли сил взобраться по ней обратно?

Но вскоре он обнаружил уступ и приободрился. Прямо под ногами зияла бездна, но спускаться туда не было нужды. В этом киммериец не сомневался. Потому что за спиной открывался коридор.

«Наверное, все, кто побывал тут до меня, находили этот карниз,— подумал он.— Миновать его почти невозможно, хотя снаружи не видно, даже когда спускаешь на веревке горящий факел,— на самом верху ствол колодца сужается и закручивается по спирали».

Прижимая мешок к животу, он отпустил веревку, очень осторожно повернулся и протянул руку. Пальцы не встретили преграды. Так и есть, коридор. Не ниша, а именно коридор, потому что оттуда тянет сквозняком. Конан ухмыльнулся. Раз есть сквозняк, значит, есть и второй выход. И его не стерегут лучники Найрама.

Киммериец сделал шаг, другой, третий. Под ногами — довольно ровный камень. Стены гладкие, изгибаются кверху. Очень похоже на рукостворный туннель. Он опустился на корточки,

поставил мешок, выдернул из него факел. Хорошие у Найрама факелы, удобные. Что-то вроде камышовых веников на бронзовой рукоятке. Сгорит просмоленный веник, можно будет насадить на рукоятку новый, много времени это не займет. Так ведь эти факелы как раз и предназначены для пещер. Там, на вершине холма, он видел подготовленную заранее груду снаряжения — добрые снасти для лазанья по горам и подземельям. На поверхности вполне сгодилось бы что попроще...

«Давненько вы к этому Ольту подбирайтесь, — подумал он о Найраме и Блафеме. — Неужто из одного любопытства?»

По пути к холму он несколько раз пытался завести разговор о пещере. Сваты не отвечали, только глазами сверкали угремо. Но для Конана с его нюхом на золото красноречивым было само молчание. Да и предвидел он, сидя в комнате охотничих трофеев за спиной у полуздущенного псаря, что от Найрама с Блафемом откровенности не добьешься.

А потому, едва они вышли готовиться к поездке и оставили Конана под присмотром двух вооруженных луками и мечами слуг, киммериец похлопал своего заложника по плечу и попросил рассказать все, что тот знает о подземелье Темного Ольта. Полумертвый от страха и удушья пленник безропотно поведал историю знаменитой сокровищницы.

Как гласит легенда, Митра, сотворив мир, оглядел его пытливым оком и рек, премного

довольный плодом кропотливого труда своего: «Ныне время отдыха для Меня». Но, дабы не оставлять мира без присмотра на, быть может, сотню тысяч лет (для богов и смертных, как известно, время течет по-разному), он породил сонмище духов и велел им надзирать за своим гениальным творением. Духов он нарек ольтами; в ту пору, наспех созданные, все они были на одно лицо.

Великий Митра с чистой совестью удалился на покой, а когда минуло один Он знает сколько времени, взглянул на мир и поразился его метаморфозам. Дела земные уже не интересовали духов — они разделились на два враждебных лагеря и ожесточенно сражались. Мир, естественно, содержался в небрежении, а смертные, по примеру своих покровителей, враждовали между собой и щедро проливали кровь.

Придя в великий гнев, Митра хотел было одним махом покончить и с людьми, и с ольтами, расплавить Землю, дождаться, когда она застынет, и пересотворить мир заново. Но взял себя в руки и решил для очистки совести призвать своих неразумных детищ к порядку. Многие из них, надо отдать им должное, вняли Гласу Небесному и тем изрядно успокоили Митру. Другие, безнадежно погрязшие в грехе, зная себе предавались интригам и буйству.

Если Солнцеликий, создавая человечество, пытал далеко идущие планы, то в дальнейшем существовании ольтов он не видел особого про-ку. Однако ему показались занятными перемены,

случившиеся с этим народцем. Ольты уже не были прежними, они заметно расслоились на храбрых и трусливых, добродетельных и порочных, изворотливых и прямодушных. Разнились они даже по уму, хотя Бог сотворил всех одинаковыми. Иными словами, подобно людям, они вызывали интерес. И тем заслужили пощаду. В безмерной мудрости своей Митра разделил их на темных и светлых. Светлым ольтам достались небо, солнечные лучи, утренний туман и снега вершин; темные обитают в земных недрах, в сумраке расселин, во мгле омутов, в сырости и плесени подвалов. Одни питаются запахом цветов и солнечным теплом, другие — холодным дыханием каменных стен и блеском золата, надежно укрытого в глубине подземелий.

Если не лгут мрачные поверья здешних крестьян, то в незапамятные времена один из темных ольтов поселился в этих краях. Потом тут стали добывать самородное золото. Под свист бичей и злобные окрики дюжих волосатых надсмотрщиков одетые в лохмотья рабы синими от холода руками окунали в горные потоки деревянные лотки. Иногда среди бесформенных желтых крупинок попадался крупный прозрачный кристалл граната или берилла, а то и сверкающий алмаз. И досталось все это богатства, как утверждает легенда, Темному Ольту, ибо зачарованные старатели работали на него. Где-то во мраке подземелья хранятся ныне драгоценности этих мест, собранные рабами до последней крупицы. Ибо у Темного Ольта изумительный нюх на сокровища,

он даже песчинку золота учуяет за много полетов стрелы.

* * *

Наконец факел занялся — трескучим оранжевым огнем. Дым потянулся назад, к колодцу. Так и есть — сквозняк. Конан усмехнулся. Если найдется второй выход, он не будет раздумывать. Выберется из пещеры — и поминай как звали. Судьба Далиона и Найрамовых слуг ему безразлична. Вот если бы его по-человечески усадили за стол, да накормили сытным обедом, да предложили хорошую плату... А все — проклятое высокомерие знати. Люди подлого сословия должны почитать за счастье, когда им позволяют исполнить господский каприз!

Тыльной стороной кулака, сжимающего факел, киммериец дотронулся до щеки. Липко. Найрам, обливший его вином, не разрешил даже умыться.

Коридор постепенно сворачивал влево, оттуда доносился шум воды. Подземная река. Конан шагал, прижимая к левому боку мешок; в вытянутой правой руке он держал факел. Ему вспомнилась красавица Камасита. Сейчас она там, на вершине холма, льет горькие слезы. Какие у нее большие черные глаза, какие длинные ресницы! И от такой красотки в день свадьбы сбежал муж?! И куда? В подземелье, кишащее, быть может, змеями и ядовитыми пауками? Вот уж правду говорят, что и тысяче мудрецов не под силу понять, что творится в душе одного глупца.

Подземный водопад шумел все громче, и вскоре факел осветил струи, низвергавшиеся с осклизлого выступа. В ширину поток не превосходил десяти локтей, через него можно было перебраться по обточенным водой валунам; над ними кто-то даже протянул веревку. Далион? Скорее, его друзья или Найрамовы слуги — ведь они знали, что на обратном пути, возможно, придется нести раненого или мертвого Далиона, вот и соорудили импровизированные перила. Конан нашел вбитый в скалу крюк с медным кольцом; точно такой же, он знал, окажется по ту сторону ручья.

Водя факелом по сторонам, он осмотрелся. Дым уверенно тянулся вверх — уж не там ли, откуда течет ручей, выход? Недолго думая, Конан положил мешок на каменный пол и достал бухту веревки, связку крючьев и молоток. Подниматься придется на ощупь, прямо по воде; факела с собой не возьмешь.

Конан медленно перебирался с уступа на уступ, изредка задерживаясь, чтобы вбить крюк и продеть в кольцо веревку. Он давно промок до нитки, пальцы онемели в ледяной воде, мокрые пряди длинных волос облепили лицо. Но разве это испытание для того, кто родился и вырос в лютой стуже Киммерийских гор? Просто своеевременная возможность смыть с себя грязь пыточной ямы.

Он выбрался на горизонтальный участок русла. Здесь пришлось ползти на животе, задрав голову над водой и окуная ее всякий раз, когда

макушка стукалась о камень. Пробираться по узкому дну ручья было бы гораздо легче, если бы не приходилось время от времени останавливаться и разматывать веревку; он то и дело застревал и несколько раз даже хотел повернуть обратно.

Киммериец в очередной раз погрузился в воду и, перебирая по дну руками, преодолел шесть или семь локтей, насколько позволила слабина веревки, а когда захотел поднять голову над поверхностью, то не сумел — затылок уперся в скалу. Неужели вода доходит здесь до самого потолка? Похоже на то. Стало быть, надо поскорее возвращаться — легкие саднит, в голове стучат молоты, он вот-вот не выдержит и начнет глотать воду... И тогда — смерть. Конан двинулся вспять и сразу почувствовал, что застрял. Отощавшая бухта угостила между бедром и камнем и не пускала назад. И вперед никак — держат крюк и размотанная часть веревки.

Он понял, что сейчас умрет. В голове проснулся красный вулкан, боль ломила виски, разрывала уши. Киммериец дернулся всем телом вперед, рванул бухту — тщетно. Но ведь был же сквозняк, подумал он сквозь набегающую слабость. Может быть, все-таки есть пространство между потолком и поверхностью воды? Хоть в полпальца толщиной?

Конан извернулся ужом, рискуя порвать шейные сухожилия, поднял губы к потолку и поцеловал холодный камень. В приоткрытый рот

хлынула вода, киммериец закашлялся и выпнул туловище еще сильнее. Есть! Воздух. Жизнь. Путь сквозняка — узкий желобок в потолке. Когда-то его проточила подземная река, а потом уровень воды понизился. Правда, совсем чуть-чуть, но все-таки достаточно, чтобы не задохнуться.

Веревку пришлось бросить. Он отвязал ее непослушными пальцами, пополз дальше и вскоре увидел свет.

Ручей впадал в широкую и мелководную реку. Конан поднялся на корточки и, прячась за низким подмытым берегом, огляделся. Ложе, выстланное белым плитчатым известняком. Чахлый кустарник по берегам. В полете стрелы к северо-востоку — холм, откуда он спустился в пещеру. На вершине видны силуэты людей, ожидающих, когда киммериец выполнит поручение и вернется.

Он негромко рассмеялся. Долго же им придется ждать! Впрочем, солнце уже клонится к горизонту; как стемнеет, Найрам, Блафем и Камасита сядут на коней и возвратятся в усадьбу. А у пещеры останутся слуги — чтобы ночь напролет просидеть у костра, проклиная на все лады хозяина, его сына и киммерийского ублюдка.

«Я просто исчезну без следа,— подумал Конан.— Как те двое гостей и шестеро челядинцев. Как Далион. Никто не станет искать пропавшего без вести браконьера».

Что ж, осталось дождаться темноты и уйти незамеченным. Отправиться в Аренджун — он

давно туда собирался. Или найти надежное лого-во в окрестностях Шадизара, склониться до тех пор, пока городской страже и главарям воровских шаек не надоест его разыскивать. Можно и в южные края податься — через земли Кофа и Хаурана на караванные пути Шема, где воину, знающему толк в своем ремесле, всегда найдется работа. Или даже к берегам легендарного Стиксса...

В животе громко забурчало, и киммериец вспомнил, что давно не ел. Утром, правда, обгладал кабанью лопатку да глотнул вина, но с тех пор — ни крошки. А денек, как ни посмотри, выдался не из легких. Сейчас не помешали бы добрый ужин и костерок — обсохнуть...

Тут, будто издеваясь, ветер донес с холма запах дыма и жареного мяса. «Найрам привык ни в чем себе не отказывать», — раздраженно подумал Конан, вспомнив, как четверо мускулистых слуг, кряхтя от натуги, поднимали на вершину холма паланкин с хозяином. А от усадьбы пустой паланкин везла лошадь. Камасита и Блафем шли в гору пешком... И сейчас, конечно, они сидят у огня, на коврике перед ними — уймища всякой снеди, и Найрам с кичливым радушием потчует свата и невестку. А холуи стоят вокруг и глотают слюнки...

Конан вспомнил мешок, оставленный в подземном туннеле. Вот где вдоволь лепешек и полбутылки вина... В пещере довольно сухо, можно развести костер из факелов, высушить одежду и переночевать в относительном уюте. Незадолго

до рассвета, конечно, снова придется вымокнуть, возвращаясь сюда, но на солнце он быстро обсохнет...

Значит, лезть обратно. Но не ради тепла и даже пищи, хотя голод, конечно, не тетка. Ради меча. Не пристало воину бросать верный клинок.

* * *

Разбудил его свет. Не факела — последний из них превратился в кучку пепла, пока Конан спал. И не дневной — солнечным лучам путь в эту пещеру был строго заказан. Призрачное зеленоватое сияние изливалось из ниши под сводом. Еще раньше, осматривая пещеру, Конан заметил на стенах следы кайла — судя по всему, природные полости в горе были соединены рукотворными коридорами. Оставалось лишь гадать, кто были те загадочные труженики и чья непререкаемая воля заставила их крошить стылый камень во мраке подземелья. Уж не самого ли Темного Ольта?

Киммериец подошел к стене, встал на цыпочки, протянул руку и достал из ниши глиняную плошку. Слегка покачал ею перед глазами. На дне переливалась густая, как мед, жидкость; именно она излучала свет. Конан разглядел в ней бесформенные зеленоватые крупицы. Они метались, хватали друг друга, поглощали, делились — словом, вели себя как живые. Они и были живыми. И эта жизнь порождала свет.

Он бережно опустил плошку на пол и посмотрел в сторону колодца, через который

впервые попал в этот карстовый лабиринт. Кромешная мгла. Он глянул в противоположном направлении и увидел еще одно пятнышко зеленоватого света — на том берегу подземного ручья. Конан взобрался на мокрый каменный выступ, вытянул шею и напряг зрение. Так и есть: еще одна плошка с малюсенькими светящимися тварями. Пока киммериец спал, кто-то прошел мимо и расставил светильники. Зачем?

Ответ возник сразу. Чтобы указать путь.

Конан обернулся и увидел крюк с медным кольцом и бечеву, которую вчера с таким трудом протянул к обнаруженному выходу. Веревка была целехонька. А невдалеке от нее, по ту сторону ручья, тлел удивительный огонек.

«Кто-то хочет, чтобы я шел в глубь пещеры, — подумал Конан. — Но не заставляет, иначе испортил бы или украл веревку. Нет, всего лишь предлагает. Показывает удобную дорогу. Только удобную ли? Может быть, это ловушка, и в пути подстерегает смерть?»

Было над чем поломать голову. Конан спрыгнул с уступа на сухой каменный пол, сел, подобрал под себя ноги. Многоеказалось странным. Как удалось пещерному жителю незамеченным пройти мимо? Инстинктам киммерийца позавидовал бы и вожак волчьей стаи; даже во сне Конанчуял любую опасность. Правда, день вчера выдался не из легких — он здорово намаялся, пока выбирался из пещеры. Но не до такой же степени, чтобы безмятежно проспать визит чело-

века (и человека ли? или призрака подземелья?), идущего со светильниками?

И почему он не хочет, чтобы Конан уходил? Может быть, устал от одиночества и рад любому гостю? Киммериец криво улыбнулся, вспомнив о Далионе и спасателях. Не эти ли живые огни завели их туда, откуда они не сумели вернуться? Нет, лучше не рисковать. Там, на верху, свобода, путь к ней проторен. А здесь что? Сплошные загадки, одна другой головоломнее. И стоят ли они того, чтобы подставлять шею?

«Пройду чуть-чуть вперед», — сказал себе Конан и сам удивился этому решению: казалось, оно созрело против его воли. Однако он уступил порыву, поднялся на ноги, опоясался мечом, взялся за натянутую веревку и осторожно перебрался через водопад, где подобрал второй светильник.

— Я рад, что ты не захотел уйти, человек, — донесся откуда-то сверху скрипучий голос.

Клинок вырвался из ножен раньше, чем Конан задрал голову. Он инстинктивно отпрянул, увидев смутное черное пятно.

— Нет нужды угрожать мне оружием, — прокрипела летучая мышь. — Я не причиню тебе зла.

Острое клинка, прижавшее маленького обитателя пещеры к потолку, не опустилось даже на ширину ногтя.

— Я способен испытывать боль, человек, — будничным тоном сообщил нетопырь. — За что ты со мной так жесток? Повторяю: я не враг тебе.

— Кто ты? — хрипло произнес киммериец, делая шаг назад и опуская меч.

Темное пятно расплылось, превратившись в каменную сосульку. Сталактит с нежным звоном откололся и упал на пол. У Конана мурашки побежали по спине: перед ним на задних лапках стояла упитанная черная крыса.

— Демон!

— Разве суть в названии? — Крыса склонила набок усатую голову. — Сказать по правде, я и сам не знаю, кто такой. Прошлого я не вспоминаю, в будущее не заглядываю. Мысли приходят сами по себе и тут же становятся частью ненужного прошлого. Считай, что я — дух этого Подземелья. Зови меня Пенатом.

— Ты Темный Ольт?

Крыса исчезла. Но скрипучий голос зазвучал вновь — теперь уже не с пола, а со стены. Конан повернула голову, поднес светильник. На рубце, оставленном кайлом, сидела крупная ночная бабочка.

— Нет. Я Пенат этого Подземелья. И не люблю Темного Ольта.

— Так значит, он не выдумка?

— Темный Ольт? Выдумка? — Бабочка возмущенно трепыхнула крыльшками. — Скорее, это ты — выдумка. Надо же было такое сказать! Темный Ольт — болезнь этой пещеры. С тех пор, как он тут поселился, он убивает меня. Сидит на горе сокровищ и отравляет меня своим смрадным дыханием, своими гнусными помыслами. Но хуже всего я переношу близость золота. Ты слышал

когда-нибудь о том, что жемчужина — это болезнь ракушки? Вот так и золото — мой тяжкий недуг. Чем его больше, тем я слабее, и тем сильнее Ольт.

— С некоторыми людьми тоже так бывает, — заметил Конан. — Любовь к золоту стоит им здоровья. А то и жизни.

— Чрезмерная любовь к золоту, ты хочешь сказать? Да, я знаю, наверху все не так, как у нас. Я ненавижу золото, а Темный Ольт обожает, и оно платит ему за любовь отменным здоровьем, а мне за ненависть — хворью. Вся беда в том, что ему некуда деться. Наверху у него всегда есть выбор. Понимаешь, о чем я говорю? Не понравится один хозяин, золото обязательно найдет способ перейти к другому, к тому, кто его сильнее любит. А тут оно вынуждено все свои чувства делить между мною и Ольтом.

— И тебя это, конечно, не устраивает, — насмешливо проговорил Конан.

— Человек, твоя ирония неуместна. Нет такой цены, которую бы я не заплатил тому, кто избавит меня от соседства с Темным Ольтом и его сокровищами. Заметь, я сказал слово «бы». Увы, мне нечем отплатить за такую услугу, ведь я — бессеребренник и за всю свою жизнь не приобрел даже ломаного гроша. Но тому, кто сумеет мне помочь, достанутся все богатства Ольта...

— Ах ты пройдоха! — рассмеялся Конан. — Предлагаешь то, что тебе не принадлежит. И дураки, конечно, находятся?

— Кого ты имеешь в виду, человек?

— Конечно, бедолагу Далиона и шайку оболтусов, которая побывала тут незадолго до меня. Готов побиться об заклад на что угодно, они взялись помочь страждущему духу подземелья, и теперь Темный Ольт мастерит из их костей зубочистки.

Конан растерянно заморгал — бабочка на известняковой стене исчезла. Вместо нее серело пятнышко мохнатого лишайника.

— Ты прав лишь отчасти, воин, — прошептал лишайник. — Только Далион внял моим уговорам, и он один сейчас жив. Остальные пришли спасать его и в итоге все погибли. Если бы они слушались советов, а не шарахались с визгом от моей тени, то, возможно, добились бы успеха.

— Разве их убил не Темный Ольт?

Пребывай Пенат в облике человека, он бы пожал плечами. А лишайник просто съежился на мгновение.

— Темному Ольту, — с презрением сказал он, — не пришлось даже седалища отрывать от груды золота ради этих трусов.

— Значит, их прикончил ты, — обвиняющее заключил Конан.

— Я? — возмутился Пенат. — Их погубили собственные глупость и трусость. Первые двое сорвались со скалы и разбились, третий умер от разрыва сердца, четвертый и пятый утонули в подземной реке, шестого пырнул ножом товарищ, приняв за призрак. Потом седьмой и вось-

мой забились в расселину и, сойдя с ума от ужаса, наложили на себя руки.

— Они испугались тебя,—упорствовал Конан.—Значит, это ты виновен в их смерти.

— Ладно, пусть я виновен,—раздраженно уступил лишайник.—Право, эти суеверные бедняги не стоят того, чтобы о них вспоминать. Они — часть ненужного прошлого. Давай лучше потолкуем о настоящем...

— Я иду наверх,—отрезал Конан.

— Но почему? — удивленно спросил Пенат.—Ты что, не хочешь разбогатеть?

— Из твоей уютной норки,—сказал киммериец,—никто еще не возвращался. Я хочу нарушить эту милую традицию.

Лишайник тяжко вздохнул.

— Я знаю, у вас, людей, есть излюбленная поговорка: «Лучше быть живым трусом, чем мертвым храбрецом». Что ж, видно, я тебя не за того принял.

Услышать упрек в трусости от какого-то блеклого пятнышка на стене? Конан был настолько великодушен, что не растер его в пыль подошвой сапога.

— Ты такое же ничтожество, как слуги Найрама,—заключил неблагодарный лишайник.

— Почем я знаю,—хрипло произнес Конан,—что ты не врешь? А вдруг никакого золота в этом логове нет?

Дух Подземелья молчал. Конан вдруг почувствовал, что не в силах оторвать взгляда от округлого серого пятнышка. Лишайник быстро

расползлся по стене и светел, обретая прозрачность.

Теперь киммериец смотрел в просторный подземный зал, освещенный множеством светильников — таких же, как тот, который он все еще держал в левой руке.

Посреди зала играла всеми мыслимыми и немыслимыми красками высокая груда золота и драгоценных камней. На ее вершине восседал меднокожий великан в одной набедренной повязке. Он заливался счастливым смехом, горстями черная сокровища и позволяя им сыпаться меж громадными узловатыми пальцами; при этом на его руках и груди перекатывались мускулы, каждый толщиною с оглоблю. В густой курчавой бороде и пышной шевелюре сверкали золотые песчинки. Он выудил из груды ослепительно сверкающий смарагд величиной с кулак, сунул за щеку, закрыл глаза и блаженно зачмокал. Точь-в-точь младенец, получивший леденец.

— Золото существует, и существует Темный Ольт,—прозвучал голос из плошки в руке Конана.—Этот зал — не здесь, он на самом дне пещеры. С моей помощью Далион проник туда, но Темный Ольт оказался сильней и хитрей, и теперь Далион — его пленник.

Угол подземного зала был отгорожен частоколом перламутровых сталагмитов одинаковой толщины и высоты. В этой необыкновенной клетке, безвольно свесив голову на грудь, сидел юноша в дорогой белой одежде.

— Если ты не спасешь его, он вскоре умрет,— сказал Пенат.— А если спасешь, Далион отдаст тебе самое дорогое, что у него есть.

У Конана вдруг пересохло в горле.

— Ты уверен?

— Вполне,— сказал дух Подземелья.

Конану отчетливо представилась заплаканная красавица, понуро сидящая на вершине холма. «А ведь я — ее последняя надежда,— подумал он.— Если я не доберусь до Темного Ольта, то никто не доберется. И быть ей тогда вдовой. Но если я спасу ее мужа... первая ночь достанется мне. И Найрам с Блафемом не воспротивятся. Далион им не позволит. Ведь я с него возьму клятву».

— Чего стоит слово юного бездельника? — с напускной пренебрежительностью буркнул Конан.

— Далион — человек чести,— уверенно сказал дух Подземелья.— Уж я-то знаю.

И тут Конан понял, что пойдет дальше. Не ради сокровищ и ласк красавицы. Вернее, не только ради золота и ласк. Он хотел видеть, как высокомерие на лицах Найрама и Блафема уступит место бессильной злобе.

* * *

— Человек, ты прожил бы гораздо дольше,— сказала черная птица,— если бы не зарился на чужое.

В поединке с Конаном она лишилась когтистой лапы и кончика крыла, но это ничуть не

остудило ее храбости. Она лишь решила перевести дух.

— Кто ты? — зло спросил Конан, вися над пропастью.— И что тебе от меня надо?

— Я служанка Темного Ольта,— охотно отвечала птица.— И послана за твоим сердцем.

Конан зажал меч в зубах и схватился за каменный выступ второй рукой. Рывком подтянулся и лег животом на острую кромку карниза. Гигантская птица злобно каркнула — видно, не ожидала от противника такой ловкости. Она напала врасплох, со спины, и, столкнув киммерийца, уже торжествовала победу. Его спасли выступ, оказавшийся прямо под ногой, и сильные пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в камень. Ну и мастерство фехтовальщика, разумеется: левой рукой он сражался ничуть не хуже, чем правой.

Над головой захлопали крылья. Конан резко перевернулся на спину и ударил ногой вверх. Подошва сапога угодила по кровоточащей культе. Птица каркнула и отпрянула, а в следующее мгновение киммериец был уже на ногах, и меч, описав в сумраке полукруг, с хрустом впился в тонкую костистую шею. Судорожно всплескивая крыльями, сжимая и разжимая когти на уцелевшей ноге, посланница Темного Ольта улетела в бездну. Конан устало сел на карниз.

— Эй, проводник,— зло окликнул он,— где тебя демоны носят?

— Я здесь, человек.— С потолка прямо к его носу спустился на серебристой ниточке белый

паук.— Не брани меня, я сам застигнут врасплох. Едва успел превратиться в уступ под твоей ногой. Увы, мое волшебство далеко не то, что в былые годы. Я чахну, и если ты не убьешь Темного Ольта...

— То он убьет меня,— проворчал Конан.— Хватит канючить, отступать мне уже поздно. Я должен прикончить Ольта. Хотя бы ради целости собственной шкуры.

Несколько мгновений он помолчал, собираясь с мыслями, затем спросил:

— Откуда взялся этот копченый ворон? Он ведь сзади напал. Значит, прятался где-то, ждал, пока я пройду. А потом крался за нами, дожидался удобного момента. Ну, я-то ладно, я тут в первый раз, а вот как ты ухитрился его не заметить?

Дух Подземелья промолчал. Видимо, не нашелся с ответом.

* * *

— Кто вы? — спросил изумленный Конан.— И откуда взялись?

— Клянусь милостью богов! — воскликнул кренастый чернокожий мужчина в грязной одежде.— Это же призрак!

— Храни нас Митра! — вторил ему полный светловолосый человек с красными глазами; при виде огромного варвара с обнаженным мечом он выронил кайло и осенил себя крестом бога-солнца.

Каменотесы попятались, пока не уперлись лопатками в скалу. У них отвисли челюсти, глаза

широко раскрылись — гримасы неподдельного ужаса на лицах этих людей ошеломили Конана не меньше, чем само их появление в каменном мешке, куда он забрел, когда его внезапно покинул Пенат, улетевший куда-то по своим делам.

В полусферическом подземном зале горели масляные светильники, на чистом ровном полу аккуратной грудой лежала посуда. У стены Конан заметил богатый арсенал старательских инструментов — кирки, зубила, ломы и тому подобное. Еще он увидел целый штабель из бочек, тугу набитых мешков и больших глиняных кувшинов. «В бочках,— предположил он,— солонина, в мешках — сухари, в кувшинах — вино и масло». Чуть поодаль притулилась к стене небольшая полениница.

— Я не призрак,— сказал он хмуро.— Это вы — призраки. Слуги Темного Ольта.

— Мы? — удивленно переспросил чернокожий.— С чего ты взял?

— Мы люди из плоти и крови,— заявил светловолосый.— Самые обыкновенные люди.

— Тогда что вы тут делаете?

— Да так...— Светловолосый пожал плечами.— Ищем кое-что.

— Золото? — спросил Конан.

— Ты догадлив.— Чернокожий ухмыльнулся; к нему быстро возвращалось спокойствие.

— Еще в пяти шагах от этого зала,— сказал киммериец,— я вас не слышал. Как вы это объясните?

Светловолосый вновь пожал плечами.

— Мы тут работали... вырубали вон того красавца.— Он кивком указал на выступающий из кварцевой жилы золотой самородок величиной с баранью голову.— И разговаривали во весь голос. Ты не мог нас не слышать.

— Мы даже песню распевали,— подхватил чернокожий и гнусаво завел: — «Готов я спуститься хоть к демонам в ад...»

— «Если там спрятан порядочный клад!» — пискляво подтянул напарник.

— Дух Подземелья! — позвал Конан, хоть и не надеялся, что Пенат отзовется.— Кто эти люди?

— Странные речи,— заметил чернокожий.— Сдается мне, ты все-таки привидение.

— А мне сдается,— парировал Конан,— что вы служите Темному Ольту.

— Мы — честные труженики,— с обидой в голосе возразил светловолосый.— Мы даже слыхом не слыхивали ни о каком Темном Ольте.

— Почему же, я слыхал,— сказал чернокожий.— В сказках. Говорят, тысячу лет назад в этой пещере действительно прятался Темный Ольт. Но потом сюда спустился герой по имени Конан и разделался с ним...

— Тысяча лет? — потрясенно спросил Конан.— Неужели наверху уже прошла тысяча лет?

— Призрак! — в один голос воскликнули старатели.— Это же сам Конан!

Охваченный тяжелыми раздумьями, киммериец опустил меч и потупил голову.

— Пощади нас, Конан! — взмолился светловолосый.— Мы ведь ни в чем не виноваты, мы не желаем тебе зла!

— Мы выведем тебя наверх,— пообещал светловолосый.

Конан печально вздохнул. Неужели же, выбравшись из пещеры, он увидит совершенно незнакомый мир?

— Золото там по-прежнему в цене,— уверил его светловолосый.— Мы отдадим тебе самородок. Бери, нам не жалко.

— Мы себе еще найдем,— бодро проговорил чернокожий.— У нас нюх на золото.

Эта фраза насторожила киммерийца. Он пристально посмотрел чернокожему в глаза и заметил в их глубине насмешливый огонек. Подозрение переросло в уверенность.

— Возьми самородок, Конан,— сказал светловолосый.— Он твой по праву. Ведь ты победил Темного Ольта, если верить легенде. Значит, заслужил награду. Золото — твое.

Конан отрицательно покачал головой.

— Я не сражался с Темным Ольтом.

— Но ведь легенда не могла родиться на пустом месте,— заметил чернокожий с ласковой улыбкой.— Выходит, кто-то сделал эту работенку за тебя. А тебе достались лавры победителя. Что ж, бывает. Бери золото и уходи. И считай, что тебе просто повезло. Бери, Конан, не стесняйся.

Конан покосился на самородок и непреклонно сказал:

— Не возьму.

— А ведь и вправду не возьмет,— процедил светловолосый сквозь кривые зубы.

— Нет тут никакого золота.

Это была всего лишь догадка. Старатели переглянулись.

— Он прав,— подтвердил чернокожий.

Конан снова бросил взгляд на кварцевую жилу.

Ни кварца, ни самородка. Глухая известняковая стена.

— Но он обязательно появился бы, стоило тебе до него дотронуться,— хмуро проговорил чернокожий.— Ты сам бы стал золотым самородком, Конан.

— Никто не может позариться на сокровища нашего господина и уйти безнаказанным,— назидательно произнес светловолосый.

— Значит, я могу уйти? — спросил Конан.— Я ведь на них не зарился. Да их тут и нет, если на то пошло. Кстати, про то, что я здесь уже тысячу лет брожу, вы тоже соврали?

Слуги Темного Ольта промолчали.

— А ну, с дороги! — рявкнул Конан.

Чернокожий поднял кирку над головой. Светловолосый нагнулся за своей.

— Ты можешь уйти только наверх,— заявил чернокожий.

— Мы обязаны защищать господина,— заявил его напарник.— Пока ты здесь, его жизнь в опасности. Давай мы тебя выведем, и ступай на все четыре стороны. Согласен?

— Я вам не верю,— помотал головой Конан.— Вы меня уже дважды обманули. Уж лучше сам выберусь как-нибудь.

— Придется его убить,— равнодушно сказал чернокожий.

— Похоже на то,— кивнул светловолосый.

Они дружно вскинули кирки и ринулись на Конана. Дважды взметнулся меч, и слуги Темного Ольта рухнули, один — разрубленный от плеча до позвоночника, другой — с раскроенным черепом.

Хмуро глядя на мертвецов, киммериец проворчал:

— Уж не знаю, какие из вас старатели, а вояки неважные.

* * *

В бочках он обнаружил гнилые опилки, в мешках — сенную труху, из кувшинов пахло мочой. Лампады дружно погасли. Однако Конан недолго сидел во мраке. Посреди каменного мешка вырос гриб-поганка на тонкой бледно-зеленой ножке; его шляпка подрагивала, излучая неровный рассеянный свет.

— Куда ты пропал на этот раз? — раздраженно осведомился киммериец.

Мертвые лжестаратели исчезли вместе со своим скарбом и припасами. В каменном зале остались только Конан и Пенат.

— Я все время был здесь,— холодно отзвалась поганка.

— Да неужто? Верно, у меня глаза шалят.

— Не пеняй на зрение, оно спасло тебе жизнь. Ты разглядел насмешливую искорку в глазах слуги Темного Ольта и понял, что он лжет. Я и был той искоркой.

Конан расхохотался.

— Ну и ну! Разве нельзя было просто сказать?

— Напрасно смеешься, человек. Чем ближе мы к Темному Ольту, тем сильнее его страх. Он сражается не только с тобой, но и со мной, хоть я и гораздо слабее его. Всякий раз, когда Ольт подстраивает ловушку, он в первую очередь старается обезвредить меня. Он очень изобретателен, и мне все труднее находить в его паутине лазейки. Советую впредь рассчитывать только на свои силы.

— Это я уже понял.— Конан поднялся на ноги.— Ладно, доходяга пещерный. Беди дальше.

Поганка запрыгала к выходу в коридор.

* * *

Карабкаться приходилось по чуть ли не отвесной скале. Снова исчез дух Подземелья, снова Конан не смог до него докричаться. «Дурной знак,— подумал он.— Темный Ольт подготовил новую пакость, и Пенат, наверное, уже бьется в его силах».

Он чуть ли не физически ощущал, как напрягается чутье — не говоря уж о мускулах и нервах. О том, чтобы взяться за меч, не стоило и мечтать: страшно было даже на миг оторвать пальцы от скалы; будь у Конана хвост, как у обезьяны, он

бы, не задумываясь, пустил в ход и его. С превеликим трудом находилась опора для рук и ног; несколько раз он едва не срывался, а падение с такой высоты было чревато переломом ног или даже позвоночника.

«Отличная мишень для лучника или пращника,— подумал вдруг о себе Конан, глянув вниз, на сухое ложе подземного ручья.— Пока я взберусь...» Однако чутье подсказывало: Темный Ольт не прибегнет к столь заурядному способу расправы.

Одно хорошо: каменные сосульки на своде пещеры — сталакиты — излучали слабое сияние. В нем влажно поблескивало широкое темное пятно, которое начиналось в каких-нибудь двух локтях и выглядело весьма подозрительно. Конан охотно миновал бы его, если бы видел другой путь.

Он перенес вес на правую ногу, медленно выпрямил ее в колене. Вот оно, пятно, только руку протяни... Он так и сделал. С превеликой осторожностью коснулся блестящей поверхности пальцем. Не очень приятная на ощупь. Скользкая и холодная, как лягушачья кожа. Но и только.

Добравшись до середины пятна, Конан выяснил, что оно способно говорить.

— Я чувствую твой страх,— сказало пятно.

— А я — твой,— медленно ответил Конан.

— Странное ты создание,— рассудительно проговорила «лягушачья кожа».— Видишь западню и все равно лезешь в нее очертя голову.

Конан промолчал. Он лихорадочно соображал, как быть — спрыгнуть со скалы, рискуя переломать ноги, или упорно ползти вверх в ожидании неминуемой расправы? Знать бы, на что способна эта «лягушачья кожа»... Как назло, Пенат снова куда-то запропастился, а то можно было бы хоть спросить... Киммериец криво улыбнулся, вспомнив совет духа Подземелья рассчитывать только на себя.

— Что заставляет тебя так упорно идти вперед? — спросила «лягушачья кожа». — Любовь к золоту?

«Пожалуй, нет», — решил Конан. От золота он бы, конечно, не отказался, но платить за него жизнью? Это точно не для него.

— Тогда что? — допытывалось пятно, расцепившее его молчание, как отрицательный ответ. — Мечтаешь получить ту женщину, Камаситу?

Конан пожал плечами.

— Не знаю даже... Просто хотел посмотреть.

— Просто хотел посмотреть, — передразнила «лягушачья кожа». — Точно дитя неразумное. На что ты надеешься? Что мой повелитель добровольно отдаст все богатства и согласится стать твоим рабом?

«Да, пожалуй, на это рассчитывать не стоит», — подумал Конан.

— А может быть, — вкрадчиво спросила «лягушачья кожа», — ты замыслил убить его?

— Ну что ты, — поспешил успокоить ее Конан, — мне это и в голову не приходило. Ведь ничего плохого он мне не сделал.

— Вот именно, — обвиняюще изрекло блестящее пятно. — Он не сделал тебе ничего плохого. А ты? Явился сюда непрошеным и обрек его на душевные муки. Знаешь, как он будет переживать, когда твоя смерть ляжет на его совесть? Думаешь, он легко переносит гибель незваных гостей?

— Зачем же такие страдания? — спросил Конан. — Отпусти меня, и я уйду вовсюси.

— Ты слишком упрям, чтобы уйти вовсюси, — сказала «лягушачья кожа». — Ты обманешь меня — попробуешь найти другую, безопасную дорогу. Я не вправе рисковать.

— Ты уже рискуешь, — произнес Конан. — Я силен и ловок. И могу тебя победить.

— Считай, что ты уже мертвец. — Но это почему-то прозвучало с запинкой.

«Пенат, — подумал Конан. — Запинка — это он. Ни на что большее его сил не хватило. Пенат сумел лишь намекнуть, что «лягушачья кожа» вовсе не уверена в победе. Значит, у меня все-таки есть шанс. Но если я ошибся, мне конец!»

Он двинулася вверх, и «лягушачья кожа» отреагировала мгновенно. Конан почувствовал, как все его тело облепила жесткая, непроницаемая для воздуха пленка — что-то вроде рыбьего пузыря, но в сотни раз прочнее. Сквозь нее он видел ореолы вокруг сталактитов. Киммериец почувствовал, что задыхается. Не только легкие — все до единой поры кожи остались без воздуха. Он попробовал было открыть рот, но губы даже не

разомкнулись. Просунул между ними язык — тот уперся в пленку.

И она затвердевала!

Сияние сталактитов приобрело рубиновый оттенок. С огромным трудом Конан наклонил голову и увидел свои руки — пленка на них окрашивалась в багровый цвет. «Она сохнет,— подумал он,— и превращается в коросту. В рубиновую скорлупу. Я — внутри драгоценного камня». Киммериец еще мог шевелить руками и ногами. Согнул кисть — рубиновая корка на запястье пошла складками. Но быстро твердела.

Вскоре внутри каменной оболочки перестанет биться человеческое сердце. И Конан навсегда останется в этой пещере — точно диковинный нарост на скале. Если только за ним не явится Темный Ольт и не перенесет в свой «tronный зал». Чтобы бережно положить на груду сокровищ. Или поставить в нишу, как статую, и любоваться им время от времени, хваля себя за хитрость и изобретательность.

Он умирал. В черепе полыхало пламя, легкие корчились в спазмах, конечности дергались внутри драгоценной скорлупы.

«Она... вот-вот... застынет... — складывались воедино кусочки мысли,— и тогда ее можно будет... расколоть».

Расколоть? Чем?

Он опустил правую руку к мечу...

Нет, ему лишь показалось, будто он сделал это: пальцы по-прежнему цепко держались за выступ скалы.

Скорлупа превращала кисть руки в расплывчатое красное пятно. Конан собрал остатки сил, пытаясь оторвать руку от скалы, но пятно оставалось на месте. Он вспомнил, что успел поднять левую руку, и испугался. Если поднять и правую, он обязательно сорвется. И упадет на камни...

Камни! Падение на камни с такой высоты способно расколоть скорлупу!

Еще не додумав до конца эту мысль, он уже силился разогнуть пальцы правой руки. Не тут-то было — рубин вцепился в скалу мертвой хваткой. Тогда киммериец подался грудью вперед, а затем рванулся назад всем телом. Затем еще раз... И полетел вниз.

Боли он не почувствовал.

* * *

— Мы победили! — воскликнул Пенат. На сей раз он явился в образе крота; забавно подергивая головой, зверек словно обнюхивал Конана.

— Видел бы ты, чего мне это стоило,— посетовал киммериец.

— Мне не нужны глаза, чтобы видеть. Ты цел и невредим, просто слегка ушибся.

— Ничего себе слегка!

Конан попробовал шевельнуться и обнаружил, что получается. Может, и впрямь обошлось? Он приподнялся, оперся на локти, согнул ноги в коленях, помотал головой. Бывают же чудеса! Как он и предполагал, осколки драгоценной

скорлупы, едва не задушившей его, исчезли. Темный Ольт всегда умело заметал следы своих поражений.

— Ты сказал — победили? Ты имел в виду, Ольта теперь можно не бояться?

— Да, — возбужденно отозвался Пенат. — И в этом твоя заслуга. Каждая твоя удача отнимала у него силы. Золото, Конан! Золото — источник его могущества. Оно отдается тому, кто сильнее любит. И вдобавок не жалует неудачников. Иди скорее, до сокровищницы уже рукой подать. Клянусь, там тебя ждет сюрприз.

Конан сказал, что ему до смерти надоели сюрпризы, но фраза канула в пустоту. Он сразу насторожился — внезапные исчезновения духа Подземелья всякий раз означали скорую встречу с неприятностями.

Но повторное восхождение на крутую скалу обошлось без приключений — там, где в прошлый раз его подстерегала «лягушачья кожа», сейчас был только шероховатый камень. Под самым потолком зала он перебрался в узкий лаз, напоминавший изнутри толстую кишку — вот только стенками той кишки были известковые натеки. Двигаться по этому лазу пришлось на четвереньках. Не оставив за спиной и дюжины локтей, он увидел перед собой сокровищницу Темного Ольта.

— Милофти пфофим, милофти пфофим, — радушно проговорил молодой человек в дорогой, но рваной и грязной белой одежде, царственno расположившийся на груде сокровищ. Словно

спохватясь, юноша выковырнул из-за щекиувесистый кошачий глаз и положил рядом с собой на груду золота и драгоценных каменьев, на вершине которой так уютно восседал. — Так это ты — храбрец, который отправился спасать меня и преодолел все ловушки проклятого демона?

— Далион? — Конан не верил собственным глазам.

— А ты — Конан. Пенат все рассказал о тебе. — Заметив, что Конан оглядывается в поисках крота или какой-нибудь иной ипостаси духа Подземелья, Далион пояснил: — Здесь его не ищи. Моя любимая его на дух не переносит, прости за невольный каламбур. Он старается не появляться тут без особой надобности.

— Твоя любимая? — Конан ничего не понимал. — Камасита?

— Камасита? — недоуменно переспросил Далион. А затем всплеснул руками и расхохотался. — Та наивная большеглазая малютка! Нет, Конан, она — часть ненужного прошлого, а я теперь живу настоящим.

— Зато она тебя помнит, — хмуро сказал киммериец. — И ждет.

— Увы... — Далион вздохнул с притворной горечью. — У меня теперь другая жена, и сейчас — наша брачная ночь. — И он ласковым взглядом окинул сокровища.

— Так я что, помешал? — спросил Конан.

— Отчего же? — Далион рассмеялся. — Такая любовь еще слаше на глазах у завистников. — Он

указал рукой влево.— Видишь? Он с ума сходит от ревности.

Конан повернул голову и увидел в сталагмитовой клетке Темного Ольта. Бородатый великан осунулся и вообще казался пришибленным. Однако ненавидящие скрежетал зубами и не сводил безумных глаз со своего везучего соперника. Отвечаая ему полным злого торжества взглядом, Далион рассмеялся.

— Где же твое самодовольство, глупец? Почему я не слышу сальных шуточек? Помнится, ты вволю посмеялся над моей разлукой с Камаситой, пока мы с тобой не поменялись местами.— Далион перевел взгляд на киммерийца и назидательно произнес: — Золото, Конан, не жалует самонадеянных. Оно капризней любой женщины. Как только у него появляется выбор — жди сюрприза.

— Так значит,— догадался наконец Конан,— оно отвергло Темного Ольта? Предпочло тебя?

— Темного Ольта?! — Далион расхохотался.— Он был никем, пока не проник сюда. Ты только погляди на эту деревенскую рожу! Самый обыкновенный кладоискатель, вдобавок — беглый раб. Он совершил роковую ошибку, не прикончив меня, когда я одолел все его глупые ловушки. Он посадил меня в клетку — чтобы всласть поиздеваться на досуге. Но золото предпочло ему более достойного — ведьмажу, человека воспитанного, умеющего обращаться с женщинами. И клянусь, оно сделало правильный выбор. Теперь Темным

Ольтом буду я! И никто не посмеет сунуть нос в мое Подземелье!

Далион запустил пальцы в груду сокровищ, затем вскинул руки, и драгоценности со звоном посыпались обратно.

— Видишь это сверкающее великолепие, Конан? Теперь это все мое. Никому не отдам. Ты понимаешь намеки, киммериец?

— Понимаю,— хмуро ответил Конан.— Ты меня убьешь, если попробую взять хоть пылинку золота.

— Сокровища, Конан! Тебя убьют сокровища. Они дают мне силу — чтобы я, избранник, защищал их от любых посягательств. Так что будь благоразумен и уходи подобру-поздорову. Надо бы, конечно, тебя убить... просто на всякий случай. Чтобы другим неповадно было сюда спускаться. Но мне от тебя нужна услуга.— Он утопил руку в золоте, достал пергаментный свиток, тщательно отряхнул от сверкающих желтых пылинок и бросил к ногам Конана.

— Отдашь моему отцу. Точно такой же манускрипт почти уничтожил подстреленный нашими лесниками кладоискатель. А тут — весь текст. Уж не знаю, поддался бы я зову Пената, если бы прочитал до конца... Я знаю папашу — выслушав твой рассказ, старый прохвост обязательно захочет спуститься за своей долей. Передай на словах, пусть сначала прочтет свиток и как следует пораскинет мозгами. Ибо золото запросит за себя слишком высокую цену. Если вообще захочет торговаться.— Взгляд юноши зат-

вердел, Далион стиснул в кулаках пригоршни самородков.—И вдобавок ему придется иметь дело со мной.

— Готов разделаться даже с родным отцом,— задумчиво проговорил Конан, подбирая манускрипт и пряча за пазухой.— Он тоже часть не- нужного прошлого?

— Да. Ступай, Конан, и...

Оглушительный треск не дал ему договорить. Далион и Конан разом повернули головы к стальгитовой клетке Темного Ольта. Известняковые колья, каждый толщиной в пядь, крошились под ударами кулаков и ног узника. С ревом бородатый исполин пробивал себе путь к свободе.

— А он не так уж и слаб,— спокойно заметил Конан.

— Это золото вернуло ему силу,— глухо произнес Далион.— А у меня отняло, я чувствую... Но не всю. Любимая предает меня! За что?!

Бородач вырвался на волю, с хохотом воздел руки — в них оказалась тяжелая блестящая секира. Застонав от отчаяния, Далион погрузил руку в золото и выдернул длинный меч. Соперники прыгнули навстречу друг другу, каждый взмахнул оружием, но Конан смотрел не на них, а на груду сокровищ, которая вздрагивала, будто ее душил беззвучный хохот.

Темный Ольт уверенно теснил Далиона, азартно крякая при каждом ударе. Юноша едва успевал парировать его выпады и уклоняться. С изумлением он посмотрел на кисть своей левой

руки — отрубленная, она упала на каменный пол и обернулась другой горного хрусталя; капли крови застывали на лету, превращались в зернышки альмандина. Ударом древка Темный Ольт швырнул Далиона на стену, ножищей прижал к темной скале руку с мечом, а лезвие приставил к горлу юноши.

Все это произошло в считанные мгновения, пока Конан выхватывал из ножен меч. С криком: «Стой!» — он бросился на выручку Далиону, но опоздал. С перерезанным горлом юноша уже сползал по стене. Темный Ольт молниеносно развернулся и выставил секиру перед собой.

— Вот и конец мимолетного романа,— ухмыляясь, сообщил он Конану.— Моя любимая чуть ветрена, как и все красавицы. Она немного устала от мужа и захотела пофлиртовать. Но теперь все пойдет по-старому. А ты, незваный гость, умрешь. Нет причин отпускать тебя живым. Никакие услуги мне от тебя не нужны.

Он медленно занес секиру над головой.

Не дожидаясь удара, Конан бросился вперед и с разбегу двинул головой в живот. Темный Ольт громко охнул и не устоял на ногах; его затылок с треском ударился о стену рядом с пятном Далионовой крови. Однако секира осталась в руке, и он что было сил махнул ею, целя Конану в бок. Но тот уже отпрянул и подхватил с пола меч убитого.

Темный Ольт снова крякнул — на этот раз уже от боли: клинок застрял между ребрами гиганта; Конан уперся ногой ему в живот, но так и не

сумел высвободить оружие. Тогда он крутанул над головой собственным мечом, и клок черной бороды, мгновенно вымокший в крови из рассеченного горла, полетел на пол, чтобы обернуться гагатовым ожерельем. Пятаясь, Конан отступал от мертвцевов, пока не споткнулся и не сел на груду сокровищ. Она вела себя совершенно как живая — пока он сражался, успела подползти ближе, и теперь от краев к верхушке по ней пробегали сверкающие волны, и эти волны тянули Конана наверх. Вскоре он обнаружил, что восседает на груде точь-в-точь, как это делали Темный Ольт и Далион.

Он зачерпнул пригоршню золота. Поднял над головой. Ласковая звонкая струйка потекла с ладони под рукав. Золото признавалось ему в любви.

Оно сделало свой выбор. Окончательно и бесповоротно. Даже погубило ради него, Конана, прежних возлюбленных.

«Но почему? — подумал он. — Разве я люблю его сильнее, чем остальные? — И тут же другая мысль пришла ему в голову; малоприятная: — Все это теперь мое... но только здесь. Теперь Темный Ольт — это я».

— Беги, Конан, — позвал из черного лаза в углу сокровищницы Пенат. — Беги, пока оно торжествует победу. Пока не завладело твоим рассудком.

Конан бросился к лазу, и за его спиной вздыбился желтый вулкан. Самородки и драгоценные камни со свистом рассекали воздух и впивались в стены и свод, высекая искры и кроша извест-

няк; крупный изумруд едва не отсек киммерийцу ухо.

— Оно негодует, как любая отвергнутая женщина, — прошептал сквознячок в соседнем зале, когда Конан спустился по скале и присел на валун перевести дух. — Но ты можешь идти смело. Ловушек больше не будет.

Морщаась, Конан прижал ладонь к окровавленному уху.

— Одного не могу понять, — недоумевал он, — почему золото выбрало меня? Разве я люблю его сильнее, чем Далион или тот бородатый кабан?

— Может быть, в этом-то все и дело. — В голосе подземного ветерка Конану послышался печальный вздох. — Чем трудней достичь цели, тем она желанней. Неразделенная любовь заставляет терять голову.

На это Конану оставалось лишь хмыкнуть. А затем с кривой улыбкой сказать:

— Расскажи кому — не поверит.

* * *

— Не верю! — процедил сквозь зубы Найрам. — Где это видано, чтобы золото оживало и ластилось к мужикам, точно пьяная шадизарская шлюха? Не иначе ты, киммериец, в пещере треснулся о камень башкой, и у тебя воспалились мозги. Или напридумывал всяких глупостей, пока отсиживался где-нибудь невдалеке от выхода и жрал мои лепешки. А когда они кончились, решил вылезти и сказать, что у меня больше нет сына. Не верю!

Конан молча достал из-за пазухи и протянул ему свиток.

— Это тебе от Далиона.

Найрам неохотно протянул руку за пергаментом, а Конан посмотрел на Камаситу. Лицо юной вдовы было искажено ужасом и мукой, с длинных ресниц срывались крупные слезы.

— Не плачь, малютка,— грубо вато попытался утешить ее киммериец.— Вряд ли он того стоил.

— Заткнись, браоньер! — рявкнул Найрам, зло глядя в развернутый пергамент.— Что здесь нацарапано? Закорючки какие-то дурацкие!

— Это карта.— Блафем ткнул в свиток мозолистым пальцем.— В точности как та, твоя. Только здесь еще и текст целиком.

— Сам вижу, что целиком,— проворчал Найрам и поглядел на Конана.— На что она мне?

— Далион сказал, чтобы ты прочел. Обязательно прочел, прежде чем в Подземелье саться.

Найрам угрюмо сдвинул брови.

— С клочком того пергамента Пликферон три дня провозился... Что, опять прикажешь ждать? Да и не узнали мы ничего толком. Темный Ольт какой-то со слугами...

— Нет больше ни Темного Ольта, ни его слуг,— напомнил Конан.

— Ну да, ты же со всеми разобрался. Стало быть, золотишко скучает, ждет не дождется нового хозяина...— Найрам зыркнул на Блафема.— Пойдешь со мной?

Тот отрицательно качнул головой и произнес, обнимая за плечи рыдающую дочь:

— И тебе не советую. Надо дождаться, пока Пликферон расшифрует письмена.

Найрам презрительно скривил губы.

— Главное — карта. Дорога свободна, если верить этому.— Он указал на Конана подбородком.— Ну а коли встречу кого...— Он пожал плечами.— Двум смертям не бывать. Возьму на всякий случай пяток людей с оружием.— Он посмотрел на добрую дюжину слуг во главе со старшим псарем, обступивших Конана.— До моего возвращения держать его под замком и в колодках. И не перекармливать! Если выяснится, что он правду сказал,— отпущу. А коли соврал, быть ему на колу, клянусь милостью Митры.

— Если не возражаешь,— вежливо попросил Блафем,— я все-таки отдам пергамент Пликферону и погощу в твоей усадьбе, пока он его не переведет.

— Как пожелаешь, сват,— равнодушно отозвался Найрам; было видно, что мысли его уже под землей и ему не терпится спуститься за ними следом.

Конану быстро и умело связали руки, затем двое слуг на веревке повели его вниз по склону. Он яростно ругался — веревка была продета между ног, и всякий раз, когда шедший позади слуга отставал хоть на шаг, натягивалась и точно ножом резала в паху. А когда Конан пытался задержаться, чтобы хорошенъко лягнуть хохочущего

челядинца, второй, передний, изо всех сил держал за свой конец путь.

— Удачи тебе, Найрам,— хрюпло сказал Блафем, когда несколько пар крепких рук спускали хозяина, точно куль с мукой, в Подземелье.

Найрам жестом приказал слугам замереть. Над поверхностью земли выступала только его голова. Она повернулась к Камасите. Старик долго рассматривал красавицу, а затем перевел взгляд на ее отца.

— Если Конан не солгал... Если выяснится, что мой сын погиб, я снова пришлю к тебе сватов, Блафем. И мы опять сумеем договориться.

Он исчез во мгле, а Блафем крепче прижал к себе дочь.

— Безумец,— прошептал он.

* * *

В кладовке со скрипом отворилась дверь. По деревянным ступенькам тяжело простучали каблуки. Человек опустился перед Конаном на корточки.

— Пришла моя очередь охранять тебя,— злорадно скальясь, произнес старший псарь.— До самого рассвета мы будем вместе.— Он негромко рассмеялся.— Узнаешь? — Он поднес к лицу Конана палку с ремнем.

Сопротивляться было невозможно. Конан мог только сипать проклятьями, мотать головой и сжимать в кулаки торчащие из колодок кисти.

Старший псарь повесил палку Конану на шею. Заглянул, ухмыляясь, в глаза. Потом взялся за концы палки и стал поворачивать.

— Ты не посмеешь меня убить,— сказал киммериец.— Хозяина побоишься.

— Нам будет весело всю ночь,— пообещал старший псарь,— а на рассвете я сбегу отсюда. Ты был прав: Найрам — плохой хозяин, не ценит верной службы. Пусть лишний раз об этом подумает, глядя на твой труп.

Конан захрипел от боли. Потом притворился, будто потерял сознание, и попытался цапнуть мучителя зубами за большой палец. Но тот был начеку и отдернул руку.

— Взять! — сказал он, приблизив кулак к носу Конана.— Куси! Куси!

Затем толстяк с хохотом поднялся и отвел ногу, чтобы пнуть Конана в лицо. Тот зажмурился...

Раздался крепкий удар дерева о кость. Конан открыл глаза. Старший псарь без звука рухнул на присыпанный соломой пол. С полено в руках над ним возвышался Блафем. Полено упало на челядинца, в руке старика появилась связка ключей. Щелкнули замки, свалились колодки.

— Я оглушил всех сторожей,— хмуро сообщил Блафем.— Можешь выбрать любого коня и запастись едой.

— Почему ты меня выручаешь? — поинтересовался Конан, вставая на ноги и припечатывая каблук к носу бесчувственного слуги.

— Дочь попросила,— буркнул старик.— Ведь ты честно пытался спасти ее мужа.

— Найраму это очень не понравится,— заметил Конан.— Стоит ли из-за какого-то бродяги наживать опасного врага?

— Найрам останется в Подземелье,— сказал старик.— Навсегда.

— Ты прочитал манускрипт? — догадался Конан.

— Да, Пликферон его перевел. Пойдем, у нас мало времени. Скоро кто-нибудь из слуг очнется и поднимет крик.

* * *

— Что же все-таки там написано? — осведомился киммериец, когда усадьба Найрама скрылась в ночной тьме.

Блафем не ответил.

— Пенат — он и есть Темный Ольт? — снова спросил Конан.

Старик опять промолчал. Но его дочь ответила:

— Ты угадал.

— «Неразделенная любовь заставляет терять голову», — задумчиво произнес Конан.— Его слова... Да, он многое мне рассказал. Но и скрыл немало. А кое-что даже перевернул с ног на голову.

— Он обожает свое сокровище, а то платит ему равнодушием,— сказала Камасита.— Чтобы добиться взаимности, он завлекает в Подземелье жаждущих до золота людей. Каждый мимолетный роман — это подарок любимой. Темный Ольт сам приводит любовников, устраивая им по дороге всевозможные испытания,— чтобы со-

кровище могло по достоинству оценить их упорство, мужество и находчивость. И сам же ревнует к ним. Терпеливо ждет, пока они ей не наскучат, и тогда с радостью убивает,— опять же изощренно, чтобы угодить капризной возлюбленной. И при этом вожделеет ответного чувства...

— Интересно, почему он не убил тебя? — задался риторическим вопросом Блафем.

— Самому непонятно.— Конан напряг память.— Впрочем, он намекал... Я — недосыгаемая цель для его сокровища. То есть моя любовь. А запретный плод всегда слаше. Наверное, он просто испугался, что золото будет любить меня до самой моей смерти. Слишком долгий срок — даже для Темного Ольта. Странно, мне всегда казалось, что я совсем неплохо отношусь к золотишку...

— Но не столь трепетно, как Найрам,— заключил старик.— Или Далион. Жалко, мальчик мне нравился. Я и не подозревал, что он так похож на отца.

— С возрастом это становилось бы все заметнее,— уверенно произнес Конан.— Считай, Камасита, что тебе очень повезло.

Девушка ответила сдавленным рыданием.

— Оставь ее,— буркнул Блафем.— И езжай своей дорогой.

Конан натянул поводья.

— Как скажешь. Прощай, Блафем, и да хранит тебя Митра. Спасибо тебе, Камасита.— Он повернулся в седле и посмотрел назад, на очерченную

лунным и звездным сиянием вершину холма.— И тебе спасибо, Темный Ольт. За хороший урок. Жемчуг — болезнь раковин, но не бывает на свете жемчужниц, которые согласились бы излечиться.

Он помахал рукой спутникам и повернулся коня.

ТЕНИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

ак, значит, говоришь, самоцветы? — Конан недоверчиво поглядел на Консого.

— Разрази меня гром, если вру, — воздел руки Герат из Турана по прозвищу Косой, известный в Шадизаре вор; правый глаз у него смотрел чуть вбок, за что он и получил свое прозвище; в остальном же мужчина он был справный и видный: крепкий, высокий, мускулистый. Киммерийцу приходилось раз-другой участвовать с ним в делах — причем в делах весьма успешных,— и он знал, что туранец был весьма удачливым грабителем и лихим ру-бакой.

На мгновение варвар задумался. То, о чем рассказал сейчас Косой, очень уж походило на досужую выдумку. Самоцветы в Шадизаре! Нет, конечно, у торговцев их было много, но привезенных издалека: из Вендии, Офира, из южных стран. Сам Конан не раз опустошал сундуки богатеев, и в его ладонях побывали изумруды и

рубины, агаты и опалы, халцедоны и сердолики — не перечесть сколько камней, разных по размерам и окраске, блестящих и матовых, на любой вкус.

Но чтобы здесь, в каком-то подвале, удачливый замориец напал на ладжауровую россыпь — это маловероятно. Ладжаур! Этот камень ценился не только за небесную голубизну, он считался магическим. В Заморе ходило поверье, будто тот, кто пьет из ладжаурового кубка, неподвластен болезням; женщина, носящая ладжауровое ожерелье, обязательно будет счастлива в любви и замужестве; кинжал с рукоятью, отделанной пластинами этого камня, всегда приносит удачу воину, хранит его в бою... Каждый мечтал иметь такую-нибудь вещь — на худой конец, просто пластинку — из голубого с прожилками камня.

Конан усмехнулся. Ладжаур привозят с далеких гор, лежащих далеко за морем Вилайет, а этот косой сын неизвестного отца утверждает, будто Дархун запросто добывает его в своем дворе!

— Не веришь? — переспросил Герат. — Смотри сам.

Из болтавшейся на плече полотняной сумки он вытащил засаленный платок. Когда тряпицу развернули, в широких, словно рачьи клешни, ладонях Косого оказался кусок необработанного камня величиной с голову ребенка.

— Нергал мне в печень, если это не ладжаур! — воскликнул варвар, повернув самородок в руках. — Какой крупный — выйдет хороший кубок или чаша! Где ты его взял?

— Я же говорю тебе, в сарае у Дархуна, — довольный, что удивил Конана, заулыбался турец. — И, между прочим, он был там не последний.

— Откуда же тебе знать, что это он сам накопал, — продолжал сомневаться киммериец. — Ему, наверное, привезли с караваном, вот и все. Любите вы здесь всякие сказки, Нергалово племя!

— Я пошел к Дархуну не случайно, — наклонившись к уху варвара, понизил голос Герат. — Мне рассказал об этом брат Большого Кумрана — Дархун как-то нанимал его копать россыпь.

— Что ж вы не пошли вместе с ним? — недоверчиво спросил варвар.

— Да он исчез куда-то, я уже скоро год как его не видел. Кто знает, может быть, гуляет по Серым Равнинам, — захохотал Герат, его большое тело затряслось в такт раскатам смеха. — А я вспомнил об этом, заглянул к Дархуну — когда его не было, разумеется. И вот, нашел.

— Интересно... — Варвар откинулся назад, заложив руки за голову; на плечах вздулись бугры могучих мышц. — Может быть, ты и говоришь правду, но тогда этот Дархун должен куда-то сбывать свой ладжаур...

— А он так и делает, — усмехнулся Косой. — Спроси у камнерезов — у кого они берут голубой камень? Все знают Дархуна.

«Дело, похоже, стоящее, — размышлял киммериец. — Можно взять по мешку камней, а Ловкач сбудет их, кому надо».

— Пойдем вместе,— решил он,— но если что не так, пусть Кром будет свидетелем...— Он выразительно провел ребром ладони по шее: — Ты меня понимаешь?

— Все будет в порядке,— принял горячо убеждатель Герат.— Он как раз завтра уезжает, вот и надо будет наведаться в гости. Клянусь Белом, нас ждет хороший улов!

На том и порешили. Выходя из таверны, варвар хотел было сходить к Ловкачу, договориться о предстоящем сбыте камня, но передумал. «Будет товар, будет и разговор»,— решил он.

У него было дело поважнее: в «Улыбке» он на днях приметил новенькую девчонку — та посматривала на него более чем благосклонно. Кошелек Конана был еще не пуст, так что Нергал не шутит — надо, пожалуй, туда наведаться. Поправив перевязь с мечом, киммериец в самом отличном расположении духа бодро зашагал на восточную окраину Шадизара, туда, где вечером призываю зажигались огни веселого дома под многообещающим названием «Улыбка Иштар».

* * *

На следующий вечер подельники встретились на опустевшей базарной площади возле лавки Шелудивого Нарбека.

— Тут идти всего три квартала,— сообщил Косой.— Этим проулком до канала, а там через мостик — и в третий двор.

— Ладно, веди, да поможет нам Бел,— махнул рукой Конан.

Кривыми улочками они добрались до канала, за которым начинался квартал Восточных Врат. Было тихо, в теплом воздухе слышалось только стрекотание цикад, да иногда летучая мышь бесшумно и резко изменяла полет, на мгновение прикрывая перепончатым крылом полный диск луны. Первый двор был тих и пустынен; во втором же, напротив, сверкали огни, слышались смех, пронзительное взвизгивание женщин — гуляли, похоже, вовсю.

Подумав, что в этом квартале живет куда более веселый народ, чем у рынка или в Пустынке, потому что им есть на что веселиться, Конан подтянулся и через каменную ограду осторожно заглянул внутрь. Сквозь ветви окаймлявших двор кустов он увидел большой бассейн, вокруг которого развалились на мягких подушках несколько уже основательно подвыпивших гостей. Они развлекались тем, что бросали в воду золотые монеты, а плававшие в бассейне нагие девушки должны были доставать деньги со дна. Удачливая ныряльщица появлялась на поверхности с монетой в зубах и подходила к зрителям, которые тут же награждали прелестницу вторым золотым.

Конан с удовольствием понаблюдал бы за этой игрой подольше, но Герат потянул его за ногу:

— Пошли, надо торопиться! Если будешь на все плятиться, глядишь, и ночь пройдет...

Следующий двор был тем, куда они и стремились. Привычно перемахнув через забор, подельники мягкими шагами направились к невысокому, но обширному строению в глубине.

— Собак у него нет? — шепотом поинтересовался варвар.

Туранец отрицательно помотал головой, доставая из мешка железный стержень. Поддев дужку замка, он навалился на рычаг. Крак! Скоба вылетела из двери, путь — свободен.

— Пойду вперед — я помню, где тут что,—тихо сказал Герат и вошел внутрь.

Киммериец проследовал за ним, прикрыв за собой дверь. Косой зажег маленькую медную лампу, скучное пламя которой осветило обширное пустое помещение. Только в дальнем от входа углу стояли большой деревянный стол и два громадных сундука.

— В сундуках его камни,—тихо сказал Герат.—Ладжаур.

Конан мягкими шагами направился к противоположной стене.

«Отлично,—мелькнуло у него в голове,—всего то и дела, что набить мешки. Клянусь Белом, на редкость удачная вылазка. Может быть, даже слишком...»

Он сделал еще шаг, другой и... Пол под ногами словно разломился надвое, и киммериец полетел вниз, в кромешную темноту, безуспешно пытаясь зацепиться за что-нибудь и задержать падение. Затем он ощутил ногами ступени — но они уходили вниз почти отвесно, так что варвар кубарем покатился по лестнице, чувствуя на губах затхлую пыль подземелья. Когда падение наконец завершилось, Конан поднялся, машинально отряхивая с одежды пыль. Вроде бы он

отделался легким испугом: ничего не сломал и даже не слишком расшибся — сказалась природная обезьянья ловкость. Несколько ссадин на локтях и на лбу не в счет — мелочь, бывало и похуже.

— Копыта Нергала! — выругался киммериец.—Надо же, угораздило... Герат! — позвал он.

Никакого ответа. Тихо, как в пустыне в знойный полдень. Варвар прислушался.

— Косой! Эй, Косой! Оглох, что ли? Брось веревку!

Наверху как будто все вымерло. Интересно, глубоко ли он провалился? Вытянув руки и осторожно нащупывая ногами пол, Конан сделал несколько шагов вперед. Стена! Он пошарил по ней: грубый камень, сухой; иногда под пальцами проступали острые грани, будто здесь работали киркой. Киммериец пошел вдоль стены, опуская ее руками. Пройдя так шагов десять, он достиг поворота. Вытянув вперед ногу, он нашупал носком ступеньку лестницы.

«Куда пропал этот ублюдок? — Тишина наверху начала доставлять ему легкое беспокойство.—Ладно, сейчас выберусь, дам ему как следует по морде».

Варвар ловко взобрался по крутым щербатым ступеням, но вскоре обнаружил, что подняться выше никакой возможности нет. С трудом балансируя на узкой площадке, киммериец ощупал руками колодец, ведший в дом.

Колодец оказался очень широким, нечего было и думать вскарабкаться, упираясь в противо-

положные стенки. К тому же поверхность была абсолютно гладкой: ни малейшей щели, ни единого выступа... Уцепиться — даже человеку, который, как и Конан, сызмальства привык лазать по крутым киммерийским скалам,— было совершенно не за что.

— Косой! — крикнул еще раз Конан в надежде, что теперь его будет слышно получше.

Ответом, как и раньше, явилась тишина: ни звука шагов, ни шороха. Только гулкое эхо, словно дразня, повторяло его возглас, пока не затихло. «Да что же могло приключиться с этим косым шакалом? — задумался варвар.— Может, его пристукнуло чем-нибудь?..»

Конан пошарил под ногами, нашупал небольшой обломок и подбросил вверх — камень стукнулся о дерево люка, и киммериец попытался определить глубину подземелья. «Здесь локтей шесть-семь,— соображал он,— да по этой дурацкой лесенке еще ступенек десять. Всего, значит, локтей двенадцать. Ну и занесло же меня, хвост Нергала!..»

Он покричал еще раз, другой — и, поняв всю тщетность попыток призвать на помощь Герата, решил спуститься вниз: авось там найдется какой-нибудь инструмент. Не стоять же, в конце концов, как цапля на одной ноге, на узенькой, шириной в ладонь, каменной площадке... Варвар попытался поковырять стенки колодца острием меча, но наградой за старания послужили только несколько высеченных из камня искр.

В кромешной тьме он спустился, придерживаясь за шероховатые камни стены. Несколько раз из-под ног с писком выскакивали крысы. «Только их и не хватало... Экие мерзкие твари! — ругнулся про себя киммериец.

Внизу он добросовестно исходил всю площадку. Та оказалась небольшой, округлой, примерно шагов десять в длину и семь в ширину. Что-то под ноги попадалось, но никакого инструмента не обнаружилось: ни кирки, ни шеста — а именно на это надеялся варвар. В стенах варвар нашупал несколько углублений и две узкие, в руку толщиной, норы, но куда они вели — без света определить было невозможно.

Конан поднял один из валявшихся на полу предметов и, не поняв сразу, что он собой представляет, принял тщательно ощупывать.

«Так, легкий; гладкий с одной стороны, с другой какие-то отверстия... — размышлял варвар.— Одно, два... еще два — поменьше. Тринадцать рогов Нергала!» Он поцарапал палец об острую кромку. Что же это могло быть? Предмет небольшой, величиной со свинью голову... «Боги! — По спине киммерийца побежали мурашки.— Да это же череп! Конечно череп. Человеческий...»

Варвар сунул находку в одно из углублений стены. Пошарил по полу и нашупал еще пару таких же предметов.

«Да тут их полно! — Мысли лихорадочно заметались в голове киммерийца.— Похоже, великий Митра отвернулся от меня! Значит, мелкие предметы — это, без сомнения, кости — кости не

меньше чем трех несчастных, побывавших здесь до меня!»

Конану приходилось попадать в разные переделки, но даже в самых безвыходных ситуациях он не терял надежды на спасение. Но сейчас — полный мрак. «И на самом деле мрак! — горько пошутил про себя варвар.— Темно, как у кущита в...»

Он представил, как будет сидеть в этой яме без пищи и воды. Интересно, сколько времени человек может так выдержать? Десять дней, пятнадцать? Да и какие здесь дни? Одна сплошная ночь... А потом? «Потом крысы за несколько суток дочиста обгладают мой труп,— невесело подытожил киммериец,— и косточки облизнут! Понесли же меня сюда демоны! Сколько раз говорил себе: не доверяй этим заморийцам. Так нет, опять потянуло! На всю жизнь теперь запомню: жадность и алчность до добра не доводят! А сколько ее у меня осталось, этой жизни?..»

Он скрестил руки на груди и прислонился к стене. Тишина. Только иногда где-то в щелях слышался то шорох, то слабый писк. «Крысы!.. Ждут, когда мною можно будет поживиться...» Голова раскалывалась от напряжения. Надо немедленно придумать, как отсюда выбраться. Но ничего подходящего на ум не приходило...

* * *

Сколько оностоял так в раздумьях? Время словно остановилось. Вдруг где-то наверху по-

слышался шорох, потом явственно донесся скрежет железных рычагов. Мелькнула полоска света.

Моментально, как птица, киммериец взлетел по лестнице и очутился на узенькой площадке:

— Герат!

Он поднял голову. Люк был распахнут; незнакомый с пегой козлиной бородкой человек держал в руке фонарь, вглядываясь в темноту подземелья.

— А, вот и ты, баранья голова! — приветствовал он появление Конана.— Попалась птичка! Такой здоровый мне как раз и нужен! Спасибо тебе, Герат,— повернул он голову к собеседнику, которого Конану снизу не было видно,— прибыльного раба ты мне устроил!

«Ну, конечно! Они в сговоре! — пронеслось в голове варвара.— Косой, наверное, не в первый раз находит лопоухих вроде меня и продает их этому, как его... Дархуну. До чего же легкий заработка отыскал, ублюдок!»

— Косой! — крикнул он, и голос гулким эхом загремел в колодце.— Клянусь Кромом, ты еще пожалеешь об этом, я из-под земли тебя достану, потомок змеи!

— Ты себя сначала достань! — охладил его пыл Дархун; он затряс бородкой, заливвшись мелким дробным смехом.— Ну ладно, хватит болтать! Ты как, жрать хочешь? Воды?

Сколько времени прошло с момента его появления здесь, варвар не знал, но от вопроса этого вонючего ублюдка сразу же почувствовал и жаж-

ду, и голод. Видимо, он просидел в этой дыре довольно долго.

— Хочу! — Киммериец постарался (а что ему еще оставалось?) взять себя в руки и успокоиться.— Ну, а потом что?

— Ты что, еще не догадался, баран? — вопросом на вопрос ответил Дархун.— Все очень просто: кину тебе кирку, молоток, зубило. Будешь добывать мне ладжаур. Тебе ведь Герат об этом рассказывал?

«Вот оно что! Этот кусок ослиного деръма хочет, чтобы я ишачил на него там в подземелье, пока не сдохну!»

— Согласен! Твоя взяла.— Варвар решил не терять попусту времени; в голове у него уже вызревал план — вот-вот, и удастся ухватить ниточку.

— Сговорчивый,— усмехнулся Дархун.— А ты, Герат, говорил, что этот варвар строптивый...

— Наверное, подземелье всем добавляет послушания,— раздался голос Косого; он не показывался в просвете люка — наверное, боялся встретиться взглядом с Конаном.— Помнишь, как тот шемит, курчавый, три дня упирался, но все-таки согласился?

— А куда им всем деваться, курьим детям,— снова засмеялся Дархун.— Правда, работником шемит оказался никудышным. Сколько он протянул? Дней двадцать?

«Запугать хотите? Не дождитесь! — слушая их болтовню, скрипнул зубами варвар.— Клянусь Солнцеликим, не на такого напали! Я еще поплащу на ваших костях, ублюдки!»

— Принимай!

Сверху спустилась веревка, на конце которой были привязаны деревянное ведро, бурдюк с жидкостью и старый кожаный мешок с инструментами.

Конан отвязал все это и выжидательно глянул вверх.

— Это не все!

— Что тебе еще, сын шакала?

— Лампу забыл, верблюжья отрыжка! Ты хочешь, чтобы я копался в темноте, как крот?

— Ну, что ж,— согласился Дархун.— Косой, дай лампу, вон она там, на сундуке! Ты совсем сбил меня с толку своими баснями!

Он спустил киммерийцу большую бронзовую лампу, а также круглый медный диск.

— Если погаснет, постучи в диск молотком, а так я сам тебя буду вызывать.— сказал он напоследок.— И запомни, верблюжье охвостье: кормить стану, только если будешь рубить достаточно камня! Если нет, подожнешь голодным!

Под насмешливое фырканье Герата он закрыл люк, и нагруженный скарбом киммериец начал осторожно спускаться вниз в свое новое жилье. Ярость душила его, хотелось схватить этих мерзавцев и бить, бить, бить... пока не испустят дух! Однако в данный момент сила была не на его стороне и единственное, что оставалось — смириться. Пока, разумеется...

«Сколько времени мне предстоит тут провести? — мрачно спрашивал он себя.— Этот пегий козел прав в одном: сейчас я куда больше по-

хож не на сына кузнеца, а на сына барана. Меня обманули, как ягненка, Нергалова блевотина! Тыфу!.. Надо же было так попасться!»

* * *

Теперь, когда зажег лампу, киммериец мог разглядеть свою темницу. Зрелище, признаться, было не слишком впечатляющим. Небольшая пещерка, локтей пять в высоту, в стенах — несколько небольших то ли ниш, то ли нор, усыпанных внизу мелкими камешками. «Здесь и рубили ладжаур», — догадался Конан.

Он поднес лампу поближе: действительно, в одном из углублений змейлась тонкая, уже ладони, жилка грязно-голубоватого цвета; в другом забое не было ничего интересного — только желтоватая порода вперемешку со вкраплениями серого камня. Варвар поднес лампу к одному из маленьких отверстий в стене. Язычок пламени слегка заколебался. «Понятно, — решил киммериец, — эта дырка сообщается с поверхностью».

Больше ничего интересного в новом жилище он не обнаружил, не считая разбросанных под ногами человеческих костей, обглоданных до состояния совершенной белизны. Валящиеся на полу черепа скалились, будто насмехаясь над варваром. Зрелище было не очень-то приятным — киммериец, поморщившись, подумал, что ему совсем не хотелось бы выглядеть подобным образом через месяц-другой. В досаде Конан запустил в них камнем. В сторону, пискнув, метнулась крыса.

Варвар разобрал вещи, спущенные Дархуном. Бурдюк был полон воды, и Конан жадно приник к живительной влаге; только напившись, он почувствовал, как велика была жажда. Потом киммериец заглянул в ведро, решив проверить, какую еду прислал ему этот пегий козел. Прикрытая несколькими пресными лепешками, на дне стояла миска с бобами — и больше ничего.

— Шелудивый ишак! — выругался Конан. — Что же он думает, я с такой пищи буду на него работать?

Поразмыслив, он решил, что вряд ли стоит препираться с тюремщиком — толку большого все равно не будет, а время потеряешь. Варвар принялся за бобы, которые уже остывали и являли собой клейкую тепловатую массу. Он дочиста выскреб глянцовую миску, да еще вычистил остатки соуса на дне куском лепешки. Когда ему еще дадут поесть!

В мешке оказался кожаный гамак, который киммериец подвесил, вбив в стену два железных стержня. Он лег, заложил за голову руки и погрузился в размышления. Подумать было о чем, к тому же разбросанные вокруг кости сильно способствовали мыслительному процессу.

«А что, если попробовать вбить несколько стержней в тот проклятый колодец, ведущий наверх? Тогда я смогу дотянуться до крышки люка и, может быть, открыть ее отсюда. Надо посмотреть!» Конан слетел с гамака и, схватив лампу, вскарабкался к подножию колодца. Попытав, он увидел, что этот замысел не пройдет.

— Нергалово отродье! — Он еще раз ощупал стенки колодца.— Железные! Богатый, сын греха!

Раздосадованный неудачей замысла, варвар прикинул расстояние до люка. Может быть, удастся подпрыгнуть и схватиться за поднимающий створки рычаг? Нет, высоко! Локтей десять, не меньше...

Он спустился вниз, в пещеру, лихорадочным взглядом обвел все предметы, которые были в беспорядке разбросаны по полу. Так... Кирка, молоток, несколько железных стержней, лампа, бурдюк, ведро, миска... Все! «Небогато,— подавленно подумал Конан.— Что же делать, копыта Нергала мне в печень?»

Он снова вскарабкался по осыпающимся под ногами ступеням и внимательно осмотрел стенки колодца и едва выступающие из них рычаги. Если сплести веревку и попробовать за них зацепиться... Киммериец поднял лампу повыше, пытаясь рассмотреть, насколько выступают железные стержни над поверхностью люка. Нет! И думать нечего. Там даже пальцу не зацепиться. «Что же делать? Что делать?...— стучало в висках.— Надо придумать, иначе...» Он бросил взгляд на белеющие внизу остатки костей.

Варвар спустился вниз, прикрутил фитиль лампы — масло следовало поберечь — и вновь улегся в гамак. В голове вихрем проносились планы, иногда самые невероятные и фантастические, но киммериец старался направить свои мысли на дело.

«Думай, думай, лопоухий баран,— подстегивал он себя,— или твой обглоданный череп будет

валяться на земле рядом с другими...» Услышав слабый шорох, Конан взглянул вниз: несколько здоровенных крыс облепили миску в надежде поживиться чем-нибудь съестным.

— А, чтоб вас! — взревел варвар и запустил в мерзких тварей ножом. Не попал, разумеется; раздался визг, крысы юркнули в щели пещеры.

«Да от них здесь житья не будет,— подумал Конан.— Еще не хватало, чтобы во сне у меня что-нибудь отъели! Тут и гамак не поможет...»

Он слез со своего ложа и принялся обломками камней затыкать многочисленные дыры, щели и лазы, которые обнаружил в стенах.

«Теперь полегче будет»,— закончив работу, решил он и вновь забрался в гамак — думать. Однако усталость и бессонная ночь взяли свое; веки варвара слипались, он пытался бороться со сном, но тщетно — через некоторое время в тишине пещерки слышалось только мерное дыхание.

* * *

Конана разбудил скрежет механизма, раздвигающего створки люка.

— Что, сын шакала,— раздался сверху голос Дархуна,— спиши? Пора работать, уже утро! Даром кормить я тебя не буду!

Киммериец поднялся наверх.

— Давай, сюда ведро! — скомандовал хозяин.— Сегодня ты должен нарубить полную миску камня — тогда завтра утром я обменяю ее на похлебку, иначе ешь хоть песок, пока не сдохнешь!

Варвар сжал кулаки, но промолчал. Съев пойло, которое Дархун называл бобовой похлебкой, он принялся рубить породу, выковыривая и складывая в миску синие осколки. Дело спорилось, вскоре он уже нарубил емкость с верхом и остановился, опершись на кирку. Он до сих пор еще не придумал, как отсюда выбраться, и это не давало покоя. Не проводить же всю жизнь здесь, рудокопом! Конан даже заскрипел зубами от сознания собственного бессилия.

Он посмотрел на углубление в стене, которое вырубил, добывая этот Нергалов ладжаур. Боги! Его осенило — надо прорубить себе ход наверх, и дело с концом! Киммериец посмотрел на горку пустой породы, которая выросла на полу. Дней десять, ну от силы пятнадцать — и он, словно крот, пророет себе выход из этого подземелья. Варвар смахнул со лба внезапно выступивший пот. Неужели?.. Неужели все так просто?

Конан опустился на пол, стараясь взять себя в руки и собраться с мыслями. «И что бы этой идеи не прийти мне в голову пораньше? — укорял он себя. — Дрыхнул, как сурок, а мог бы уже прорубиться на пару локтей вверх!»

Киммериец бросился к стене, чтобы, ни мгновения не мешкая, начать работу, но внезапно остановился. В каком направлении рубить? Можно копать и копать ход — а потом обнаружится, что наткнулся на фундамент или бревенчатый пол, которые хоть зубами грызи, не пройдешь. Правда, меч и кинжал были при нем, но это все же не пила и топор. Конан задумался: «Вспоми-

най, барабаньи сын, вспоминай! — подгонял он себя. — Как вошли во двор, в какой стороне этот дерьмовый сарай, где в сарае люк...»

Киммериец наморщил лоб, стараясь представить, как расположена его пещерка по отношению к дому и как дом стоит во дворе. Мысли лихорадочно заметались, восстанавливая картину событий позапрошлой ночи: здесь перемахнули забор, затем взяли правее, вход в дом...

«Ублюдок! — Воспоминания о Герате на миг отвлекли его, мешая сосредоточиться. — Ты еще сильно пожалеешь об этом, шакал косоглазый!»

Конан схватил бурдюк с водой и жадно к нему проник — во рту пересохло от напряжения. Надо успокоиться! Киммериец сел на пол, обхватив голову руками. «Спокойно, спокойно, здесь не гладиаторская арена,— уговаривал он себя,— можно не спешить. Думай, ублюдок! Если уж у тебя хватило ума попасть в такой переплет, будь любезен сообразить, как отсюда выбраться!»

Киммериец вдруг вспомнил, как его приятель и подельник Нинус чертил на песке рисунок. Правильно! Надо не спеша все нарисовать — так же, как тогда Нинус: забор, двор, дом; все вспомнить, хорошенеко подумать...

Конан расчистил на полу место поровнее и провел кинжалом первую линию: забор, идущий вдоль улицы. Затем он постепенно усложнял рисунок, нанося на него двор, дом, люк; пытался припомнить их взаимное расположение. Он чертил, стирал линии подошвой, вновь проводил — в пещере слышались только шумное дыхание,

скрежет ножа по песку и шорох подошвы сапога.

Дело шло довольно споро, вскоре он уже смог выбрать то место стены, где следовало начинать. «Пожалуй, отсюда,— Конан еще раз проверил свои рисунки,— и тогда я вылезу в углу двора, почти возле изгороди». Решив такую нелегкую и потребовавшую напряженной умственной работы задачу, он остался вполне доволен собой.

Поплевав на руки, он схватил кирку и с размаху вонзил в стену пещеры. Полетели куски породы — киммериец вгрызался в землю, словно червь.

Сколько он так проработал, определить было трудно, но вскоре ниша достигла примерно двух локтей в глубину. Варвар остановился передохнуть. «Наверное, уже вечер,— подумал он.— Нергал мне в печень — ни солнца, ни луны, ни времени... Как узнать, то ли утро, то ли ночь...»

Конан задумался. Можно прорыть ход — и ровно в полдень вылезти из-под земли прямо к поджидающим тебя Дархуну или Герату. Вот смеху-то будет! Пока глаза продираешь, тут тебя и огреют по черепу чем-нибудь тяжелым; да к тому же и не убьют, наладят опять в рудокопы... Конан даже зубами заскрипел, представив себе эту картину. Нет, вылезать надо ночью, когда эти ублюдки спят. Но как узнать, когда день, а когда ночь?

Этот вопрос доконал киммерийца. Даже голова заболела от напряжения. Он бросил инструмент и завалился спать, решив отложить реше-

ние вопроса на завтра — вдруг боги подбросят ему какую-нибудь стоящую мысль?

* * *

На следующее утро — или не утро, вопрос определения времени все еще оставался для Конана неясным — он поднялся до того, как скрипучий механизм открыл люк. Чуть заслышив движение наверху, киммериец с ведром и миской камня уже ждал на узкой площадке под колодцем.

— Хорошо,— похвалил его Дархун, подняв добычу наверх,— если будешь каждый день так работать, может быть, прибавлю тебе еды, киммерийский ублюдок!

— Сколько сейчас времени?

— Какая тебе разница? — пожал плечами хозяин.— У тебя всегда темно, если я не дам масла для лампы, а поскольку я его даю, можешь считать, что живешь только днем. Но если уж тебе так интересно, то сейчас утро.

Утро. Значит, он здесь две ночи и два дня. Конан спустился вниз и сделал на кирке две зарубки кинжалом — вести счет суткам будет нeliшним.

Киммериец опять поел бобов и запил их водой из бурдючка. «А как хорошо готовят бааранью лопатку у Абулетеса,— взгрустнулось ему.— Когда-то еще придется попробовать?» Бурдючик с водой был старый, по шву сочилась вода. «Надо подставить миску, чтобы не пропадала зря»,— подумал варвар.

Он повесил бурдюк на стену, подставил миску и принялся за дело. Сначала предстояло наколоть камня этому пегому козлу. Дело шло туга, жила становилась все тоньше и тоньше, и киммериец намаялся, пока добыл нужное количество. К тому же камень пошел не очень хороший: зеленоватый, со вкраплениями белого. «Нергал ему в задницу! — мысленно выругался варвар. — Еще не хватало, если этот проклятый камень кончится».

Пообедав лепешкой, Конан запил ее водой и повесил бурдюк на место, заметив, что из него накапало уже почти полмиски. «Вот и время узнаю, — осенило киммерийца, — посмотрим, сколько накапает до следующего утра».

Довольный своим открытием, он в хорошем расположении духа принялся за работу. За свою работу! Порода попадалась разная — где большие куски охотно отваливались под сильными ударами кирки, где приходилось попотеть, но дело спорилось. Он настолько углубил свой лаз, что пришлось сделать упор для ног, потому что до пола было уже не достать. Единственное, что было плохо, — это духота. Дышать в его забое было совершенно нечем, и приходилось часто сползать в пещерку, чтобы перевести дух.

В миске накапало уже гораздо больше половины, и варвар решил, что пора и ко сну — тем более что усталость давала о себе знать. Во сне перед его глазами неотступно мелькало острие кирки, падали камни и летели крошки породы.

— Эй! — послышалось сверху.

Конан вскочил с гамака, протирая глаза. «Заспался! — промелькнуло в голове. — Это Дархун». Он бросил взгляд на миску: та была почти полна. «Так! Значит, сутки прошли», — подумал киммериец, поднимаясь наверх. Он насыпал добытый ладжаур в ведро и привязал его к спущенной веревке.

— Что-то плохие у тебя камни! — недовольно заблеял пегий. — А где миска, свинское отродье?

— Разбилась, — невинным голосом ответил киммериец. — Глина же. Что у тебя, деревянного блюда нет, что ли?

— Не напасешься на вас, ублюдков, посуды, — заворчал Дархун, однако спустил еду в новой миске; еда, правда, была прежняя, бобы в соусе. — И смотри у меня, крот, — посмеиваясь, напутствовал хозяин, — камни должны быть получше, иначе... сам понимаешь, я тебя предупреждал.

Люк захлопнулся, и варвар, радуясь, что теперь у него есть средство определять время, спустился вниз, даже не обратив внимания на дурацкие Дархуновы шутки.

Покончив с завтраком, варвар перелил обратно в бурдюк воду из миски и сделал на кирке новую зарубку. «Третья, — отметил он. — Еще тричетыре, и эти отрыжки бешеного верблюда получат неплохой сюрприз».

Мысль о том, что скоро он выберется отсюда, привела киммерийца в хорошее расположение духа, но вот оскудение ладжауровой жилы заставляло сильно беспокоиться. «Допустим, я не буду давать ему камень, а он не будет давать мне

еду,— прикидывал Конан.— Три-четыре дня я без пищи прятнусь, не впервой. Но свет, он же не даст масла для лампы! — Эта мысль заставила варвара похолодеть.— А в темноте многое не нарубишь... Это почти конец, но выхода нет, надо провести туннель как можно дальше. Плевать на его бобы! Пусть сам жрет это пойло, шакал пегий!»

Он начал рубить проход, решив, что потом наколет немного камня — как уж получится. Может быть, еды этот ублюдок все-таки даст. Но главное — это своя работа, не подыхать же здесь!

Поначалу работа шла легко: проход углублялся и углублялся, и вот его длина уже достигла двух Конановых ростов.

Киммериец сполз вниз, раскидал породу по полу, потому что куча стала так велика, что заполнила всю середину пещерки. Он посмотрел на свой измеритель времени: скоро уже и вечер, надо пробить еще хотя бы на локоть.

Вернувшись в свой лаз, варвар приладил лампу и полулежа начал долбить дальше. Порода попалась крепкая, почти не поддающаяся ударам кирки. В чем дело, неужели напал на гранит или что-то в этом духе? Конан поднес лампу поближе к камню. Ладжаур?! Он стер пыль, взглянув на кирку с интересом. Сомнений не было — это жила голубого камня. Киммериец стал остирем кирки раскапывать породу, стараясь определить, как расположен ладжауровый слой. Жила уходила куда-то вниз и вбок и была очень богатой — локоть, даже больше локтя толщиной. «Благода-

рение Митре! — возликовал киммериец.— Какой камень! Из него можно сделать великолепные чаши! А сколько они будут стоить!»

Он сполз вниз и присел отдохнуть, продолжая представлять себе, какую вещь можно сделать из такого большого камня. Однажды он видел в доме у какого-то купца такую чашу, но не взял, потому что вещь хоть и дорогая — очень дорогая! — но слишком приметная; замучаешься потом продавать. Обычно ладжауровые изделия стоили столько серебра, сколько могли вместить,— а это много, очень много. «Надо будет говориться с этим ублюдком! — решил Конан.— Никуда он не денется, не сможет отказаться от большого куска ладжаура! Может, удастся даже вина вы требовать!»

Он уже четвертый день без вина! Только вода из этого вонючего бурдюка! Демоны! Конан взглянул на миску: больше половины. Варвар вернулся в свой забой и, пользуясь молотком и металлическими стержнями, которыми снабдил его Дархун, выковырял огромный кусок ладжаура — величиной с бурдюк. Радуясь удаче, киммериец наколол большую кучку камней помельче. «На пару дней хватит,— подумал он,— а там, если не оставят своей милостью боги, они уже и не будут больше нужны...»

Заснул он очень довольный, хотя в животе и урчало от голода — количество бобов было, может, и достаточным для бездельничающего заморанца, но уж никак не для работающего в поте лица киммерийца.

* * *

Видимо, хорошее настроение действует на продолжительность сна: на следующее утро киммериец проснулся гораздо раньше, чем Дархун завозился наверху у люка. Ополоснув лицо, варвар почувствовал себя на удивление свежим, словно и не просидел четверо суток в душном подземелье.

— Ну что, сын крысы? — приветствовал его Дархун.

— Сам ты гадючий сын,— не остался в долгу киммериец.— А вот это видел?

Он поднял на руках голубой монолит, и очередные ругательства, готовые сорваться с Дархуновых губ, словно наткнулись на препятствие: пегий только изумленно замычал.

— Ну что? — торжествующе продолжал варвар.— Хочешь такой камешек?

— А он и так мой. Куда ты денешься?

— Врець, помет шелудивой верблюдицы,— удовлетворенно отозвался варвар.— Смотри, сейчас трахну его о стенку, и будет тебе много-много маленьких камешков на бусы девушки.

— Стой! — завопил Дархун, протягивая вниз руки.— Стой! Я не дам тебе еды, если ты это сделаешь!

— Подавись ты своими бобами! — не сдавался Конан.— Вот они где у меня! — Он провел ладонью по шее.— Жри их сам, а за такой камень мог бы дать и чего-нибудь поприличнее. А не хочешь, как хочешь. Спускайся сюда и руби сам!

Киммериец сделал вид, будто разговор окончен, и стал медленно спускаться, оставив монолит на площадке — пусть этот недоносок посмотрит хорошенъко!

Прошло некоторое время.

— Киммериец! — услышал Конан.

Он вскарабкался по лестнице и взглянул вверх. На веревке спускалась большая бадья, из которой доносились призывные ароматы, искусившие желудок любого неравнодушного к пище человека. В душе Конан возликовал, но виду не подал. Не спеша, обстоятельно поставил он бадью на площадку и заглянул внутрь. Запахи не обманули: громадный кусок копченого свиного бока, свежие лепешки, аппетитно прожаренная, только что с вертела, курица и большой кувшин вина. «Ишь как его скрутило,— пробуя напиток, подумал варвар.— Наверное, свой завтрак отдал, проклятый ублюдок. Хм-м, а винцо-то недурное».— Он приложился к кувшину еще раз.

— Ладно, сегодня боги милостивы к тебе,— захотел киммериец,— так и быть, принимай!

Он запихал монолит в бадью, и сияющий от счастья Дархун принял вытягивать наверх свою тяжелую добычу.

— Если будешь хорошо себя вести,— напомнил варвар,— то, может быть, тебе повезет еще разок.

Камень — чуть поменьше этого — был уже заготовлен и лежал в углублении пещеры.

Варвар спустился в подземелье и неспешно, смакуя, приступил к трапезе. Он мог бы сожрать

все это в один присест, однако с сожалением прервал столь приятное занятие: надо и о будущем подумать — кто знает, может быть, и лишний денек придется здесь провести. Конан еще отхлебнул из кувшина и растянулся в гамаке, чувствуя в утробе приятную тяжесть. Он даже замурлыкал про себя какую-то слышанную в далеком детстве киммерийскую песенку, но тут же прервал это занятие и рассмеялся: «Увидел бы кто меня сейчас, так непременно подумал бы, что мозги у парня пошли набекрень,— сидит в вонючей пещере здоровенный баран и распевает детскую песенку. Хватит петь, пора работать».

Он последовал собственному совету, и дело пошло: камни, песок, глина так и летели из-под острия кирки. Прерывая работу лишь затем, чтобы на некоторое время вылезти из своего лаза подышать, варвар вкалывал так целый день. «Целую миску», — поправил он себя. И был прав, ибо миска почти наполнилась. Значит, наступила ночь. Конан почувствовал, что спасение близко: пошел почти сплошной сыпучий песок со вкраплениями беловатой глины. Он еще раз долбанул киркой, еще... Посыпался удар о какое-то препятствие.

«Это еще что? — нахмурился варвар. — Неужели попал в фундамент или колодец?»

Он поднес светильник поближе и расчистил рукавом песок. В неярком свете лампы забелела шероховатая мраморная плита. Варвар отколол немного породы, стремясь обнаружить ее край. Короткое усилие, несколько комков глины поле-

тели вниз, и наконец Конан увидел тонкий ровный шов и еще одну такую же уходящую в песок плиту.

«Демоны меня сожри! Что я, в склеп какой-то попал? Вроде бы не было там во дворе кладбища...»

Конан спустился вниз за молотком и принял расчищать шов при помощи металлического стержня. Проковыряв отверстие, варвар засунул в него конец кирки и нажал. Он не видел, но почувствовал, что плита слегка подалась. Тогда киммериец нажал сильнее. Что произошло далее, он сразу не смог сообразить. Тоненькими струйками потекла вода, Конан нажал еще раз, откуда-то из-под плиты ринулся настоящий поток, и в мгновение ока он оказался на полу пещеры, которая превратилась в кипящий водоворот. Вместе с водой вниз хлынули комья глины в перемешку с обломками мраморных плит. Вода прибывала так быстро, что через несколько мгновений варвар уже не доставал ногами дна.

* * *

«Тьфу! — выплевывая воду, он старался удержаться на плаву — в полной темноте, не видя даже, до какого уровня поднялась вода. — Вечно мне не везет. Вот теперь в колодец попал, рог Нергала мне в задницу!»

Варвар поплыл вдоль стены, пытаясь определить, как высоко стоит вода. Ощупывая рукой шершавый камень, он надеялся найти или углубление, где проходила жила голубого камня, или

начало лестницы, или проход, который прорубил для бегства. Ничего этого не обнаружилось. «Значит, вода очень высоко, почти под самым сводом», — подумал он.

Киммериец перевернулся и поплыл на спине, подгребая одной рукой, а второй попытался дотянуть до потолка. В нескольких местах это ему удалось.

«Клянусь печенью Крома, дело неважно. Остался только небольшой пузырь воздуха, а все остальное залито,— размышлял он в полной темноте, лежа на спине на поверхности своего подземного пруда.— Если вода не уйдет, а уходить ей некуда, то долго я здесь не прятану: слишком мало воздуха. Наде что-то предпринимать».

Он нырнул и попытался все-таки найти свой лаз, здраво рассудив, что по нему можно будет выбраться в колодец — если это действительно был колодец, — из которого прорвалась вода.

Касаясь руками стен, киммериец обнаружил отверстие и поплыл внутрь. В кромешной тьме было невозможно увидеть, куда оно ведет, но по узости прохода варвар понял, что не ошибся. Он поднялся наверх и наткнулся на что-то твердое. «Копыта Нергала! Это же обломок мраморной плиты!» — догадался Конан.

Он не ошибся и на этот раз. Поток воды сдвинул плиту, переломил, и мрамор почти закупорил лаз, который киммериец с таким трудом пробил сквозь толщу камня, песка и глины.

Воздух в легких кончался, варвар с трудом выбрался из своего лаза: сделать это в воде было гораздо тяжелее — он едва успевал погрузиться, как вода снова выталкивала его наверх. В голове шумело, глаза выскакивали из орбит. Наконец, помогая себе руками, цепляясь, как белка, за каждый выступ, он, слава богам, все-таки сумел выбраться из лаза.

Вынырнув на поверхность, Конан долго переводил дух, лежа на спине, пока снова не собрался с силами. Он набрал в грудь побольше воздуха и опять опустился на дно. Пошарив по стенам, киммериец нашел лестничный проход и попытался подняться по этой залитой водой трубе. Путь занял довольно много времени, и на воздух он вынырнул, как показалось, гораздо выше, чем свод его пещеры. «Наверное, я в колодце, где люк!»

Эта мысль порадовала его — тем более, что подтверждение обнаружилось сразу. Он ощупал стены — точно, колодец! Под пальцами была гладкая металлическая поверхность, по округлости чувствовалось, что это почти ровная труба. «Узнать бы, как далеко люк от поверхности воды? — пришла в голову мысль.— Может, удастся выбраться в этот сарай, будь он неладен?»

Только как это выяснить? Конан лежал в широком колодце: вытянув руки за голову, он почти доставал его противоположные стенки — стоило слегка шевельнуться, и варвар сразу же касался гладкого металла либо ногами, либо кончиками пальцев.

* * *

Положение было не из лучших. Конан представил себе, как утром Дархун откроет створки люка и обнаружит его — лежащего на воде брюхом вверх, словно снулая рыба. Хорошо, если он еще продержится на плаву до утра. А если нет? Киммериец не похолодел от этой мысли только потому, что в воде и так было достаточно прохладно. «Надо что-то придумать? Но что?» — лихорадочно соображал он.

Варвар нырнул и спустился в пещерку. Пошарил по дну, нашел камень и тем же путем вернулся в колодец. Подбросил камень вверх. Стук о дерево и всплеск воды раздались почти одновременно. «Ого! Люк совсем близко!» — возликовал киммериец.

Но как достать до него? Еще и темно, хоть глаз выколи... Конан снова нырнул и принялся шарить по дну пещеры. Он повторял это несколько раз, всплывая лишь затем, чтобы глотнуть воздуха в оставшемся под сводом тесном пространстве. Наконец ему повезло: он нашупал кирку и вернулся в колодец, держа ее в руках.

Варвар опять лег на спину и попытался киркой достать люк. К его удивлению, это удалось сделать, даже не вытягивая рук. «Так! Значит, два или два с половиной локтя,— подсчитал он,— теперь надо придумать, как зацепиться за рычаги». Киммериец попытался вспомнить, как они расположены. Вроде бы острый конец кирки просунуть можно... Он немного отдохнул и попытался найти рычаг. Удалось это быстро, но вот как

зацепиться? Варвар пытался несколько раз, но безуспешно. «Ну, что ж, может, это и к лучшему! — решил он.— Ну зацеплюсь, а что дальше? Так и висеть, словно летучая мышь? Всю ночь, пока не придет этот пегий ублюдок?»

Конан нырнул в очередной раз, оставил кирку на площадке, а сам принялся искать на дне оружие. Он нашел меч, потом нож и подтащил их на площадку рядом с киркой. Теперь ему пришла мысль нарезать из гамака ремней и привязать к рукояти кирки, чтобы как-то устроиться на весу.

Так он и поступил. Прежде чем удалось отвязать гамак, пришлось нырнуть несколько раз. Потом, вернувшись в колодец, киммериец опять лег на спину и принялся разрезать кожу на ремешки, связывая их вместе. Далось это нелегко (то вырывался нож, то выскальзывала из рук кожа — все-таки многочасовое пребывание в воде давало себя знать), но в конце концов он ухитрился-таки привязать к рукояти кирки несколько прочных ремней. Получилось что-то вроде многохвостой плети.

Теперь предстояло самое трудное: каким-то образом просунуть острие кирки между рычагом и люком. Сколько времени провозился он с этим, одним богам известно, но после множества попыток это удалось.

— Спасибо, Солнцеликий,— вознес киммериец хвалу Митре и, подтянувшись на руках, доспал до люка.

Сделано! Конан связал концы ремней, так что получилось некое подобие подвесного сиденья.

Теперь можно было вылезти из воды. Он устроился поудобнее в своем плетеном гнезде. Поначалу варвару было даже как-то странно ощущать воздух, охвативший его тело после многочасового пребывания в воде. Он задумался, что делать дальше. Вдруг киммериец почувствовал волчий голод. Немудрено: ведь он не ел с утра, а сейчас, наверное, уже и ночь на исходе. «Придется снова поплавать, Нергал мне в жабры!» — мысленно выругался Конан.

Снова он погрузился в глубину знакомых уже вод. Окорок и лепешки так и лежали на дне, прикрыты глиняной миской. Лепешки, правда, размокли и превратились в тесто, но окорок был в полном порядке. Киммериец опять устроился в своем гнезде и впился зубами в аппетитное копченое мясо. Обгладав кости, он вспомнил о вине:

— Кром! Там же должно было остаться не меньше полкувшина!

Варвар снова нырнул, лихорадочно вспоминая, заткнул ли горлышко пробкой, — ведь если нет, вино пропало безвозвратно. Ему повезло: кувшин стоял на прежнем месте в углублении стены, и даже низвергшийся сюда поток не перевернул и не разбил сосуда.

Бернувшись наверх, киммериец собрался было насладиться вином, но вспомнил о мече. «Со всем спятил! — выругал себя Конан. — Хорош бы я был, вылези наверх безоружным!» Пришлоось нырять еще и еще, пока он наконец не устроился окончательно и принялся ждать, неболь-

шими глотками попивая вино. Оно все-таки оказалось хоть чуть-чуть, но разбавленным — видимо, он недостаточно крепко воткнул затычку; однако пить можно. «Все же дела не так плохи, — размышлял варвар, покачиваясь на своих качелях, — значит, боги не отвернулись от меня, а это хороший знак. Знать бы еще, что сейчас наверху? Может быть, уже и утро подходит?»

* * *

Ждать пришлось долго, а может, Конану просто показалось, что прошло много времени, пока его чуткое ухо уловило наверху неотчетливые звуки. Видимо, кто-то — скорее всего, Дархун — шел по двору. Так и есть! Шаги стали громче, вот уже его туфли стучат по полу чуть ли не над самой головой. «Идет небось, надеясь получить еще один большой синий камень! — засмеялся киммериец. — А я тебе подготовил подарочек получше, червь вонючий!»

Шаги наверху раздавались то слева, то справа, то позади: видимо, Дархун занимался своими делами, что-то брал, переставлял, ронял на пол. «Когда же ты, подлец, займешься мною?» Варвар уже начинал терять терпение, но делать нечего — приходилось висеть и ждать.

Наконец послышался скрежет металла, и Конан почувствовал, как двинулись тяжелые створки. Из раскрывшейся щели брызнул поток света — глаза киммерийца, отвыкшие от солнца, невольно зажмурились. Створка опускалась все ни-

же и ниже, вот уже щель стала достаточной, чтобы просунуть руку. Сгорающему от нетерпения варвару мгновения эти казались вечностью. Еще шире, еще...

Конан изогнулся дугой и выбросил ноги вперед — к противоположной створке. Зацепившись ногами за край доски, он сжался в комок, стремительно подтянул тело к коленям и расправился, проскользнув наружу. Перевернувшись с ловкостью кошки, он встал на четвереньки и взглянул перед собой. Дархун стоял спиной к люку подле открытого сундука и крутил находящуюся внутри рукоятку, которая соединялась со стержнями, двигавшими створки. Ход рычагов, по-видимому был тяжелым, и поглощенный своим делом Дархун не слышал, как за спиной, словно демон из чрева земли, восстал киммериец.

Варвар выпрямился и громко, во всю силу легких, гаркнул:

— С добрым утром, ублюдок!

От неожиданности тот вздрогнул, а повернувшись, застыл как изваяние. Вид голого — а каким же еще может быть человек, проведший целую ночь в воде? — киммерийца с мечом в одной и кинжалом в другой руке вызвал у бедняги состояние подобное тому, что чувствует мышь перед раскрытой пастью змеи.

— Па... га... ба... да... — Только эти звуки и мог произнести затрясшийся всем телом Дархун. Волосы на голове и пегая бороденка встали дыбом, словно шерсть у испуганного кота.

— Что у нас на завтрак? — осведомился варвар, как будто дело происходило в таверне или на постоялом дворе.

От такого вопроса Дархун задрожал еще сильнее, в голове у него помутилось, и он медленно осел рядом со своим сундуком.

— Экий ты хлипкий, — радостно захохотал киммериец. — Что, язык отшибло? — встремхнув хорошенько своего мучителя, спросил он.

— Не убивай! — взмолился очнувшийся Дархун. — Я все тебе отдам, все, что запрошишь, только пощади!

— А ты меня пощадил? — грозно спросил варвар. — Ты обманул меня, пегий ублюдок, заманил сюда! Где это отродье шакала?

— К-к-какое?

— Такое! Где Герат, твой подельник?

— Он ско-ско-скоро при-придет.

— Ладно, — махнул рукой киммериец, — иди пока поплавай, ублюдок пегий!

С этими словами он схватил Дархуна за шиворот, как нашкодившего кота, и бросил в отверстие люка.

— А-а-а! — гулко разнесся под сводами прощальный вопль незадачливого камнеторговца.

Раздался громкий всплеск, потом долго слышались бульканье и какие-то вскрики. Варвар не обращал на них внимания — с пегим козлом было покончено, и теперь он занимался куда более важным делом: исследовал содержимое принесенной им корзины.

— Опять эти бобы! Ну надо же быть таким жадиной, Нергал его возьми! — выругался киммериец, но к завтраку тем не менее приступил.

* * *

Утро было достаточно прохладным, и варвар поеживался: вся его одежда осталась на дне пещеры. Запив треклятые бобы водой — сегодня жадный Дархун поскучился на вино,— Конан решил поискать что-нибудь для прикрытия наготы, хотя заранее предполагал, что попытка эта вряд ли окажется удачной: заморийцы ведь такие мелкие!

Он заглянул в сундук, стоявший рядом с тем, где была спрятана рукоятка приводного механизма люка, однако там оказались только добытые им самим камни. «Повезло, хвала Митре! Хоть не с пустыми руками уйду,— отметил он про себя.— Даром, что ли, я горбатился в этом вонючем подземелье столько дней?!

Во дворе хлопнула калитка. Мягко ступая, варвар осторожно подошел к двери и одним глазом выглянул наружу. Бесело напевая, к дому приближался Герат. «А ведь он-то почти с меня ростом и крепкий,— мелькнуло в голове киммерийца,— вот и одежонкой кое-какой разживусь. Не иди же голым по городу!»

Продолжая мурлыкать себе под нос, ничего не подозревающий Косой вошел в сарай. Удар, который нанес ему варвар кулаком под ребро, мог бы свалить и быка. А поскольку Герат все же несколько уступал статью этому животному, то

рухнул как подкошенный, даже не издав ни звука и уж, конечно, так и не узнав, что послужило причиной окончания его жизненного пути.

Конан снял с Герата новенькие зеленые шаровары и потертую безрукавку — хотя турланец и превосходил ростом жителей Заморы, варвар с трудом в них втиснулся. Штанины были чуть пониже колен, а безрукавка не доходила до пояса, так что наряд киммерийца скорее напоминал одеяние танцовщицы; однако чтобы пройтись по утреннему городу этого было достаточно.

Киммериец отправил Косого Герата к подельнику. Посышался глухой всплеск, и вода, чуть поколебавшись, успокоилась. Варвар закрыл люк и придинул на него второй сундук.

— Поплавайте, приятели, освежитесь!

Он взял мешок Герата, вытряхнул оттуда воровские пожитки и положил свой голубой самонцвет. Закинув мешок за спину, он в последний раз оглянулся на пустынный двор и вышел на улицу. Проходя вдоль забора, за которым видел бассейн с плавающими прелестницами, он услышал шум и возбужденные голоса. Варвар позвоilonил себе проявить любопытство и заглянул через ограду.

Сначала он не поверил глазам. Где же бассейн? Вместо сверкающей глади голубоватой воды он увидел пустое, выложенное мраморными плитами пространство, на краю которого стояли несколько человек. Один из них — по-видимому, хозяин — что-то сердито говорил толстому седовласому слуге или управляющему. Тот испуганно

и с недоумением оглядывался по сторонам, разводя руками.

«Бассейн! — осенило Конана.— Вот, значит, почему было столько воды и хлестала она с такой силой!»

Он спрыгнул на дорогу, подхватил мешок и отправился к Ши Шеламу. Этот шельмовец должен удачно сбыть ладжауровый камень. Хватит и выпить, и закусить — причем не один раз.

— Но чтобы я когда-нибудь еще клюнул на сказки этих шадизарцев? — Конан до боли в суставах сжал кулак.— Нет! Хватит с меня! Клянусь Кромом, впредь никогда не буду таким доверчивым...

Киммериец представил себе дно пещерки с белеющими костями, и его передернуло. Впрочем, начавшееся утром, ласковые лучи еще нежаркого солнца, прохладная тень чинар, гомон птиц — все это не располагало к мрачным воспоминаниям. Все кончилось благополучно, и ладно, слава Солнцеликому Митре!

Конан глубоко вздохнул и широкими упругими шагами по знакомым проулкам направился в Пустынку. День только начинался, и впереди ждало много дел.

ГОЛОС КРОВИ

фирский торговец не обманывал — ларчик и впрямь был на редкость хороши. Полированные стенки из темно-коричневого дерева украшали прихотливые инкрустации из серебра и перламутра; изящные маленькие петли и замочек, распластавшаяся на крышке серебряная змейка — все было выполнено тонко, филигранно, мельчайшие детали проработаны скрупулезно и точно. Отличная работа!

— Нет! Ты только посмотри, как отделано внутри! Как будто сам Солнцеликий приложил руку! — Торговец вцепился в рукав киммерийца, не желая отпускать покупателя.

Он отодвинул задвижку, открыл шкатулку и поднес поближе к лицу Конана. Переливчатый кхитайский щелк с выткаными цветами и птицами заблестел под лучами солнца.

— Где еще увидишь такую красоту? — Офицер даже пальцами прищелкнул от восхищения, любуясь ларчиком.— Согласен сбросить еще пару

монет, но только для тебя, киммериец! Клянусь Белом, это будет самая выгодная покупка в твоей жизни!

Варвар остановился в задумчивости: Ему очень хотелось сделать подарок Денияре, но в кошельке было только десять серебряных монет, а торговец просил дюжину. Бел-заступник, как быстро испаряются эти проклятые монеты! Еще десять дней назад их была тьма-тьмущая, а сейчас не наскрести на какую-то там шкатулку... Конан усмехнулся:

— Давай за десять монет — и мой кошелек в придачу. Посмотри, какой красивый, да еще и почти новый! Для тебя эта сделка также окажется очень выгодной — видно, боги благоволят тебе, мошенник! — Теперь уже киммериец, словно заправский торговец, начал расхваливать свою вещь: — Видишь, кожа не вытерта. Застежка серебряная, бисер... Да где ты еще сможешь купить такой за пару монет?

Торговец засопел, вертя кошелек в руках. В общем-то вещь была ему не нужна, однако выгода представлялась очевидной. Варвар не обманывал: это могло стоить и больше пары серебряных.

— Ладно, по рукам, но только потому, что мы знаем друг друга не первый день, Конан. Другому ни за что бы не отдал, пусть сожрут меня демоны, если вру!

За то время, что варвар провел в Шадизаре, редкий человек на аренджунском базаре не узнал его; да что базар! — весь город если и не видел,

так слышать-то уж точно слышал о могучем, ловком, отважном и удачливом киммерийце. Об его делах ходили невероятные слухи — такие, что когда они достигали ушей самого Конана, он с трудом мог догадаться, что это, оказывается, о нем. С ногшибательные подробности его подвигов, навороченные изобретательными языками умелых рассказчиков, превращали некоторые из его проделок чуть ли не в подобие древних сказок. А там ведь за давностью лет никогда не разберешь, что на самом деле было, чего не было, да и было ли все это вообще.

Варвару такая слава была приятна, а иногда — как сегодня, например, — и полезна: выторговать такой ларчик всего за дюжину монет! В подобных вещицах Конан знал толк, они не раз проходили через его руки — мало ли сундуков успел он очистить за время, что провел в Городе Негодяев...

Расставшись с торговцем и своим кошельком, киммериец отправился к дому Денияры. Она будет рада подарку, хотя повода для этого вроде бы и не было — просто захотелось порадовать любимую женщину.

Уже подходя к знакомому дому, окруженному старыми развесистыми чинарами, варвар услыхал возбужденные голоса женщин вперемешку с плачем и причитаниями. Он ускорил шаги, постучал в калитку, однако никто не выбежал ее открыть.

«Что происходит? Даже стука не слышат», — забеспокоился киммериец. Не дожидаясь, когда ему откроют, он подтянулся на руках, перемах-

нул через ограду, пересек двор, вошел в дом и увидел трех женщин — они были так увлечены разговором, что даже не заметили появления киммерийца. Денияра сидела на диванчике спиной к нему, а ее служанки, Мадина и Шариза, рассказывали что-то наперебой, ломая руки и глотая слезы.

— В чем дело, радость моя? — Голос Конана заставил девушек вздрогнуть, и они обернулись, на мгновение застыв от неожиданности.— Что случилось, я спрашиваю? Рота Нергала мне в печень, если у вашего дома уже не собралась толпа любопытных — вы так кричите, что на базарной площади слышно,— продолжил киммериец.

— Конан! Конан! — Служанки бросились к нему, не скрывая радости.— Этот мерзавец, рождение ехидны и шакала, он схватил нашу Замиру! Они затащили ее в паланкин и увезли, надо спасти ее! Он хочет ее к себе в наложницы...

— Ничего не понимаю.— Варвар развел руками.— Вы можете говорить по очереди — так, чтобы можно было разобрать ваши слова? А то стрекочете, словно рой цикад в жаркий полдень! Даже уши заложило, Кром свидетель...

— Тихо! — прикрикнула Денияра на служанок и поднялась с дивана.— Перестаньте стечь — слезами дело не выплачешь! Сейчас я тебе все расскажу.— Она взяла варвара за локоть, и тот почувствовал, что пальцы женщины чуть заметно дрожат.— Ой, а это что? — Она заметила

ларец, который Конан вертел в руках, не зная, что с ним делать.— Какая красота! Неужели это мне, милый?

Ох уж эти женщины! Даже в те мгновения, когда, кажется, им совсем не должно быть никакого дела до чего-нибудь еще, они обязательно заметят красивую вещицу, да еще и позаботятся о том, чтобы выглядеть подобающим образом. Но их ведь не переделаешь — таким создали прекрасный пол боги!

— Да вот, хотел тебе подарить,— слегка смущаясь Конан,— но вижу, что не вовремя. Так что же все-таки произошло?

— Спасибо! — Крепкий поцелуй стал наградой киммерийцу.— Удивительно красивая шкатулка.— Денияра поставила ларчик на стол и лишь тогда начала рассказывать: — Замиру увидел как-то на рынке или на улице, не знаю уж где именно, советник правителя — чернобородый, помнишь? Тот, с которым ты имел дела...

Как не помнить! Это благодаря ему Конан едва унес ноги из дома лекаря, а уж о походе в поместье Горбатого Лиаренуса и вспоминать не хочется, хотя, благодарение Митре, в конце концов все обошлось благополучно, но могло ведь кончиться куда хуже — уж больно жуткими были эти темно-зеленые монстры... Чернобородый ублюдок надеялся сшибить лбами Лиаренуса и его, Конана,— это и без гадалки сказать можно. Да к тому же он так и не рассчитался за это, а ведь обещал, Нергалово отродье, пять чаш серебра!

— Придется мне все же заняться этим мерзавцем! — Конан стиснул зубы.— Так что он такое натворил?

— Прислал ко мне своего управляющего — лысого такого, не знаю, как его зовут. Тот предложил мне продать Замиру этому вельможе, но я, естественно, отказалась. А теперь вот,— Денияра всхлипнула,— его люди похитили девушку, когда она с Мадиной шла с базара.

— Доигрался, сын шакала! — скав кулаки, прорычал киммериец.— Клянусь Кромом, я заставлю его пожалеть о сделанном, чего бы это ни стоило! С ним и у меня кое-какие счеты остались! Плевать, что он большой вельможа, чернобородая гиена! Я ему паршивую бороденку в глотку засуну! Когда Замиру похитили?

— Недавно — около полудня.

— Что ж, до вечера времени еще много, успею хорошенько подготовиться. А потом надо будет наведаться в гости к этой смердящей куче ослиного деръма — давненько я там не был.

Подготовиться действительно было нужно — Конану раз- другой пришлось побывать во дворце этого советника, и он хорошо представлял себе, как трудно туда проникнуть; да и внутри было отнюдь не безлюдно: охранников у чернобородого хватало. Конечно, они не бойцы — так себе, на одну руку троих даже и маловато, но числом могли все же задавить. Тут надо не только умение, а и придумать кое-какую хитрость.

Киммериец вышел на улицу и, продолжая на ходу размышлять о том, что предстоит ему сегод-

ня вечером, зашагал по направлению к Пустынке: там жил Ловкач Ши Шелам, к которому в трудных случаях всегда обращался варвар — эта хитрая лисья морда неизменно находила какое-нибудь решение. К тому же у Ловкача хранился весь арсенал киммерийца: веревки, крюки, метательные ножи — в общем, весь необходимый воровской инструмент, обеспечивающий квалифицированное потрошение закромов местных богатеев.

К счастью, Ловкач был дома. При виде киммерийца, через узенькую калитку протискивающегося в маленький дворик, он радостно потер руки:

— Привет, бычий загривок! Хорошо, что пришел,— будет с кем опустошить этот бурдюк.

С ловкостью фокусника Шелам вытащил откуда-то две хоть и щербатые, зато огромных размеров кружки и, водрузив их на большой камень, исчез в своем логове. Мгновением позже он уже вернулся, неся вместительный бурдюк.

— Садись.— Ловкач указал на травку под деревом, где было обычное место Конана, а сиживать здесь киммерийцу приходилось не раз, даже трава вытерлась кое-где под могучими телесами варвара.— Ну, и чего ради Бел принес тебя сегодня? — разливая вино по кружкам, спросил Ши Шелам.

— Пока я пришел сам, обглодыш,— отозвался варвар, отхлебывая вино,— а Бел нам может помочь в дальнейшем. Кстати, вино недурное, повтори-ка еще по одной. Где ты его спер на этот раз?

— Покупное. Рассказывай, что там у тебя. Конан коротко изложил Ловкачу суть дела. Тот наморщил лоб, по лицу было видно, что мозги его напряженно работают.

— Не напрягайся так, а то окочуришься, не приведи Митра, что я без тебя делать буду? — поддел варвар. — Полегче, полегче, приятель!

Он налил собеседнику и себе еще по кружке. Несколько минут оба сосредоточенно молчали.

— Этот ублюдок тебе еще и денег должен? — спросил наконец Шелам.

— Угу, — кивнул киммериец.

— Вряд ли у тебя получится и девчонку вытащить, и долг взять, — задумчиво протянул Ловкач, — за один раз это не так-то просто.

— Главное — Замира, — ответил киммериец. — Я обещал ее освободить. Деньги — вода, утекли — еще добудем, но с этой гиеной я сегодня рассчитываюсь, клянусь печенью Крома!

— Ну, кое-что я придумал, — сообщил наконец Ловкач. — После полудня его управляющий почти каждый день сидит либо в «Улыбке Иштар», либо на заднем дворе у Абулетеса, ты ведь и сам когда-то встречался с ним именно там. Так что возьмешь его за жабры, и в его же паланкине въедешь во дворец без шума и пыли. Дальше сам сообразишь, этому тебя учить не надо. Хотя, если бы меня спросили, я в первую очередь занялся бы деньгами. Подумаешь, девчонок много, не одна, так другая — какая разница.

— С паланкином это ты здорово сообразил, лисья морда, — хлопнул приятеля по плечу ким-

мериц, — мне это в голову не пришло. А вот насчет Замиры ты не прав — тут, знаешь ли, случай особый. Давай допъем, а потом я схожу на базар: дам мальчишкам задание, чтобы разнюхали, где именно ошибается сегодня этот лысый.

* * *

Связанную и заплаканную девушку вытащили из паланкина, и два здоровенных чернокожих раба отнесли ее в просторное светлое помещение, выложенное мраморными плитами. Посередине находился бассейн с прозрачной голубоватой водой, по стенам — мраморные скамьи с высокими спинками. Весь пол был застлан пушистыми коврами, расшитыми яркими, сочными узорами.

Замира была крепко связана широкими шелковыми кушаками и даже взнуздана кожаным ремешком, чтобы не вздумала кусаться. Девушка стонала от боли и унижения, извивалась, пытаясь высвободиться от пут, но те держали крепко. Рабы положили ее на пол и ушли, переговариваясь на незнакомом языке.

Прошло некоторое время, показавшееся ей вечностью, и в зале появились две пожилые женщины, облаченные в длинные белые рубахи, и невероятно толстый мужчина, державший в руке короткую плеть. При виде их Замира вся сжалась от предчувствия недоброго, но толстяк успокоил ее:

— Будешь вести себя хорошо, никто тебя не тронет. Но если вздумаешь сопротивляться... — Он выразительно помахал плетью.

Голос у него был писклявый, как у женщины.
«Евнух», — догадалась Замира.

— Развяжите ее и разденьте, — приказал толстяк женщинам, а сам присел на скамью, обмахиваясь веером; пот градом катил по его одутловатому красному лицу.

Служанки повиновались, и вскоре обнаженная девушка была поставлена перед евнухом. Старухи цепко держали Замиру с обеих сторон, пока толстяк, сопя и причмокивая губами, сальным взглядом блуждал по ее телу.

— Поверните... так, теперь боком.... теперь нагнись... так... — пронзительным голосом приговаривал евнух. — Сложена хорошо, — насмотревшись, решил он. — Теперь приготовьте ее.

Старухи принесли флаконы с различными притираниями и мазями, полотенца и, усадив девушку в бассейн, принялись мыть и скрести ее тело так, словно перед этим она обитала в помойной яме. Понимая, что ничего не может изменить, Замира молча повиновалась.

— Какая хорошенъкая! — ворковали старухи, растирая ее душистыми зингарскими губками. — Ты не бойся, тебе повезло, наш господин — человек богатый и щедрый. Если угодишь ему, будешь жить, как в раю. Девушек тут много, так что скучать не придется. Господин будет дарить тебе платья, украшения, сласти, шербет — все, что захочешь и сколько захочешь.

Замира почти не слушала их трескотню — переживания сегодняшнего дня напрочь лишили ее каких-либо желаний. Девушке хотелось лишь

одного: исчезнуть так, чтобы никто ее не нашел.

Старухи вымыли ее, обсушили полотенцами и велели лечь на мраморную скамью, где умастили тело девушки душистыми мазями и растерли кошачьими шкурками, отчего кожа стала гладкой и матовой. Потом на Замиру надели короткую сорочку и шальвары из тончайшего прозрачного шелка сиреневого цвета. Потом они принялись за лицо: насыкли брови, подкрасили ресницы, наложили на щеки легкие румяна и яркой киноварью подкрасили губы.

— Смотри, — старуха поставила девушку перед большим зеркалом, — господин будет доволен.

«Все равно убегу, — думала про себя Замира, — что бы вы тут со мной ни делали!»

Некоторое время спустя евнух вернулся — на этот раз вместе с лысым управляющим. Причмокивая губами от восхищения, оба долго рассматривали Замиру, заставляя ее то поднимать руки, то поворачиваться, а потом велели пройтись несколько раз вдоль бассейна.

— Хорошо, очень хорошо, — кивали они, — хозяин будет доволен.

— Серьги, бусы и браслеты из аметиста, — распорядился лысый, — господину это понравится. Ждите, когда он захочет ее увидеть.

— Да, да, понравится, — писклявым голосом подтвердил евнух, — я позову, когда господин распорядится. Отведите ее в белую комнату.

Девушку провели по устланной коврами лестнице и оставили в небольшом помещении, стены

которого были выложены снежно-белыми мраморными плитами. Из мебели там была только низкая скамейка, накрытая пушистым покрывалом.

— Сиди здесь.— Старуха указала на скамью и вышла.

В замке повернулся ключ, и пленница осталась одна, без всякой надежды выбраться на волю. Стены были гладкими и глухими, а единственное окошко, забранное узорчатой решеткой, находилось высоко под потолком. И думать было нечего, чтобы каким-то образом попытаться вырваться на свободу...

* * *

— Можешь идти.— Советник махнул писцу рукой.— Завтра к утру пусть всех по этому списку приведут ко мне!

Он огладил окладистую черную с проседью бороду и, довольный, усмехнулся. «Завтра приползут эти торговцы, что пытались утаить солидную часть подати, и посмотрим тогда, как они будут умолять не передавать этот список повелителю. Придется им слегка раскошелиться — не бесплатно же мне хлопотать в их пользу!» Советник трижды хлопнул в ладоши.

— Ужинать! Здесь! — коротко бросил он вбежавшему слуге.

Тотчас же зал наполнился роем снуящих и хлопочущих вокруг своего господина слуг. Одни несли чашу для омовений и мягкую ткань, чтобы вытереть руки; двое других — изящный по-

лированный столик; за ними появился мальчишка с белоснежной скатертью, которую с ловкостью фокусника расстелил перед хозяином. На столе мгновенно появились кубки, кувшины с вином, блюда с фруктами, и вот уже процессия подавальщиков во главе с поваром несет подноссы с аппетитно пахнущей жареной дичью, соусники с пряными приправами, нежную, тающую во рту рыбу, приготовленную по китайскому рецепту — чего только не стряпали для господина искусные повара! Поесть он любил — это было видно и по его комплекции, и по заплывшим лоснящимся глазкам, алчно глядящим на пищу в предвкушении предстоящего удовольствия.

Была еще одна причина, по которой советник пребывал в прекрасном расположении духа: сегодня наконец он попробует эту девчонку, к прелестям которой давно уже стремилась его сладострастная натура.

«Дура! — обругал он про себя хозяйку невольницы.— Не захотела ее уступить! И кому? Мне! Вот теперь и служанки у тебя нет, и платы за нее нет тоже». Довольный собою, он потер пухлые руки, выбирая самый лакомый кусок, с которого следовало начать трапезу. Вокруг, ожидая приказаний, почтительно склонились подавальщики. «Девчонка хороша! — Он представил себе, как проведет с ней сегодняшнюю ночь, в чреслах возникло знакомое томление, и он даже зажмурился от удовольствия, продолжая тем не менее равномерно двигать челюстями.— За такую мож-

но было бы и чашу серебра отдать... Видят боги, это я и предлагал неразумной женщине!»

У советника было множество невольниц из разных мест: рослые белокурые и белотелые красавицы из Гандерланда; смуглые, пышные брюнетки из Турана; стройные зингарки, чернокожие кушанки и дарфарки, не говоря уж о заморанских прелестницах — по числу и разнообразию гарем советника уступал разве что гарему его повелителя. Но со временем девушки надоедали советнику, и хотелось чего-нибудь новенького и свежего; тогда, проезжая по улицам Шадизара, он обращал внимание на какую-нибудь из местных красавиц — и не успокаивался до тех пор, пока очередной предмет вожделений не оказывался в его опочивальне.

Он с ухмылкой поглядел на евнуха, стоящего поодаль и ожидающего знака господина. «А тебе этого не дано, кастрат! — подумал он, но от этой мысли по спине пробежал неприятный холодок: в свое время евнух был оскоплен за распутство, принявшее столь невероятный размах, что возмутило даже привычный ко многому Шадизар, и повелитель вынужден был вмешаться. — Ну нет, клянусь Митрой, со мной такого не произойдет, повелитель меня любит, да и ничего непотребного я не делаю...» На миг чернобородый перестал жевать и запшептал молитву, прося богов ниспослать всяческое благодеяние повелителю, после чего кивнул слуге, и тарелка вновь была наполнена.

Прожевывая молодые побеги кхитайского бамбука, он вспомнил, как потчевал сим изысканным

яством того варвара. Мысль о могучем киммерийце заставила советника зябко поежиться; приподнятое настроение внезапно испарилось без следа, по спине заструился холодный пот. «Что, если этот киммерийский гигант вздумает явиться за обещанной наградой? — содрогнувшись, он вспомнил холодный блеск синих глаз. — Лекаришку-то не спасли ни стражи, ни толстые стены, ни крепкие двери... Может, я и зря не выполнил своего обещания насчет этих пяти чаш серебра?»

— Где управляющий? — рыкнул он на слугу.

— Сейчас, мой господин.

Словно выпущенная из лука стрела, слуга вылетел из зала: приказания здесь привыкли исполнять молниеносно. Вскоре он вновь появился перед хозяином и, распластавшись на полу, дрожащим голосом произнес:

— Господин, он уехал в город, чтобы приказать купцам быть завтра здесь!

— Отродье, вечно его нет в самый нужный момент! — выругался советник. — Как появится, мигом ко мне!

Завтра — нет, сегодня вечером — он прикажет своим соглядатаям разыскать этого варвара и заманить к себе. Как бы за наградой, но... Советник на мгновение задумался. Конечно же, яд! Подсыпать киммерийскому ублюдку яду в вино — и дело сделано! Он снова повеселел, предвкушение вечернего события вновь овладело его мыслями, и слуги, с напряженным вниманием следившие за каждым движением господина, облегченно вздохнули — на этот раз, похоже, пронесло!

Ужин закончился. Советник в изнеможении отвалился на подушки и лениво полоскал пальцы в серебряной чаше. Завершив омовение, он кивнул ожидающему его взгляда евнуху и, с трудом поднявшись и поправляя сползающий с живота кушак, направился в опочивальню.

* * *

Как на иголках сидел Конан в дальнем углу таверны Абулетеса. Уже наступил вечер, а никаких известий о лысом управляющем советника не было.

«Подожду еще чуть-чуть, а потом придется идти самому, — решил киммериец. — Делать нечего, придется лезть через забор». Он еще раз убедился, что необходимая амуниция на месте: веревка с крюком, три метательных ножа, кинжал, меч — все при нем; потом велел принести еще кружку вина и задумался, как будет действовать во дворце чернобородого.

— Конан, — привлек его внимание шепот пустого мальчишки, вместе с друзьями нередко исполнявшего мелкие поручения Шелама и киммерийца.

— Ну что?

— Его паланкин направляется сюда!

— Молодец, — похвалил варвар, — завтра приходите, расплачусь.

Конан выскочил из таверны и проулками побежал к потайной двери, выходящей на задний двор: не желая поднимать лишнего шума, он решил встретить лысого там, где бы их никто не

увидел. Когда шестеро невольников в окружении стражи принесли носилки и управляющий, раздвинув занавеси, уже собрался было выйти, варвар метнулся к нему. Стражники знали киммерийца и не придали значения тому, что он захотел побеседовать с хозяином — на это, собственно, и рассчитывал Конан.

— Чего тебе, киммериец? — важно спросил управляющий.

— Срочное дело к твоему господину, — ответил Конан, — давай поговорим внутри.

Ничего не подозревавший толстяк допустил промашку и пригласил варвара, а когда занавеси задернулись, почувствовал, что к горлу приставлен нож.

— Жить хочешь?

— Да, да, — закивал головой лысый.

— Тогда давай во дворец, и не вздумай поднять шум!

Когда паланкин поднесли к дворцовому крыльцу, Конан, для устрашения чуть сдавив рукой горло управляющего — у того глаза на лоб полезли, — строго сказал:

— Сейчас мы вместе выйдем и направимся в твои комнаты. Ты пойдешь первым, и если пикнешь или позовешь на помощь, тут тебе и конец. Ты меня хорошо понял?

Тот послушно закивал, на лбу выступили мелкие капельки пота.

— Да не бойся, — пообещал киммериец, нехорошо усмехаясь, — я тебя зарежу легко, даже боли не успеешь почувствовать. Пошли!

Они прошествовали в дальнее крыло, где помещались покой управляющего. Весь путь прошел нормально, если не считать, что толстяк то и дело собирался хлопнуться в обморок со страха, и киммерийцу всякий раз приходилось поддерживать его за локоть.

Ключ в двери повернулся, и на пороге в сопровождении двух женщин появился евнух.

— Пойдем, господин ждет тебя!

Смирившаяся со своей участью Замира послушно поднялась со скамьи и двинулась следом. «Значит, так угодно богам,— повторяла она про себя, глядя в жирную спину важно шагавшего впереди евнуха.— Что я могу поделать?»

Наконец длинный коридор закончился, и они очутились перед небольшой дверью, по обеим сторонам которой с обнаженными мечами стояли двое чернокожих рабов устрашающего роста и телосложения. «Только Конан мог бы спасти меня,— с тоской думала девушка, глядя на могучих черных стражей.— Но где он, да и знает ли, что произошло?»

Они оказались в комнате — роскошно убранной и устланной коврами. Евнух прошел в следующую дверь, а старухи с Замирой остались ждать. При мысли о том, что ей сейчас предстоит, девушка задрожала вновь.

Евнух вернулся в сопровождении двух моло-деньких, одетых почти так же, как Замира, невольниц — они под руки отвели девушку в опо-

чивальню. Первое, что бросилось ей в глаза,— огромное ложе, уbraneе расписным шелковым покрывалом, и множество разбросанных на нем подушек. Замира даже не заметила сразу чернобородого мужчины, который, сидя в углу на маленьком диванчике, пожирал ее щелками заплыvших жиром глаз.

— Ну, что, голубка,— услышала она твердый голос, привыкший повелевать,— понравилось ли тебе у меня?

Замира не могла ответить, от взгляда на будущего повелителя у нее перехватило дыхание — столь отвратительным он показался. Девушки подвели ее поближе к хозяину, и жирные пальцы дотронулись до тела; Замира вздрогнула.

— Не бойся, я не кусаюсь,— рассмеялся чернобородый.— У меня тебе будет хорошо.

Чернобородый ощупывал ее тело сквозь почти невесomую ткань, и глаза его наливались нетерпением.

— Разденьте ее,— коротко приказал он невольницам.

Поскольку то, что было на Замире, можно было назвать одеждой лишь при чрезвычайно богатом воображении, все было исполнено мгновенно.

— Теперь меня.

Наложницы засуетились вокруг господина, и то, что вскоре представало перед Замирой, было еще омерзительнее, чем в одежде. Жирное, дряблое тело, свисающие складки большого живота, седые волосы, покрывающие пухлую, как у женщины, грудь. Девушка в испуге попятилась к

стене, а советник, знаком приказав служанкам удаляться, бросился на нее.

Замира пыталась увернуться от жирных непреливых рук, но это лишь еще больше распаяло мужчину. Она пыталась вырваться, и на мгновение это удалось, но советник с неожиданным для его тучности проворством вновь схватил ее и бросил на ложе. Не помня себя от страха, девушка закричала и, отчаянно извиваясь, попыталаось освободиться, однако чернобородый навалился на нее, выкручивая руки. Лицо его было искалено желанием и яростью.

— Сейчас я тебя! — повторял он, дыша Замире в лицо и брызжа слюной.— Ты у меня получиши! Ишь какая неподатливая!

Замире удалось вырвать одну руку и, не понимая уже, что делает, не думая ни о чем, а только желая прекратить это мерзкое истязание, она вцепилась ногтями в лицо советника, оставляя на рыхлой коже глубокие кровавые полосы.

— А-а-а! — истошно взревел от боли чернобородый и ударил ее кулаком.— Стерва! Как ты посмела!

На крик хозяина в комнату вбежали евнух и наложницы. Советник еще раз ударил Замиру — с такой силой, что та отлетела в угол.

— Потаскуха! — брызжа слюной, орал чернобородый, размазывая по лицу кровь.— Ты, ничтожная тварь! Клянусь богами, я заставлю тебя пожалеть об этом!

В другое время вид пожилого голого мужчины, в ярости трясущего жирными телесами в

окружении толстого евнуха и двух полуодетых девушек, мог бы вызвать только смех, однако несчастной Замире было не до веселья — почти теряя сознание, она сжалась от страха и боли, уверенная, что сейчас ее просто убьют.

— Высечь ее хорошенько! — кричал советник.— Или нет! — Он указал на девушку вбежавшим телохранителям.— Отнесите ее к стражникам! Пусть они позабавятся ею! Тварь базарная!

* * *

— А ты неплохо устроился,— одобрительно заметил Конан, когда слуга в почтительном поклоне затворил за ними дверь, и они с лысым управляющим остались одни. Действительно, было от чего прийти в восторг: помещения поражали богатой драпировкой, дорогими коврами и роскошной мебелью красного дерева.

— Чего ты от меня хочешь? — заискивающе спросил управляющий.

— Во-первых, свистни своего стражника и скажи, чтобы нам не мешали, пока ты сам не позовешь; во-вторых, покажи мне другой выход отсюда — я знаю, он должен быть непременно; в-третьих... ну ладно, это потом,— закончил речь варвар, подталкивая лысого к дверям.

Управляющий отдал приказания и, отодвинув висящий на стене ковер, показал киммерийцу потайную дверь.

— Куда она ведет?

— Прямо в по-по-покои советника,— заикаясь, произнес лысый,— прямой ко-коридор.

— Понял,— перебил его варвар.— Стража есть?
— Нет, но дверь господина заперта.
— Изнутри?
— Да.
— Еще двери в этом коридоре есть?
— Есть... в зал, где стра-стра-стражники.
— Тоже заперта?
— Да.
— Давай ключи от нее!
— Но их у меня н-н-нет!..
— Вот это ты врешь! — Варвар схватил его за горло.— Что же они, у господина? Или у стражников? Давай — и побыстрее, или, клянусь Кромом, сию минуту выпущу из тебя кишки!

Арожающими руками лысый вытащил из ящика стола два огромных бронзовых ключа.

— А говорил — нет! — зловещим шепотом упрекнул его Конан.

Бедняга посерел лицом и бухнулся киммерийцу в ноги:

— Прости, во имя всех богов! О-о-один от момо-моей двери, другой от т-той...

— Смотри у меня, отрыжка верблюжья! — Варвар связал ему руки подвернувшимся под руку кушаком от халата и, оторвав кусок ткани от подола, запихал управляющему в рот.

— Лежи смирно — тогда, может быть, и уцелеешь! — С этими словами киммериец затолкал управляющего под диван, после чего тщательно запер входную дверь на засов.

Отойдя на пару шагов, он критически посмотрел на содеянное, потом придинул к двери

огромный шкаф кедрового дерева. «Так, пожалуй, будет надежней», — решил киммериец и вышел через потайную дверь.

Коридор был темен и пуст; ощупывая стены, варвар продвинулся на несколько шагов, прислушиваясь, нет ли опасности. Движение воздуха заставило Конана на мгновение замереть, потом он осторожно двинулся дальше. Через несколько шагов стена кончилась, он ощупал слева — то же самое.

«Еще один коридор, вот почему подуло,— догадался киммериец,— пожалуй, без света здесь не обойтись. Вернусь и все-таки возьму лампу, вроде бы я видел ее в комнате лысого».

* * *

Жестокое наказание придумал извращенный и воспаленный от ярости ум хозяина для непокорной рабыни! Когда Замиру бросили в помещение, где за огромным столом, установленным едой и напитками, сидели шестеро огромных черных мужчин со зверским выражением лиц, она вскрикнула, понимая что ее ждет, и потеряла сознание.

— Вам подарок от господина,— крикнул телохранитель, захлопывая дверь.— Делайте с ней что хотите!

— Н'Богу,— вставая с лавки, сказал один из гигантов,— в прошлый раз я проиграл тебе в кости, да и заморийки тебе по вкусу, можешь быть первым.

— Ладно, Н'Дона,— вытирая сальный рот огромной пятерней, ответил тот, к кому обращалась просьба.

лись,— огромный, с выпуклыми рельефными мускулами невольник-дарфарец, судя по уверенности, с которой он говорил, старший среди стражников.— Уговорил. Пожалуй, я не прочь попробовать.

Обтирая руки о шаровары, он направился к неподвижно лежащей девушке, схватил аметистовое ожерелье и сорвал его с шеи Замиры. Камни, рассыпавшись, застучали по каменному полу.

— Что, мешать будет? — захохотал Н'Богу.

Остальные подхватили щутку; их громоподобный смех, казалось, сотрясал каменные своды.

Девушка очнулась и с ужасом, не в силах двинуться, ожидала, когда эта черная громадина подойдет к ней. Словно клещами обхватив за талию, Н'Богу легко поднял ее на руки. Замира инстинктивно пыталась отстраниться, но чернокожий держал крепко.

— Освободи-ка стол,— рыкнул он на одного из своих товарищней,— на нем будет удобнее.

Блюда и кувшины были сдвинуты в сторону, и он бросил девушку на жесткие, отполированные временем доски столешницы. Замира не могла даже двинуться — четыре огромные ладони накрепко припечатали ее руки и ноги к столешнице. Пять пар глаз впились в неподвижное тело несчастной, ожидая зрелища, которое устроит сейчас их предводитель. У Замиры уже не было сил кричать или стонать — в комнате слышалось только шумное дыхание и звон расстегиваемых железных пряжек одежды Н'Богу.

«Все, конец», — пронеслось в голове Замиры, когда она почувствовала, что громадное тело дарфарца наваливается на нее. Она пронзительно закричала, зная, однако, что на помочь прийти некому.

* * *

Конан вернулся в комнату управляющего. Да, он не ошибся: светильник стоял на столе. Киммериец взял бронзовую лампу, потряс ее возле уха, — масла было достаточно, — высек огонь, зажег, задвинул колпак и прислушался. За дверью было тихо, только лысый сопел под диваном. Варвар вновь осторожно вышел через потайную дверь, посветил себе, глядываясь в темноту и, не увидев ничего подозрительного, закрыл дверь и быстрыми легкими шагами направился вперед, к первому повороту. «Спасибо Митре, надоумил», — пробурчал про себя киммериец.

С лампой в руках путешествовать по коридору оказалось гораздо удобнее. Конан свернул в левое крыло поперечного хода, дошел до дверцы и приложил к ней ухо. С той стороны было тихо, а свежий воздух, проходивший сквозь щель, показал варвару, что за этой дверью, скорее всего, сад. Тогда киммериец двинулся в противоположный проход, миновал несколько поворотов и вдруг услышал душераздирающий женский крик. Голос показался знакомым. «Замира!» — вспыхнуло в мозгу.

Крик раздавался совсем рядом. Конан пробежал еще с десяток шагов и обнаружил в правой

стене железную дверь — женские вопли и хохот нескольких мужчин слышались именно оттуда. Он лихорадочно отвязал с пояса ключи и, вставив первый в замочную скважину, попытался повернуть. Тщетно!

— Копыта Нергала!

Он схватил второй — один оборот, два... Замок подался, и киммериец распахнул дверь. В первое мгновение он ничего не понял. Пятеро огромных — под стать ему самому — негров стояли вокруг стола, а шестой, голый, весь в буграх могучих мышц, опервшись руками о край, готовился залезть наверх.

Конану все стало ясно. Он прыгнул вперед и, не прибегая к оружию, которое просто не успел выхватить, коротким ударом кулака сбил пытавшегося взобраться на стол голого стражника. Тот с недоуменным воплем отлетел к стене.

Остальные, оторопев от неожиданности, отпрнули от стола, открыв лежащее среди обедников и разбросанной посуды беззащитное женское тело. Замира! Встретившись с ним взглядом, девушка тихо всхлипнула, в глазах ее плескался дикий ужас.

Опомнившись, стражники отскочили в стороны и схватились за оружие. Н'Богу еще валялся у стены, пытаясь приподняться на локте: удар киммерийца был довольно силен.

«Этот пока не в счет», — решил варвар. Он выхватил меч и, сделав ложный выпад по направлению к ближайшему из противников, отчего тот отскочил в сторону, вдруг развернулся к

другому и молниеносным ударом снес ему голову.

Извергающее фонтан крови туловище осело прямо на третьего, и пока тот освобождался из-под трупа, варвар метнул в него нож — с такой силой, что лезвие, пробив шейные позвонки, вышло с другой стороны.

— Что, верблюжье дермо, не нравится? — захохотал Конан.

Он запрыгнул на стол, стараясь не задеть Замиру, которая сжалась в комочек, закрыв руками голову. Трое оставшихся стражников, похвав мечи, встали полукругом у дальней стены, готовясь к нападению.

Варвар нагнулся, его могучие руки вцепились в тяжелую лавку. Миг — и скамья, вращаясь в воздухе, уже летела в сторону чернокожих невольников. Удар оказался страшен — несмотря на то что негры пытались смягчить его, перехватив метательный снаряд на лету. Бесельчаку Н'Доне край толстой доски ударили между глаз, и он, охнув, рухнул на пол. Впрочем, двое его сотоварищей быстро оправились и бросились на киммерийца.

Конан спрыгнул со стола — прямо на все еще пытавшегося подняться Н'Богу, всей массой обрушившись на врага; тот икнул, из раскрывшегося рта хлынула кровь.

— Болваны! — крикнул Конан двум уцелевшим пока противникам. — Где ты учился владеть мечом, вонючая козлиная блевотина? — выбивая оружие из рук ближайшего, поинтересовался он.

Тот запрокинулся, пытаясь дотянуться до клинка, но сделать этого не успел: киммериец воткнул ему в живот острие меча.

— Так будет с каждым! — пообещал он единственному, оставшемуся на ногах.

Варвар не обманул.

Удар. Выпад. Еще выпад. Противник взмахнул мечом, киммериец пригнулся и нанес молниеносный удар снизу. Расположенный почти надвое, стражник рухнул. Конан вернулся к Н'Доне и прекратил его мучения: не столько из жалости к бедняге, сколько затем, чтобы на некоторое время обезопасить себя — кто знает, с чем еще здесь предстоит встретиться? А мертвый противник всегда доставляет меньше хлопот, чем живой.

Потом киммериец подошел к столу и осторожно взял на руки все еще сотрясаемое дрожью тело девушки. Она с такой силой стиснула шею варвара, что он чуть не задохнулся.

— Конан, Конан,— сквозь судорожные рыдания без конца повторяла она, не в силах произнести ничего более связного.

— Полегче, малышка,— шепнул он, ставя ее на ноги,— теперь все будет хорошо.

Он еще раз осмотрел разгромленное помещение и лежащие на полу трупы, потом прижал столом входную дверь, а, выводя Замиру в погребальный ход, запер замок.

«Пока хватятся этих стражников,— подумал он,— я, пожалуй, успею сделать кое-что еще». Конан вернулся в комнату лысого; Замира, учен-

шившись, как ребенок, за рукав его рубахи, не отходила ни на шаг.

— Тебе придется подождать меня здесь,— закутывая девушку в покрывало, сказал киммериец.— Не бойся, я скоро вернусь.

Он снова двинулся по коридору, разыскивая дверь, ведущую в покой советника. Неровный свет лампы выхватывал из темноты грубо отесанные каменные плиты; изредка попадались двери, запертые на крепкие, толстые засовы. Конан осторожно открывал их — все вели наружу, в сад.

«Это ты хорошо придумал, чернобородый ублюдок,— усмехнулся про себя варвар,— легче будет исчезнуть отсюда».

Конан сделал еще шаг-другой и вдруг пошатнулся — плита под ним поехала вниз, и киммериец рухнул во тьму. Лампа выпала из его руки и погасла. Удар был не слишком силен; к тому же пол помещения, куда он свалился, был посыпан толстым слоем песка. Варвар прислушался: тихо; судя по всему, шум падения не привлек ничьего внимания.

* * *

— Подлая тварь! — продолжал изрыгать проклятия советник, пытаясь попасть в штанину шаровар, которые предупредительно поддерживали слуги.— Где управляющий? Он обязан был подготовить ее как следует.

Съежившись от страха, евнух молча наблюдал за происходящим.

— А ты что делал? — набросился на него хозяин.— Дармоед! Так вы все заботитесь о своем господине? Эта тварь чуть не выцарапала мне глаза! Дети шелудивой гиены!

— Господин,— прибежавший слуга бухнулся на колени,— управляющий приехал вместе с киммерийцем, и они заперлись в его комнатах!

— Стража! — завопил советник.— Все ко мне!

Комната наполнилась стражниками, сбегавшими со всех уголков дворца. Окруженный вооруженными людьми, советник почувствовал себя гораздо уверенней. «Такое воинство не одолеть даже этому киммерийскому медведю»,— пронеслось у него в голове.

— Взломать дверь управляющего! — приказал он и сам направился туда в сопровождении охранников.

Двери во дворце, надо отметить, были до чрезвычайности крепкими, и потому прошло изрядное время, прежде чем телохранители, действуя алебардами и пиками, сумели взломать запоры массивных створок и, опрокинув придвинутый Конаном шкаф, ворвались в покой управляющего.

— Вот ты и попалась, гадина! — взревел чернобородый, увидав Замиру.— Как ты здесь очутилась?

Сжавшись от страха, девушка молчала.

— Ладно, с тобой еще поговорим! — пообещал советник.

С Замиры сорвали покрывало и, крепко связав руки за спиной, передали старухам, которые

отвели ее в какую-то темную комнату и заперли. Услышав шум, под диваном зашебуршился управляющий, и его извлекли оттуда — полузадохшегося и ошелевшего от страха.

— Где киммериец, ты, шакалья отрыжка? — потрясая кулаками, набросился на него советник.

— По-по-потайной ход...— клацая зубами, еле выговорил лысый.

— Быстро проверить комнату стражи, арену и коридор! — скомандовал советник.

Бряцая оружием, стражники разбежались по указанным местам.

Когда глаза варвара освоились с полумраком, царившим в просторном помещении, куда он провалился, Конан рассмотрел, что высоко под потолком есть два оконца, откуда падал тусклый лунный свет. По одной из сторон можно было разглядеть длинный балкон, а в стенах — несколько дверей. Киммериец обошел зал по кругу, пробуя двери на прочность, однако ничего хорошего для себя не обнаружил: створки были массивными, без ручек, и открывались вовнутрь. «Пожалуй, выбить их я не смогу,— задумался Конан.— Но раз есть балкон, то наверху должен быть еще один выход».

Конан размотал веревку с крюком, висевшую на поясе, и прицелился, готовясь забросить ее за каменные перила балкона. Вдруг наверху послышался шум отпираемой двери, топот множества ног, и наконец показались несколько

вооруженных стражников с зажженными факелами.

— Вот он!

— Господин, он здесь! — наперебой заорали они: каждый стремился первым сообщить хозяину радостную весть.

С опаской глядя вниз, медленными шагами на балкон вышел сначала управляющий, а за ним и сам советник.

— Что, киммерийский ублюдок, пришел за платой? — ухмыльнулся чернобородый, увидев стоящего внизу Конана.

— Клянусь Кромом, я доберусь до тебя, лживый пес! — зарычал варвар, нашупывая на пояске метательный нож. Только сейчас он узнал этот зал — когда-то ему пришлось сразиться здесь с чернокожими бойцами советника. Но тогда он был голыми руками, а сейчас был неплохо вооружен. Разглядывая стоящих наверху, Конан прикидывал, как лучше нанести первый удар.

— Что ты можешь сделать, сын свиньи? — засмеялся чернобородый.

— А ты попробуй, возьми меня здесь! — откликнулся киммериец. — Где твои хваленные бойцы? Помнится, я уже как-то имел с ними дело... Давай их сюда, давай!

— В этом нет надобности. — Чернобородый окончательно овладел собой; теперь в его голосе чувствовалась прежняя привычка повелевать. — Ты сдашься сам, ублюдок. Смотри! — По его знаку на балкон вытолкнули обнаженную связанную девушку; лицо ее было закрыто распущен-

ными волосами. — Погляди на своего защитничка! — Схватив девушку за волосы, советник запрокинул ее голову.

— Замира! — не удержался от возгласа киммериец.

— А ты думал? — усмехнулся чернобородый, наслаждаясь произведенным впечатлением. — Брось все свое оружие и отойди туда к помосту, или я...

— Твоя взяла, копыта Нергала тебе в брюхо! — Варвар отстегнул ножны с мечом, размотал веревку, вытащил три ножа и кинжал и бросил все это на песок.

— Сейчас тебя закуют в цепи, — объявил советник, — и если попробуешь дернуться, твоей девке тут же перережут глотку. Понял?

— Понял, — ощерив зубы в недоброй усмешке, отозвался варвар.

Он отошел назад, как было приказано. Тут же из дальней двери вылетела куча прислужников с цепями, алебардами, саблями — в общем, целый отряд на одного безоружного варвара. «Если бы не Замира, показал бы я вам, отродье! — невесело усмехнулся про себя киммериец. — Нергал вам в печень, достали бы вы меня, как же!»

Конану сковали цепями руки и ноги и повели к выходу.

— До утра посидишь в темнице, а завтра решу, что с тобой делать, — объявил чернобородый на прощание. — Девчонку тоже в клетку, — распорядился он и, очень довольный собой, удалился в сопровождении бряцающих мечами стражников.

* * *

Темница находилась в подвале и представляла собой ряд клеток из толстых железных прутьев, расположенных вдоль длинного прохода, мощенного каменными плитами. Конана втолкнули в самую дальнюю, а Замиру, судя по доносившемуся шуму, в ближнюю ко входу. Окон здесь не было, и едва стражники закрыли дверь, узников окутала кромешная тьма.

— Конан, где ты? — донесся до варвара слабый голос девушки.

— Не бойся, голубка, что-нибудь придумаем: ночь длинная,— попытался успокоить ее киммериец, обходя свою клетку.

Он не привык терять присутствия духа ни при каких обстоятельствах. Несмотря на юный возраст, в его жизни было уже столько передряг, что смалодушничай он хоть в одной из них, то не удалось бы дожить и до этих лет.

— Хвост Нергала! — выругался Конан, пытаясь скованными за спиной руками ощупать толстенные прутья решетки. Увы, при постройке дворца мастера потрудились на славу: прутья были ровными, без единого задира, и даже в местах переплетения ковка оказалась гладкой и цельной. «Такого, клянусь Белом, не бывает, всегда хоть что-то должны сделать похуже,— размышлял варвар.— Может, дверные петли?»

Он не ошибся: петли были грубыми, а в некоторых местах на железе чувствовались как бы оборванные края. «Спасибо тебе, светлый Митра! Я знал, что ты меня не оставил!» — возлико-

вал киммериец. Он нашупал подходящую петлю и, присев, начал перетирать самое тонкое место своих оков — кольца на запястьях.

В темноте, да еще сидя спиной к двери, это было совсем нелегким делом. Иногда рука срывалась, и варвар чувствовал, как врезается в кожу острый металл. Однако обращать внимания на ссадины было некогда: ночь могла оказаться не столь длинной, чтобы успеть выполнить задуманное.

Прошло достаточно много времени, показавшегося варвару вечностью, пока его предприятие наконец не завершилось успехом: кольцо ослабло. Теперь его удерживала в целости лишь тонкая перепонка.

Конан удвоил усилия, все сильнее и сильнее нажимая на металл, и в конце концов достиг желанного результата — кольцо лопнуло! Варвар освободил левую руку; на правой оставался пока второй «браслет» с прикрепленной к нему тяжелой цепью.

«И хорошо,— решил Конан,— какое-никакое, а все-таки оружие. Теперь главное — освободить ноги!»

С ножными кандалами дело пошло быстрее. Как показалось варвару, он мгновенно перетер звено цепи, удерживая ее двумя руками. Конечно, любой другой узник, не обладавший силой киммерийца, вряд ли справился бы с этой работой и за неделю. «Хвала Солнцеликому,— порадовался про себя Конан,— полдела сделано. Потчи свободен»

Свою работу Конан завершил действительно вовремя — едва он отошел от двери, чтобы хоть немного посидеть на соломенной подстилке и перевести дыхание, как послышался скрип отодвигаемых засовов. Киммериец бросился на пол и лег спиной к стене, сдвинув ноги, чтобы с первого взгляда никто ничего не заподозрил.

Освещая себе путь факелами, в подземелье вошли трое стражников. Они миновали клетку, где была заперта Замира, и направились к киммерийцу. Старший, просунув факел сквозь прутья решетки, осветил внутренность узилища.

— Вставай, сын обезьяны! — гаркнул он.— Пойдешь к господину, он хочет тебя видеть!

— Да пошел он! — процедил варвар, почти не разжимая губ.— Еще рано, я хочу спать!

— Ты что! Ты... — Старший тюремщик чуть было не задохнулся от такой наглости.— Вставай, верблюжья моча, уже давно рассвело!

— Сам ты выкидыш пьяной верблюдицы! — хохотнул варвар, раззадоривая стража.— Где тебя только нашли, такого косорогого ублюдка?

Поскольку рот стражника и вправду располагался на лице не очень-то ровно, бедняга прямо-таки закипел от злости.

— Ну... ну... я тебя сейчас! Поднимите его! — отодвигая засов, приказал он двоим стражникам.

Те поочередно вошли в камеру и, направив на варвара алебарды, стали остриями колоть его в ноги и плечи.

— Оставьте! Щекотно! — рассмеялся киммериец.

Стражники на минуту разинули рты от удивления. Это их и погубило. Они уже никогда не смогли объяснить себе, что произошло в следующее мгновение: только что лежавший у стены скованный узник вдруг очутился с ними лицом к лицу. В прыжке Конан ударил одного из них ногой в живот, а шею второго зажал, точно клещами, левой рукой. Не дав противнику опомниться, он правой рукой с намотанной на кулак цепью превратил его лицо в кровавое месиво. Издав слабый булькающий звук, стражник рухнул. Уже не обращая на него внимания, варвар принялся за второго и буквально размазал его по стенке могучими ударами кулака и ноги. Все произошло в считанные мгновения. Когда в тусклом сознании старшего тюремщика начала вырисовываться картина происходившего, было уже слишком поздно.

— Так будет веселее, ублюдок! — воскликнул варвар, ухватив пятерней гребень шлема последнего противника.

Он чуть потянул его вперед, в проем, и ударом ноги в дверь расплющил голову стража вместе со шлемом, который треснул, словно личная скорлупа.

— Да, не умеют все-таки в Шадизаре делать доспехи! — пожалел стражников киммериец. Выбрав себе меч подлиннее, он прихватил также пару кинжалов и направился к выходу.

Замира, которая затаилась в дальнем конце коридора и не видела, что происходит, осторожно позвала:

— Конан! Ты жив?

— А как же! — выбирая из связки ключ и подходя к клетке, заявил киммериец.— Я же говорил: выход должен найтись всегда!

Варвар открыл дверь, и девушка бросилась ему на шею, не в силах сдержать бурные рыдания — видимо, события последних суток оказались слишком сильным испытанием для ее нервов.

— Не плачь, все устроится,— поглаживая плечи Замиры, повторял киммериец.— Только прошу тебя — потерпи еще немножко, девочка, мне осталось сделать одно небольшое — ну совсем-совсем небольшое дело.

Он повел ее переходами дворца — открыто и не таясь стражников. У каждой двери стояло не больше двух охранников, в эти утренние часы еще сонных, и пока до них доходило, что идущий быстрыми шагами по направлению к ним человек являет собой опасность, либопущенный твердой рукой нож, либо молниеносный удар меча навсегда прекращали любые раздумья.

Наконец Конан распахнул дверь в гарем советника. Сонный евнух вместе со стражем вскочили со скамьи, протирая глаза. Ударом могучего кулака киммериец чуть не вбил голову охранника в плечи по самые уши. Потом, схватив евнуха за горло, варвар резко приказал трясущемуся от ужаса хранителю цветника наслаждений:

— Оставляю тебе девушку! Одень, накорми! Ты, распутная свинья, отвечаешь за нее своей

поганой башкой! Если с ней что-нибудь случится, я заставлю тебя захлебнуться в собственной блевотине, уж можешь поверить! Да запри двери — откроешь только мне. Ясно?

Затем киммериец обернулся к Замире, которая уцепилась за его одежду и не хотела отпускать:

— Не беспокойся, я скоро вернусь. Сама посуди: неходить же тебе голой по дворцу!

Довод подействовал. Конан задержался взглядом на ее стройном теле и вздохнул, затворяя за собой дверь:

— Придется идти, Нергал раздери этого мерзавца!

* * *

Утренняя трапеза советника была не столь обильна, как обед или ужин, но все же достаточно изысканна и разнообразна. Фрукты, немного рыбы, овечий сыр, печеные перепелиные яйца, творог с медом, вазочка печенья и прочих сладостей, шербет, а после бокала сладкого тягучего вина — чашечка-другая терпкого чая, кхитайского или из Вендии. Слуга не успевал утирать пот с побагровевшего от пережевывания пищи лица своего господина.

— Что посоветуешь сделать с этими тварями? — спросил советник лысого управляющего, бочком сидевшего в отдалении на мраморной скамье.— Может быть, бичевать, пока не сдохнут?

— Если господина интересует мое недостойное мнение, то можно сперва высечь, а потом

отдать страже повелителя. Пусть их посадят на кол на базарной площади.

— Ты что, дурак безмозглый, забыл, кто убрал у повелителя любимого лекаря? — взвизгнул советник.— Хочешь, чтобы моя голова тоже была там, на колу? Если этот киммерийский ублюдок расскажет, что послал его я...

— Господин, господин,— лысый бросился на колени,— прости своего недостойного слугу, я совсем не хотел этого!

— Думай, болван, прежде чем открывать свой гнилой рот! — прихлебывая душистый напиток, бросил ему советник.— Безмозглый сын безмозглого отца!

Управляющий проглотил обиду — куда денешься — и, наморщив лоб, погрузился в размышления.

— Придумал, слава богам! — вдруг радостно завопил он.

Советник вздрогнул от неожиданности, горячий чай пролился ему на колени.

— А-а! Сын шакала! — завизжал он.— Больно! Я обжегся — и все из-за тебя, куча ослиного дерма!

Слуга бросился к хозяину и принялся задирать ему штанину. Советник оттолкнул его и запустил сосуд с остатками чая в незадачливого управляющего. Бросил с завидной меткостью: кружка попала тому прямо в лоб. Теперь от боли и неожиданности взвыл виновник переполоха.

— Молчи, сучий помет! — заорал на него хозяин.— А ты что стоишь как истукан? — напус-

тился он на ошалевшего слугу.— Сделай что-нибудь! Ой! Больно! Всех высеку, приурки, а потом вообще не знаю, что с вами сделаю!

На шум из боковой двери прибежал домашний лекарь. Под оханья и причитания господина он смазал ему покрасневшее место мазью из серебряного флакона. Советник слегка успокоился и обратился к лысому, который все это время сидел, обреченно склонив голову и закрыв лицо руками:

— Что ты там еще придумал, ублюдок? Говори, пока я тебя не убил!

За дверью послышались какой-то шум и звон металла. Открывший было рот управляющий захлопнул его снова, выжидательно глядя на господина.

— Ты что оглох, горшок с помоями? — прикрикнул на него чернобородый, не обращая на посторонние звуки особого внимания. Его сейчас больше интересовало, что же такое надумал управляющий. А шум — да мало ли что там может происходить...

— Господин,— торжественно произнес управляющий, видимо донельзя довольный своей придумкой,— прикажи отодрать их кнутами, а потом отрежь языки. Тогда они ничего не смогут рассказывать!

— Моло... — хотел похвалить его советник, но слова застряли в его горле.

Дверь слетела с петель, и на пороге с обнаженным мечом в руке вырос Конан.

— Язык отрезать, говоришь? — В мертвой тишине голос киммерийца звучал подобно грому.—

Ловко придумал, мудрец! Тебе-то я его и отрежу, вот только погоди немножко.

Последнее было сказано напрасно. Лысый оцепенел на своей скамье, и сейчас никакая сила не могла бы сдвинуть его с места хоть на волос. Прошло несколько секунд — и вдруг его тело брякнулось на пол: ужас оказался сильнее жажды жизни.

— Жаль,— усмехнулся киммериец,— но, видно, боги пощадили его. А что скажешь ты, сын гиены?

Тот, к кому столь несоответственно высокой должности обратился варвар, молчал. Он пытался вдавиться в дизанные подушки, но выходило неважно — похоже, подушки обрели твердость камня и не поддавались, или это ему только так казалось?.. Конан сделал два шага вперед и схватил советника за ворот рубахи:

— Про должок помнишь, зловонный мешок с требухой?

Советник упорно продолжал молчать, будто язык проглотил. Варвар отвесил ему легкую затрещину — зубы чернобородого клацнули, и тут его словно прорвало. Он зачастил скороговоркой — так болтают обычно с толпой базарные фигляры; слова понеслись из него, как водопад:

— Пощади, киммериец! Я пошутил! Я все тебе отдам, все, бери что хочешь! Деньги, камни, мой гарем! Только не убивай, умоляю! Ты же знаешь, как я тебя уважаю! Помнишь, я ведь всегда плачу!

Варвар встряхнул его, как тряпичную куклу. Руки и ноги советника безвольно болтались в воздухе.

— Заткнись, ублюдок!

Тот не умолкал — скорее всего, был просто не в состоянии остановить словесное извержение. Он продолжал что-то бессвязно говорить, умолять, хватал Конана за руки, стараясь запечатлеть на них поцелуй.

— А, надоел ты мне! — Раздосадованный варвар дал советнику по шее ребром ладони.

Тот дернулся пару раз, и Нергал забрал еще одну законную добычу.

Конан присел на диван и наскоро проглотил несколько кусков рыбы, остававшихся на блюде,— голод давал о себе знать, киммериец не ел со вчерашнего дня.

— Хм, неплохо ты питался, клянусь брюхом Крома! — Он поглядел на тело советника и увидел, что под ним лежит какой-то свиток. Конан потянул пергамент на себя. Слава богам, что он научился читать!

— Так, список должников по податям... — разобрал киммериец. Несколько имен были ему знакомы.

— Ба, да это все почтенные люди,— присвистнул он.— Попади этот список к повелителю, несладко им придется. «Ладно, возьму с собой, глядишь, и пригодится», — решил варвар, пряча свиток в рукав. Потом еще раз оглядел зал.

— Хорошо все-таки жил этот шакал. Красиво! Однако пора и честь знать! Что-то мы здесь задержались...

Он вышел и неспешно запагал по коридорам. Стражников на пути больше не попадалось — то

ли он их всех перебил, то ли те предусмотрительно попрятались. Их дело! Дойдя до дверей гарема, варвар шарахнулся по створке кулаком.

— Кто там? — спросил дрожащий голос евнуха.

— Я! — коротко бросил киммериец.

Дверь отворилась. Толстяк бухнулся ему в ноги:

— Вот твоя девушка, с ней все в порядке, я все сделал, как ты сказал, — затараторил он своим писклявым голосом.

Замира сидела на скамье, закутанная в дорогой наряд из кхитайского шелка. Перед нею красовался столик с яствами. Конан слглотнул слюну:

— Жаль, что некогда! Копыта Нергала! Целые сутки ничего не успеваю: ни поесть, ни поспать, ни... Ну да ладно, — махнул он рукой, — значит, не судьба. Пойдем отсюда, Замира.

Выйдя на дворцове крыльце, они увидели у ворот толпу богато одетых людей, которые о чем-то возбужденно переговаривались между собой, временами бросая косые взгляды на парадный вход.

«Торговцы! — догадался варвар. — Пришли заплатить, чтобы он не подавал повелителю списка. Отлично, вот заработка сам ко мне и приехал!»

Увидев вышедшего с мечом в руке Конана, купцы поплотнее сбились в кучку и выжидательно глядели на варвара.

— О! Знакомые почтенные лица! — весело приветствовал их киммериец. — И чего же вы здесь ждете? Сегодня господину советнику не до

вас: похоже, он сильно, на редкость сильно занемог. И вообще, вашим делом он не сможет заниматься очень долго. Если сказать совсем честно, Нергал прислал за ним, и он пошел — а что еще ему оставалось делать?

Варвар разразился таким громоподобным хохотом, что у некоторых слушателей заложило уши.

— Так что расходитесь-ка по домам! — посоветовал Конан; и вдруг, когда они понуро побрали к воротам, передумал: — Нет, пожалуй, можете остаться!

Торговцы послушно замерли — вид варвара с огромным мечом не оставлял ни малейшего желания перечить.

— Почтенный Калой, у тебя рожа вроде бы не такая глупая, подойди ко мне, — поманил киммериец купца.

Тот приблизился и с опаской уставился на Конана.

— Ты человек ученый, наверное, и читать умеешь?

— Конечно, — ответил торговец, в душе прогнивая себя, что напросился на прием к советнику.

— Посмотри-ка этот свиток, почтенный. Понимаешь ли, те, кто его составил, уже довольно далеко отсюда, и я ума не приложу, что с ним делать.

Калой робко протянул руку и взял пергамент. Пробежав глазами первые строчки, он похолодел: донос на него и еще на нескольких купцов

повелителю! Он искоса взглянул на невозмутимого киммерийца. Тот равнодушно зевнул, ожидая ответа.

— Да так, какое-то прошение, ничего особенного,— решил схитрить купец, уверенный, что варвар, конечно же, не знает грамоты.— Ни к чему тебе и время тратить на такую ерунду! Пустяк, право...

— Я так и думал,— еще шире зевнул Конан.— Значит, имеет смысл отнести его во дворец, пусть чиновники повелителя читают. Пошли скорее, Замира!

Он свернулся свиток в трубочку и сделал шаг в сторону ворот.

Почтенному купцу Калою чуть не сделалось дурно.

— Постой, Конан,— жалобно заблеял он,— дай я еще раз посмотрю!

— Да ну тебя,— отмахнулся варвар,— тут тебе не скрипторий! Сам ведь говоришь, какой-то пустячок...

Торговец понял, что совершил ошибку и, может быть, ошибку смертельную.

Он вцепился в рукав киммерийца, плохо соображая от ужаса, что можно сделать. Варвар широкими шагами шел к воротам, волоча за собой почтенного торговца.

Остальные разинули рты от изумления, совершенно не понимая, что происходит. Никогда прежде им не доводилось видеть такого обращения с одним из купцов. Это было нечто поразительное.

«Уже ничего не соображает,— понял киммериец,— как бы бедолагу удар не хватил». Он остановился. Руки торговца разжались, и он упал лицом в пыль.

— Что с тобой, любезный? — заботливо осведомился киммериец.

— Я передумал,— едва отдышавшись, сказал Калой.

— Чего это ты передумал? — прикинулся ничего не понимающим варвар.— В толк не возьму, о чем речь!

— Пергамент очень важный!

— Да-а?..— переспросил киммериец, изображая удивление.— Вот что значит грамотный человек — не сразу, но сообразил, в чем дело,— он воздел руки к небу,— а мне, дикому, и невдомек, что там.

Калой уже понял, что Конан издевается над ним.

«На кол бы тебя, варвар! — злобно подумал торговец.— И где это он умудрился обучиться грамоте?.. Жалость какая, теперь придется платить куда дороже...»

— Я же говорил, ты кажешься умнее, чем твои товарищи! — захотел киммериец, посмотрев на Калоя и догадавшись, о чем тот думает.— Видишь, они ничего не понимают, а ты уже кое-что сообразил.

— Сколько? — тоскливо спросил торговец, сознавая свое бессилие.

Конан пристально оглядел столпившихся купцов:

— Посоветуйся с ними, хитрый пес! Я подожду, но учти — очень недолго.

Купцы окружили Калоя и загудели, как пчелиный рой.

Через некоторое время один из них отделился от толпы, неся на вытянутых руках небольшой ларчик.

Подойдя к киммерийцу, он откинул крышку: в лучах утреннего солнца засияла груда золотых.

«А не умел бы я читать? Прав был старик,— вспомнил варвар чародея Ааруба, обучившего его искусству понимания начертанных на бумаге знаков,— неграмотный человек подобен слепцу. Слава Солнцеликому, мне повезло».

— Чудесный ларчик,— усмехнулся Конан,— подумать только, за какой-то там пустяковый свиток — и такая плата! Возьми пергамент, почтеннейший! Да, кстати, вот тебе золотой,— он вытащил из ларца монету и дал купцу,— подвези нас в своей коляске до базара, видишь — мы торопимся!

* * *

— Дело сделано, но из города придется исчезнуть! И, боюсь, не только мне. Слишком уж мы примелькались тут. Наворотили дел... Лучше и впрямь на время уехать,— задумчиво протянул киммериец, наливая новую кружку вина.— Уф! До чего ж во рту пересохло! У этого чернобородого, говоря по правде, меня встречали не ахти как хорошо!

Они с Дениярой сидели за столом, уставленным блюдами и подносами с едой.

Киммериец до того проголодался, что мог бы съесть целого быка,— так он, по крайней мере, думал.

— Все-таки это был первый советник повелителя. Уже завтра утром — хорошо, если не сегодня — его ищейки разнюхают про Замиру и про тебя, и тогда вам нельзя здесь оставаться, Нергал мне в печень, если я не прав! Так что давайте собирать вещички.

— Все что ни делается, делается к лучшему,— отозвалась Денияра,— я уже давно подумывала, не уехать ли в Шем или Зингару. Вот случай и представился, боги за нас решили, что делать. Так что и думать нечего: едем! Спасибо тебе за совет, Конан. Он пришелся нам всем как нельзя кстати.

— А Нинус? — спросил киммериец.

— Я говорила с братцем, он тоже решил покинуть эти места. Наверное, поедем вместе. Все веселее в дороге.

— Тогда надо собираться,— решил варвар.— У меня тоже найдутся дела за пределами Заморы: может быть, наведаюсь в О菲尔. Звезда Хораллы — хороший повод, чтобы познакомиться с тамошней королевской семьей. Как-никак — это их фамильная драгоценность. Не может быть, чтобы там не обрадовались этому камешку! Вот и поглядим...

Киммериец засмеялся, предвкушая очередное приключение. Его неугомонная натура вечно не давала ему покоя.

Эх, а славный все же камешек, видит Кром!

Конан развернул платок, положил на ладонь тускло блестевшее серебристое кольцо, повернулся — и Синий Сапфир заиграл гранями, словно там внутри скрывался таинственный огонь.

Истинное чудо, даже трудно поверить, что видишь его своими глазами! Конан с грустью смотрел на самоцвет, словно предчувствуя скорую разлуку. Впрочем, у него ни золото, ни камни никогда не задерживались надолго. Словно Бел, бог воров, шутил над своим непутевым приемным сыном. А, может, так оно и было?

Остальные тоже молча глядели на камень, каждый задумался о своем.

Что ждет впереди?..

И разве мог сейчас знать киммериец, что с таким трудом добытый им когда-то сапфир спустя многие, многие годы, после того, как он благополучно спустился за игрой в кости, вновь вернется к Конану в туранском городе Замбуле, который обретет камень повторно, чтобы возвратить истинной владелице — королеве Офира Марэле... Но это будет еще нескоро.

— У меня для тебя еще один подарок,— сказал вдруг Конан, вытащил из мешка ларчик и отдал Денияре.

— Ты же мне вчера уже подарил один! Как ты щедр, любимый!

— Открой — этот мне понравился еще больше,— усмехнулся Конан.

— Ой! Столько золотых! Откуда такое богатство?

— Немного возьму себе на дорогу,— выуживая несколько монет, сказал киммериец.— А остальное — тебе. Я себе еще добуду, да и все равно монеты сквозь пальцы утекут. Тебе нужнее. Бери, красавица!

Расстроганная девушка залилась слезами. Еще никто и никогда не заботился о ней так, как этот неотесанный северянин.

У Денияры на миг в душе поселился страх: а как она будет дальше жить без него?! Может быть, броситься ему на шею, попросить взять с собой...

Но женщина знала, что это будет тщетно. Как бы ни был привязан к ней киммериец, свободу он любит еще больше.

И потому, как мудрая женщина, она не стала омрачать разлуку своей грустью, а постаралась устроить все так, чтобы их прощальный вечер запомнился северянину надолго.

...Когда Конан покинул гостеприимный дом Денияры, была глубокая ночь.

Прощание с женщиной оказалось трогательным и столь бурным, что даже такой могучий человек, каким был варвар, испытывал легкую слабость в коленях.

* * *

На следующее утро небольшой караван выехал из южных ворот Шадизара: несколько всадников на горячих туранских жеребцах сопровождали четырех женщин и двоих мужчин; замыкали кавалькаду несколько мулов с поклажей. Когда

городские стены скрылись за барханами, один из всадников отделился и взял путь на север.

— Прощай, Конан! — помахали руками женщины, утирая глаза, полные слез. — Увидимся ли еще когда-нибудь?

— Жизнь велика, а боги милостивы! — отвечал всадник. — Счастливо тебе, Денидра, и вам, красавицы! Прощай и ты, Нинус!

Он проскакал несколько сот локтей и оглянулся. Освещенный лучами восходящего солнца караван шел по гребню.

С этого расстояния уже нельзя было различить человеческих лиц, фигуры все уменьшались и уменьшались, пока не превратились в едва заметные точки.

СОДЕРЖАНИЕ

ОСТРОВ ЗАБЫТЫХ БОГОВ

Тварь в Алой Башне. Роберт Говард	7
Остров забытых богов. Дэррил Уайл	47

Тим Доннел

ПЕРСТЕНЬ МАГА

Глава первая	95
Глава вторая	115
Глава третья	133
Глава четвертая	167
Глава пятая	183
Глава шестая	201
Глава седьмая	223

ЗВЕЗДЫ ШАДИЗАРА

Золото Ольта. Гидеон Эйлат	243
Тени подземелья	313
Голос крови. Крис Уэйнрайт	353

Литературно-художественное издание

КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДИЗАРА

Руководитель проекта: Дмитрий Ивахнов. Составитель: Наталья Баулина. Художник: Владислав Асадуллин. Художественный редактор: Игорь Богданов. Серийное оформление: Дмитрий Вяземский. Верстка: Ирина Федорова. Технический редактор: Валентин Успенский. Корректор: Светлана Митина.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 17.01.2000. Формат 84Х108 1/32. Гарнитура «Палатино». Печать офсетная. Бумага типографская. Усл. печ. л. 21,84. Тираж 10 000 экз. Заказ 922.

Издательство «Северо-Запад Пресс». Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999. Санкт-Петербург, ул. Казначейская д. 4/16, лит. А

Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125.

sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

"САГА О КОНАНЕ"

**КОНАН
И СКЛЕП
ХАОСА**

РЫЖАЯ СОНИ

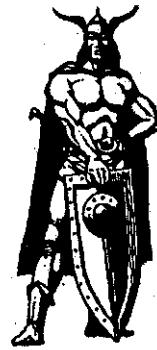
ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
**"САГА О РЫЖЕЙ
СОНЕ"**

**РЫЖАЯ
СОНИ
И
МЕЧ
СЕВЕРА**

ЭКСКАПА

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
"САГА О КУЛЛЕ"

**КУЛЛ
И ОГНЕННЫЙ
ДЕМОН**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ»

ИЗДАНЫ КНИГИ:
«ЦИТАДЕЛЬ», «ИЗБРАННИК»,
«ПОСЛАНИК»

СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ» ПОГРУЖАЕТ ЧИТАТЕЛЯ
В УДИВИТЕЛЬНЫЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ МИР,
СОЗДАННЫЙ ФАНТАЗИЕЙ КОЛИНА УИЛСОНА
И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ
КНИГА X

«ПАЛОМНИК»

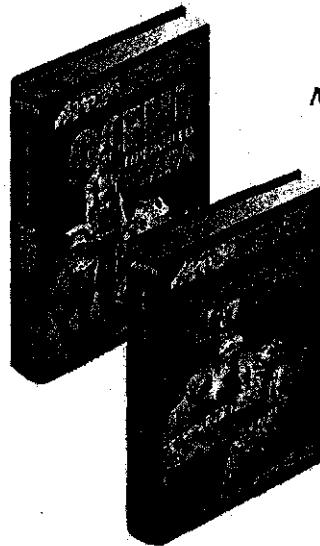
НЕ ПРОПУСТИТЕ НОВИНКИ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«ПЕРЕКРЕСТОК МИРОВ»

МНОЖЕСТВО ДОРОГ ВЕДЕТ К
ПЕРЕКРЕСТКУ МИРОВ

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ,
МИСТИКА И ФАНТАЗИЯ,
РОЖДЕННЫЕ
ВООБРАЖЕНИЕМ
ТАКИХ
АВТОРОВ КАК

А. ДАШКОВ,
М. и С. ДЯЧЕНКО,
А. ЗОРИЧ,
Д. СКИРЮК

УВЛЕКУТ ВАС В
НЕВЕДОМЫЕ ДАЛИ...

И КОГДА ВЫ ОГЛЯНЕТЕСЬ НА СВОЙ ПРИВЫЧНЫЙ МИР-

ВЫ НЕ УЗНАЕТЕ ЕГО!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**Марина и Сергей
Дяченко**

Скидальцы

Впервые знаменитая эпопея фэнтези
публикуется в полностью !

Наконец вы сможете прочитать
долгожданный роман

"Авантюрист"

завершающий блестательную
трилогию:

"Привратник"

"Играл"

"Преемник"

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Дмитрий Скирюк

ОСЕННИЙ ЛИС

Причудливый и противоречивый мир.

Здесь Лес говорит с человеком. Здесь
Гаммельнский крысолов под звуки дудочки
заманивает детей-колдунон.

Здесь радушный граф Дракула встречает
гостей в своем замке.

Здесь все перевернуто с ног на голову - или
с головы на ноги? Кто знает...

Все может случиться в мире, где под осенней
луной танцуют рыжие лисы...

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ

ПОСЛЕДНИЙ АЗАТАР

Если вы рассстались со всеми иллюзиями -
самое время познакомиться
новыми!

Роман кульпового автора
Александра Зорича "Последний азатар"
научит вас получать
удовольствие от виртуальной реальности,
реальности столь же подлинной,
сколь и опасной.

Русские умеют писать романы
о будущем России. И
они делают это лучше
американцев!

"Последний азатар" - роман 2000 года!

Читайте - поспорим!

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

ХОНАН
КЛУБ

197022, Санкт-Петербург
а/я 125

Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

**ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
«АСТ»**

По вопросам покупки книг
обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж.

Тел.(095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

САГА О КОНАНЕ

КОНАН
И КОПЬЕ
КРОМА

29

КОНАН
И ВРАТА
ВЕЧНОСТИ

30

КОНАН
И АЛМАЗНЫЙ
ЛАБИРИНТ

31

КОНАН
И РАСКОЛОТЫЙ
ИДОЛ

32

КОНАН
И ЧАША
ВЕССМЕРТИЯ

33

КОНАН
И ЛЕДЯНОЙ
СТРАЖ

34

КОНАН
И ТОРГОВЦЫ
ГРЕЗАМИ

35

КОНАН
И АЛТАРЬ
ПОБЕДЫ

36

КОНАН
И БИТВА
БЕССМЕРТНЫХ

37

КОНАН
И ПОЖИРАТЕЛИ
ГЛОТИ

38

КОНАН
И БЕРЕГ
ПРОКАЛЯТЫХ

39

КОНАН
И ОКОВЫ
БЕЗМОЛВИЯ

40

КОНАН
И ВЛАДЫЧИЦА
НЕВЕС

41

КОНАН
И ДРЕВО
МИРОВ

42

КОНАН
И КОЛЬЦО
ВЛАСТИ

43

КОНАН
И ЗОВ
ДРЕВНИХ

44

КОНАН
И ПРОРОК
ТЪМНЫ

45

КОНАН
И ГНЕВ
СЕТА

46

КОНАН
И ХРАМ
НОЧИ

47

КОНАН
И КОРОЛЬ
ВОРОВ

48

КОНАН
И ПОДЗЕМНЫЙ
ОГОНЬ

49

КОНАН
И МЯТЕЖ
ЧЕТЫРЕХ

50

КОНАН
И КЛЕЙМО
ЗМЕЯ

51

КОНАН
И ХОЗЯИН
ОКЕАНА

52

КОНАН
И КОРОНА
МИРА

53

КОНАН
И ПОСЛАНИК
СВЕТА

54

КОНАН
И СПЯЩЕЕ
ЗАО

55

КОНАН
И ЗВЕЗДЫ
ШАДИЗАРА

56

KOAH

ISBN 5-93698-004-9

A standard linear barcode representing the ISBN number 5-93698-004-9.

9 785936 980046 >